

INSPIRIA

НОВЫЙ СКАНДИНАВСКИЙ ТРАППЕР

БЛАД

ОС

АННЕ МЕТТЕ ХАНКОК

СОБИРАТЕЛЬ ЛИЦ

INSPIRIA

Annotation

Прямо из школы пропал мальчик. Журналистке Элоизе Кальдан придется отложить статью о военных с посттравматическим расстройством, чтобы расследовать исчезновение Лукаса. Когда два ее дела — статья и поиск мальчика — переплетаются, Элоиза просит помощи у давнего друга, Эрика Шефера. Вместе им предстоит разобраться, какую роль играют военные в пропаже мальчика и кто этот «Яблочный человек», о котором говорят школьники? «Собиратель лиц» — вторая книга в серии Анне Метте Ханкок об Элоизе Кальдан и Эрике Шефере. Это по-скандинавски жесткий роман о сильных женщинах, история преступлений, мести и возмездия, которая освещает новые грани жесткого триллера и смещает фокус с фигуры мрачного небритого полицейского на обычных женщин — журналисток, следователей, программисток, которые под давлением обстоятельств и зачастую наперекор мнению окружающих выводят расследование на новый уровень.

- [Анне Метте Ханкок](#)

-
-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [Благодарность](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

Анне Метте Ханкок

Собиратель лиц

© Дарская А., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается Веге и Кастору.
Ваши имена — в звёздах.*

Мужчина двигался быстро, скользя вдоль голых кустов и деревьев. Казалось, что февральский ветер дул со всех сторон одновременно, впиваясь ему в щёки тысячами крошечных игл. Он затянул завязки на шапке, чтобы та села на голове поплотнее, и осмотрелся.

Вблизи крепости Кастеллет сегодня никто не бегал и не выгуливал собак. Вот уже несколько дней подряд температура колебалась около нулевой отметки, то опускаясь, то поднимаясь, словно речная волна. Ветер дул так сильно, что, казалось, наступила самая холодная зима столетия. Копенгаген совсем обезлюдел, словно город-призрак.

Мужчина остановился и прислушался.

...Тишина.

Ни сирен, взрезающих однообразный гул города. Ни синих проблесковых маячков, мерцающих в полутьме.

Он поднялся на самую вершину насыпи и оглядел гавань, которая раскинулась перед штаб-квартирой компании «Мэрск», и парковку у ресторана «Толбоден». Увидев, что парковка пуста, он нахмурился и посмотрел на часы.

Ну и где их черти носят?

Мужчина достал пачку сигарет из внутреннего кармана и присел на корточки возле одной из крепостных пушек. Хотел щёлкнуть зажигалкой, но руки до того заледенели, что кожа на них уже приобрела восковой оттенок и они казались мёртвыми. Он стал выпрямлять и сгибать пальцы, чтобы восстановить кровообращение, и заметил кровь — маленький лилово-чёрный полумесяц под ногтем на указательном пальце.

Он лениво попробовал выскрести запёкшуюся кровь, но вскоре бросил и снова занялся зажигалкой. Как только удалось её зажечь, он сразу же засунул руки в карманы и плотнее сжал сигарету губами, не прекращая нетерпеливо ходить туда-сюда и то и дело бросая взгляд на парковку.

Да давайте уже, чёрт побери!

Он не любил тишину. Ожидание всегда делало его беспокойным, у него начинало сосать под ложечкой. Лучше уж чем-нибудь заниматься, постоянно быть в движении. Тишина давала время на размышления, возвращала его туда, где дым стоял до того плотный, что приходилось пробираться на ощупь мимо мёртвых, искалеченных тел. К крови, которая текла у него из глаз и бежала по щекам, к тишине. К парализующей

тишине, которая следовала за взрывом, пока они — те, кто мог, — выползали из пыльной тьмы и собирались вокруг разрушенного здания.

Окаменевшие. В шоке.

Если бы он только мог освободиться от этих воспоминаний. Отпустить их, как связку воздушных шаров, и смотреть, как они исчезают, пританцовывая, в небе и наконец полностью скрываются из виду.

Мужчина вновь посмотрел вниз, на «Толбоден», и заметил серебристую «Ауди», которая подъехала к зданию и остановилась. Двигатель не заглушили; вылетающие из нагретой выхлопной трубы газы клубились облачками. Дальний свет фар один раз моргнул, давая понять, что можно идти.

Наконец-то!

Мужчина начал спускаться к машине, но на полпути к подножью крепостного вала нечто заставило его сбавить скорость. Он прищурился и пристально посмотрел на мост, перекинутый надо рвом, который опоясывал крепость.

Затем остановился.

На середине моста стоял кто-то, почти совсем неразличимый в сумерках: лишь силуэт человека в капюшоне с оранжевым рюкзаком за спиной. Мужчина замедлил шаг, увидев, что фигура замерла в странной позе, нагнувшись вперёд. А остановился он, когда понял, что этот кто-то крепко держит ребёнка.

Мальчик, с виду лет восьми-девяти, безвольно свешивался с моста, а человек с рюкзаком держал его, вцепившись в пуховик. Человек что-то говорил, но из-за ветра ничего не было слышно.

Мужчина снова взглянул на машину, которая настойчиво моргнула фарами ещё раз. Нужно было торопиться, но...

Он опять посмотрел на мост. Руки, державшие куртку мальчика, разжались.

Клиника располагалась на заднем дворе в заросшем плющом здании, которое будто бы с любопытством заглядывало за стену замка Фредерика VIII. Из окна приёмной Элоизе Кальдан была видна покрытая инеем верхушка купола Мраморной церкви и гвардейцы, которые, как лунатики, ходили кругами по площади перед королевской резиденцией Амалиенборг.

Она взяла в руки глянцевый журнал и, листая его, нервно покачивала ногой. От волнения у неё покалывало в пальцах, а отсутствующий взгляд блуждал по репортажам с показов мод и рекламе кремов для лица. Всё так поверхностно, только и дел, что превозносить подростковую анорексию, прикрыв это красивой обёрткой.

Кто вообще читает эту чушь?

Она бросила журнал и огляделась.

Помещение как будто сошло с обложки какого-нибудь калифорнийского каталога интерьеров. Оно было выдержано в коньячных тонах, на общем фоне выделялись только суккуленты в громадных глиняных горшках. Стены украшали плакаты и литографии всевозможных размеров и форм. Они висели так плотно, что посетитель едва угадывал под ними асфальтовый оттенок самих стен. На полу лежал кремового цвета ковёр в берберском стиле, который завершающим штрихом связывал все элементы воедино. Всё было до того красиво, что легко было и забыть, зачем, собственно, ты сюда пришёл.

И всё же...

В приёмной ожидали ещё два пациента. Пожилой худой мужчина и девушка с молочно-белой кожей и огромными светло-серыми глазами. Элоиза дала бы ей не больше восемнадцати лет и очень хотела бы верить, что та пришла сюда по иной причине, нежели она сама.

Высокий светловолосый мужчина в белых кожаных штанах и мятно-зелёной футболке выглянул в приёмную, и девушка сразу выпрямила спину. Она втянула ноздри, надула губки и выпятила их, слегка приоткрыв рот, как для поцелуя, стараясь, чтобы они выглядели полнее. Получилось такое выражение лица, будто она почувствовала дурной запах.

«Привычка к селфи», — подумала Элоиза. Одно из самых странных изобретений нашего времени.

— Элоиза?

Она встала.

Теперь оставалось только дотерпеть.

Врач жестом пригласил её в смотровую. Заглянул в медицинскую карточку на мониторе компьютера и перевел взгляд на Элоизу.

— Илоиза... Вы беременны?

Он неправильно произнёс её имя. В таком виде оно звучало неприятно. Как-то напряжённо. Элоиза поправляла врача каждый свой визит к нему вот уже четыре года. В этот раз она не стала этого делать и просто сказала:

— Да, похоже на то.

— У вас раньше были беременности?

Она покачала головой и протянула ему тест, который лежал у неё в сумке. Две красные полоски. Одна была отчётливой, вторая пастельной и неяркой, как бледная радуга, но вполне различимой, если смотреть на тест издали.

Врач взглянул на него и кивнул:

— Результат, похоже, положительный. Я так понимаю, вас это сейчас не вполне устраивает?

— Да, это не входило в планы.

Он кивнул и сел за белый блестящий стол.

— Да, и такое бывает.

Элоиза села напротив и поставила сумку на старый паркет. Пол не меняли с момента постройки здания, он был покрыт мелкими трещинками, какие бывают на старых супницах, и уже пошёл волнами, так что стул под Элоизой слегка покачивался.

Врач тепло улыбнулся, подчеркивая, что она может говорить с ним абсолютно откровенно. Ямочки у него на щеках были похожи на отпечатки пальцев на глине, а его глаза без тени смущения были устремлены на неё. Ей понадобилась пара лет, чтобы понять, что их магнетическое сияние и прямой взгляд не были направлены исключительно на неё. Он не флиртовал, он был искренне заинтересован в её здоровье. К тому же блеск его сине-зелёных глаз перекликался с блеском полированного кольца из белого золота на безымянном пальце.

— Согласно той информации, которую вы предоставили, когда звонили сегодня с утра, вы примерно на пятой неделе. Верно?

Элоиза опустила взгляд и кивнула. Во всяком случае, такой результат выдал сайт для беременных, который она нашла в интернете.

— Это хорошо, — сказал врач. — Дело в том, что в Дании медикаментозный аборт возможен в первые семь недель беременности. С восьми до двенадцати недель возможно только хирургическое прерывание.

Элоиза вновь подняла глаза.

— То есть нужно лечь в больницу?

— Да. Это кратковременное хирургическое вмешательство, тем не менее всегда лучше избегать наркоза, если есть такая возможность. Поэтому я дам вам вот это...

Он протянул Элоизе таблетку из упаковки, на которой зелёными буквами было написано «Мифегин».

— Вы примете её, когда мы подтвердим ваш срок, и беременность будет гарантированно прервана.

Он сделал пол-оборота на офисном кресле и добавил привычные пару строк в медицинскую карту.

— Я выпишу вам рецепт на 50 мг «Диклона», он способствует расслаблению мышц, и препарат под названием «Сайтотек».

Пока он говорил, сердце Элоизы билось как-то непривычно, неровно.

Беременность будет гарантированно прервана...

Во что она ввязалась? Как она, чёрт побери, вообще очутилась здесь?

— Процедура займёт не больше пары часов, и обычно всё проходит нормально, — продолжал врач. — Однако всё равно лучше выделить на это целый день, и чтобы кто-нибудь был рядом, пока это происходит. Я не припомню: есть ли у вас молодой человек, который сможет за вами присмотреть?

Элоиза покачала головой:

— И да, и нет. У нас всё... сложно.

Врач сжал губы и понимающе кивнул:

— Так обычно и бывает. Для большинства это непростая ситуация.

Элоиза посмотрела на таблетку на своей ладони и подумала про Мартина.

Она знала, что известие о ребёнке привело бы его в восторг. Мартин обрадовался бы и преисполнился ожиданий сверх всякой меры, а их отношения перешли бы на следующий уровень: он понуждал бы её двигаться вперёд семимильными шагами, а ей бы захотелось сделать шага три назад.

Элоиза предпочитала, чтобы всё оставалось как есть. Или, вернее, как было. Их отношения были забавными, милыми и, что самое главное, всё ещё ни к чему не обязывали. Но потом ей стало казаться, что с каждым днём они всё больше напоминают тикающую бомбу. Отсчёт начался с появлением двух полосок на тесте, и перед внутренним взором Элоизы уже мигали красные цифры, показывавшие время, которое оставалось до судного дня. Эта дрянь взорвётся, какой бы провод она ни решила резать — хоть красный, хоть синий. Это она знала.

Врач внимательно смотрел на Элоизу, пытаясь верно истолковать сдержанный язык её тела.

— Если вы сомневаетесь, вы можете, конечно, подождать...

— Я не сомневаюсь.

— Ладно, но тогда давайте посмотрим, какой у вас всё-таки срок?

Он подбородком указал на кушетку и надел очки в пластиковой оправе стального цвета. Стёклышки очков смотрелись на удивление маленькими на его широком лице.

— Такой домашний тест может быть неточным, а нам нужно быть уверенными, что ваш срок не больше восьми недель.

Элоиза сделала глубокий вдох и сняла куртку.

Тишину в комнате нарушало лишь тиканье секундной стрелки часов, висевших над кушеткой, и размеренное дыхание врача.

Сама Элоиза задержала дыхание.

Она лежала, отвернув лицо от изображений на мониторе, она боялась, что никогда не сможет стереть их из памяти, если увидит хоть на мгновение. Целую неделю она старалась не представлять себе, что там внутри, но по ночам ей спалось очень беспокойно, она вертелась волчком на мокрых от пота простынях и видела во сне маленькие ручки и ножки. Пальчики на них. Шею со складочками.

И никогда не видела лица.

Каждый раз в том месте, где заканчивалась шея, было лишь бесформенное пятно. Вогнутая поверхность, без контура, без цвета, как будто у ребёнка вместо головы была тарелка.

Что бы это значило?

Что она не хотела продолжать род Мартина? Что она приходила в ужас от мысли о продолжении своего собственного?

Элоиза никак не могла перестать думать, передаётся ли зло по наследству.

Могла ли у кого-то в крови притаиться гнильца, как дремлющая клетка, которая способна проявить себя через поколение или два. Ей ни при каких обстоятельствах не хотелось предоставлять своё тело для такого эксперимента.

— Так, Илоиза, — сказал врач, — он уже довольно большой. Посмотрите сюда...

Элоиза нехотя повернулась.

— Вот здесь мочевого пузыря, здесь желудок... — Врач указывал на экран, на котором была видна непонятная чёрно-белая масса. — А это матка, видите?

Элоиза положила голову набок и тупо уставилась на кляксу перед собой. Это мог быть ультразвук чего угодно: человеческого мозга, коровьего желудка... Или Юпитера! Разницы она бы не увидела.

Он нарисовал пальцем небольшой круг вокруг пятнышка в форме арахиса.

— Вот, видите? По всей видимости, вы правы насчёт пяти недель, плюс-минус пара дней.

Элоиза кивнула и отвела взгляд.

— Всё в порядке? — спросил он и отключил монитор. — Ситуация прояснилась?

— Да. — Она приподнялась на локтях. — Но я вообще-то хотела спросить о другом. У меня уже довольно долгое время неприятное потягивающее ощущение в теле...

Врач снял латексную перчатку, из-за чего в воздухе образовалось облачко талька, и кивнул, чтобы она продолжала:

— Расскажите поподробнее.

— Не знаю, как объяснить. Что-то у меня... не в порядке. Хожу как потерянная, как будто в тумане, мысли мельтешат в голове. И это уже давно, мне кажется. Несколько месяцев. Задолго до вот этого, — она кивнула на живот.

Врач снял очки с носа двумя пальцами и положил их в карман футболки, внимательно глядя на Элоизу.

— Вы сказали «неприятное ощущение». Вы имеете в виду какого-то рода беспокойство?

— Да.

— На грудь давит? Учащённое сердцебиение?

Она кивнула.

— А чем вы занимаетесь, Илоиза? — постоянно это неправильное произношение. — Вы журналист, не так ли?

— Да.

— Значит, вы напряжённо работаете?

— Ну, пожалуй, да.

— Вы берёте работу на дом?

Элоиза пожала плечами.

— А разве не все так делают?

Он скрестил руки на груди и прикусил нижнюю губу, оглядывая Элоизу.

— Похоже на стресс. У вас в последнее время не было сложных периодов в жизни?

Элоиза ощутила покалывание в висках, а воспоминания забурлили в ней, как пузырьки метана в болоте: руки, сжимающие её шею; дети с погасшими глазами; буквы, высеченные на могиле её отца...

Воспоминания, от которых сердце Элоизы почернело и покрылось льдом.

Сложный период?

— Можно и так сказать, — ответила она, садясь.

— Ваши симптомы являются показателями стресса, — сказал врач и сложил руки на груди. — Но я бы всё равно предложил сдать анализы на замедленный обмен веществ, так что давайте возьмём кровь на всякий...

Его прервали два сильных удара в дверь. Не дожидаясь ответа, немолодая секретарша просунула ярко накрашенное лицо в дверь.

— Извините, что прерываю, Йенс, но вам звонят. — Она указала на телефонный аппарат, стоявший на светлом столе работы Ханса Вегнера^[1] в другом конце помещения. — Из школы. Говорят, это важно.

Врач нахмурился, и вертикальная морщинка пролегла посередине лба.

Он обернулся к Элоизе и виновато улыбнулся:

— Извините, если вы не против, я...

Элоиза махнула рукой:

— Конечно.

Он закрыл за собой матовую стеклянную дверь, которая разделяла кабинет на две части. Элоиза слышала, как он быстро идёт к телефону.

Она посмотрела на таблетку, которую всё ещё сжимала в руке. Та размокла от пота и начала расплываться на ладони, так что линия жизни Элоизы покрылась белой порошкообразной массой. Она положила таблетку на маленький железный поднос и краем уха слушала ответы доктора за дверью.

— Алло? Да, это я. Нет, он должен был... Который сейчас час, вы говорите? Значит, он освободился минут двадцать назад и, думаю, сейчас уже спускается по лестнице. Это может быть надолго... А может, он сразу пошёл на спортивную площадку с Патриком с продлёнки, я знаю, что они сегодня договаривались. Вы там проверяли?

Элоиза встала, надела брюки и взяла свою кожаную куртку.

— Нет, — продолжил доктор, — никто его не забирал. В этом я, во всяком случае, уверен, потому что сегодня его должна забирать жена, а она ещё на работе, и... Да, но я не могу... Ладно. Да, хорошо. Выхожу!

Элоизе было слышно, как он повесил трубку и набрал номер.

— Привет, это папа. Ты где? Перезвони сразу же, как услышишь моё сообщение, хорошо?

И ещё один звонок.

— Это я. Ты забирала Лукаса?.. С продлёнки только что звонили, он после школы не появлялся?

Элоиза улавливала в его голосе панику, нараставшую с каждой фразой. Она взглянула на фото в рамке, стоявшее на подоконнике. На нём врач выглядел моложе, чем сейчас, но Элоиза узнала его мягкий взгляд и твёрдую линию подбородка. Он обнимал красивую загорелую женщину с русыми волосами, одетую в летнее кремовое платье на бретельках. Между ними стоял ребёнок, на вид лет трёх-четырёх, и восторженно размахивал итальянским флагом.

— Я сейчас выезжаю туда, — прозвучало за стеклянной дверью. — Давай немного успокоимся, он же, чёрт возьми, должен быть где-то там.

Тревога в его голосе ещё больше убедила Элоизу, что она никогда не смогла бы так жить. В страхе. С той ответственностью, которую означает появление ребёнка. С той уязвимостью, которую он привнесёт в её жизнь.

Лучше уж ничего не чувствовать.

Она забрала таблетку с подноса, завернула её в салфетку и сунула в карман. Затем повесила сумку на плечо и вышла.

Вой пожарной сигнализации сдёрнул детектива Эрика Шефера на землю с тех облаков, в которых он витал, стоя у кухонной раковины.

Он стукнул по кнопке сигнализации кулаком размером с помело и выключил тостер. Удручающий запах холодного пластика ударил в нос, когда он открыл холодильник и разочарованно уставился на полупустые полки.

Внутри не было ничего, кроме пачки масла, банки джема и литра жирного молока, которые они с Конни купили в магазине «7/11», приземлившись в аэропорту Каструп минувшим вечером.

Он выставил всё на стол и вытащил вибрирующий телефон из заднего кармана. Звонила Лиза Августин, его напарница из Отдела по раскрытию преступлений против личности.

— Да-алло?

— Привет, это я, — оживлённый голос Августин прогремел из динамика.

Шефер скривился и отдёрнул трубку от уха.

— Доброе утро, — пробормотал он.

— Ну, вообще-то уже добрый день! У тебя джетлаг?

Шефер проворчал что-то в ответ.

— Как ваша поездка?

— Поездка хорошо, — ответил он и осторожно вытащил подгоревший хлеб из тостера. — Я, чёрт возьми, остался бы там навсегда.

Он соскоблил ножом гарь с хлеба. Крошечные чёрные частички зависали в воздухе вулканической пылью и бесшумно опускались на столешницу. Они напомнили ему чёрный песок на пляжах острова Сент-Люсия в Карибском море, где они с Конни провели последние пять недель в своей хижине на пляже Жалузи Бич. Это был дышащий на ладан деревянный дом приглушённого розового цвета с белыми ставнями на окнах, с пальмами, жёлтыми олеандрами и манговыми деревьями на заднем дворе.

Он уже скучал по ним.

Они приезжали на остров, где родилась и выросла Конни, все двадцать девять лет их знакомства, и Шефер уже начал предпочитать тамошнюю жизнь копенгагенским будням. Но всегда находилось что-то, что заставляло его сесть на самолёт и вновь взять курс на Данию. Каждый раз он говорил

Конни, что его влечёт туда отнюдь не работа, и тогда она снисходительно улыбалась. Она любила его достаточно сильно, чтобы позволить повернуть историю так, как ему хотелось.

А Лиза Августин — нет.

— Да ерунда! — засмеялась она. — Ты по мне скучал, признавайся!

Шефер проигнорировал это замечание.

— Чего звонишь?

— Хотела узнать, ты едешь?

— Через десять минут выхожу. — Он откусил кусок бутерброда с джемом. — Увидимся там.

— Нет, я потому и звоню. Я не в участке.

— А где тогда?

— Я еду в школу в Ньюхольм.

— Ньюхольм? — встрепенулся Шефер. — А что там случилось?

— Пропал ребёнок.

Он зажмурился. Первый рабочий день, и сразу *такое* дело.

— Да ты что... Что известно?

— Пока не очень много. Вызов приняли рядовые сотрудники, но я так поняла, что речь идёт о Лукасе Бьерре, десяти лет, который исчез сегодня в районе двух часов дня с продлёнки в школе.

Шефер взглянул на часы над плитой. Они показывали 15:33.

— Кто с тобой?

— Никого. Поэтому я и звоню.

— А как же Бро и Бертельсен, они где?

— Они расследуют убийство на Набережной Америки, а Клаусен сломал ключицу, так что я последние несколько дней солирую.

— Выезжаю.

Он повесил трубку и сделал глоток кофе, который Конни налила ему перед уходом в магазин. Кофе уже успел остыть.

Он быстро накинул ремни кобуры на плечи и достал зимнюю куртку.

По дороге к выходу он выглянул в окна террасы своего краснокаменного домика. Домовый воробей приземлился на скворечник, который Конни только что украсила двумя подвесными шариками-кормушками в зелёных сеточках, предварительно бросив туда пригоршню промасленных семечек.

Взгляд Шефера скользнул по утомлённому зимой пейзажу и задержался на садовой мебели, сложенной штабелем в углу сада и укрытой ворохом сухих листьев цвета ржавчины. Сгущались сумерки. Он снова вспомнил о солнце, которое неизменно вставало над островом Сент-Люсия,

вновь и вновь пробуждая новое дивное утро.

Поёжился и шагнул на холод.

— И какого лешего мы тут делаем? — пробурчал он и захлопнул за собой входную дверь.

Элоиза Кальдан нацелила пистолет на мужчину за большим столом, стоявшим посреди помещения.

Он сидел как будто в трансе, устремив взгляд на экран прямо перед собой, и под музыку из мобильного выбивал на краю стола барабанное соло выпрямленными указательными пальцами.

Один мощный удар по хай-хэту, а левой ногой — по невидимой бас-бочке.

Welcome to the jungle. We've got fun and games^[2].

Элоиза долго рассматривала тёмно-каштановые кудри, падавшие на его высокий лоб. Белая свежевыглаженная рубашка плотно облегла мускулистые бицепсы и грудь.

Глядя на него, она улыбнулась.

Такой одарённый человек, подумала она. Такой чуткий. Такой талантливый. И такой отчаянно тщеславный.

Она прислонилась к косяку двери, медленно, бесшумно, и положила палец на курок.

— Могенс?

— Ммм?

Журналист Могенс Бётгер оторвал глаза от экрана в ту же секунду, как ему в грудь ударил поролоновый шарик. Он издал животный крик и так резко откинулся на спинку кресла, что оно откатилось на пару метров назад.

— Какого?!.

Он разъярённо смотрел на Элоизу, которая хрюкала от смеха, уперев руки в колени. Таблетка была надёжно спрятана в кармане и придавала ей такую лёгкость, что она почти парила над землёй. День начался так ужасно, а теперь, казалось, у неё появился план побега. Она могла стереть мел с доски и начать заново.

Like dodging a fucking bullet^[3].

— Ты б себя видел, — хихикала она.

— Кальдан... зараза! — Могенс Бётгер схватился за сердце. — Мне

даже поплохело!

— Да ну, — Элоиза сдула несуществующий дымок с зелёного дула «Нерф Ган», — это всего лишь игрушка. Что плохого он может сделать?

— Ладно, тогда давай его сюда!

Могенс Бётгер поднялся. Он посмотрел на неё с высоты своих двух метров четырёх сантиметров и попытался вырвать пистолет из её рук.

— Ты сейчас на себе испытаешь, каково это!

Элоиза бросила пластиковый пистолет через всю комнату, и он приземлился на старый пошарпанный честерфилдский диван.

— Хорошо, хорошо, ты победил! — она подняла перед собой руки в знак примирения.

Бётгер неохотно отпустил её и с выражением детской обиды на лице уселся на стул.

— Ты похожа на чудика с «Улицы Сезам», Кальдан, когда смеёшься, ты в курсе?

Он по-дурацки вытаращил глаза и стал пародировать её беззвучный смех, поднимая и опуская плечи. Он так широко разевал рот, что в него легко поместился бы кусок дыни или деревянный игрушечный кубик.

— Это ты, Кальдан! Старая хихикающая балда!

Элоиза улыбнулась и села за стол на своё рабочее место напротив Бётгера.

Он кивнул в сторону дивана:

— И где ты взяла это смертоносное оружие?

— Это пистолет Кая.

Левая бровь Бётгера скептически изогнулась.

— Как-как? — Он сделал музыку потише. — Ты сказала, *Кая*?

Его удивление было отнюдь не безосновательно.

Кай Клевин — господин, покрытый пигментными пятнами, занимал в издании «Demokratisk Dagblad» должность ресторанный критика. Он был известен как страшный сноб, испытывающий латентную ненависть ко всему, что могло нравиться пролетариату. Статьи Клевина предназначались небольшому проценту читателей, разделявших его восторг в отношении — по определению Элоизы — «самоистязательного гастроонанизма».

— Ради всего святого, что Кай делает с этим кислотным пистолетом для пейнтбола?

— Это не пейнтбольный пистолет, это бластер фирмы «Нерф»!

— Это психопатическое оружие для быдла. Поэтому я повторю вопрос: как оно может принадлежать Каю?

Элоиза пожалала плечами.

— На прошлой неделе он приводил на работу внука. Наверное, пацан его забыл.

Бётгер закатил глаза.

— Тот мелкий уродец с кривым прикусом, который недавно носился тут кругами и истерил?

— У-гу.

— Так это внук Кая?

Элоиза кивнула.

Он поморщил нос.

— Фу!

— Про детей нельзя говорить «фу».

— А уж это мне до лампочки. Он вылитый Кварк^[4]! — Могенс выставил вперед нижнюю челюсть и уставился вперёд невидящим взглядом, как персонаж мультика. Затем снова посмотрел на Элоизу и развёл руками: — Я не прав?

Пожав плечами, она начала доставать записные книжки и рабочие бумаги из своей сумки.

— Значит, я прав, — подытожил Бётгер, — но будем честны по отношению к Кварку: симпатичные дети в целом редко встречаются. Когда я отвожу Фернанду в садик по утрам, я вижу всю эту компашку: сидят, а у них сопли висят до полу, ужасно противно. От них ещё и пахнет!

— Слушай, Могенс, а если признаться, как ты *на самом деле* думаешь? — улыбнулась Элоиза.

Она вытащила мобильный и открыла письмо, которое получила от Мортена Мунка из Отдела специальных журналистских расследований. Заголовок письма гласил: «Ветераны vs мирные жители? Статистика самоубийств».

— Кальдан, если с тобой я не могу поделиться этим, то с кем тогда мне делиться? Среди моих знакомых ты — единственный человек с непромытыми мозгами. Вот моя сестра, знаешь?

— А что она?

— Раньше с ней было так здорово. Она всегда была интересным собеседником — и смотрела на вещи небанально. А потом встретила этого, как его, Нильса. В просторечии: *Нильса-из-Нордеа*^[5]. Они родили детей, двоих, — дети вполне милые, что правда, то правда. Но теперь семейство переехало в Холте в одноэтажный коттедж, обзавелось электрической газонокосилкой, всякими гаджетами...

— И что с того?

— Сестра стала ужасно скучной.

— Но она же счастлива?

— Ещё как счастлива, конечно! Но ей это не идёт.

Элоиза подавила смешок и издала вместо него какой-то носовой звук.

— Ну хорошо хоть ты не изменился, став папой. — Она бросила на него ироничный взгляд.

Бётгер раздражённо кивнул в ответ.

— Разумеется, люди меняются, они же не каменные. Но я сохранил цинизм, а это, знаешь ли, важная черта, — он помахал указательным пальцем, подчёркивая важность своих слов.

— Да, да, как скажешь, капитан Хэддок^[6].

— Правда! И это, кстати, одна из причин моей симпатии к тебе, Кальдан. Из всех людей, которых я знаю, ты одна из самых циничных.

— Ой, спасибо, ужас какая прекрасная характеристика.

Бётгер уважительно наклонил голову, как будто только что произвёл её в рыцари:

— Never change^[7], хорошо?

— Можешь не беспокоиться, — сухо сказала Элоиза, — в этом плане бояться нечего.

Она прочитала мейл от Мортена Мунка по вопросу самоубийств среди ветеранов. Потом позвонила своей лучшей подруге Герде.

Это была уже третья попытка за день. Обычно Герда быстро перезванивала, не позже, чем через час, максимум — через три, и, как правило, отправляла СМС.

Однако сегодня было тихо.

— Привет, это я. Перезвони, пожалуйста! — сказала Элоиза автоответчику. — Мне нужна твоя помощь с той статьёй, о которой я недавно рассказывала.

Она повесила трубку, и в ту же секунду редактор Отдела специальных журналистских расследований Карен Огорд просунула голову в дверной проём за её спиной:

— Куда все запропалились?

Элоиза описала дугу на вращающемся стуле и вопросительно посмотрела на дверь прежде, чем расплыться в улыбке.

— Ой, привет! Я думала, ты сегодня приболела...

— Я не приболела. А вы чем занимаетесь? Где все?

Карен Огорд язвительно посмотрела на Элоизу поверх оправы роговых очков и кивнула в сторону пустых стульев в редакции. Обычно она была

по-матерински участлива, но сегодня излучала на удивление ядовитые флюиды.

Элоиза в замешательстве сдвинула брови и пожала плечами:

— Не знаю. Вышли, видимо?

— Редакционное собрание. Прямо сейчас! — рявкнула Огорд.

Не говоря больше ни слова, она развернулась на каблуках. Было слышно, как её синие шпильки громко цокали по коридору в направлении переговорной.

Элоиза и Бётгер переглянулись.

— Что это было? — спросил он.

Элоиза пожала плечами и встала:

— Идешь?

Эрик Шефер выключил сирену, минуя Национальную галерею. Слухи об исчезновении мальчика вскоре должны были распространиться, как блохи в лагере бойскаутов, и запустить волну паники среди родителей школьников. Не стоило ускорять этот процесс.

Добравшись до школы, он припарковал чёрный, весь покрытый царапинами «Опель Астра» на тротуаре возле статуи Кристиана IV. Монарх гордо обозревал школу, которая располагалась на узком участке между железнодорожной станцией Остерпорт и желтовато-коричневыми казармами Военно-морских сил — как будто «отель» из Монополии.

Школа Ньюхольм среди прочих школ — то же, что Мраморная церковь среди прочих церквей, подумал Шефер. Не взбалмошная авангардная часовня с органом, похожим на трубы нефтяной платформы, а место, где есть душа... дух. Ему было совершенно плевать, сколько международных премий завоевали современные молодые звёздные архитекторы или сколько парадов проводилось в их честь. Они могли бы выстроить ещё множество зданий, похожих на горки для слалома или экологические панда-парки, но Шефер терпеть не мог все эти конструкции из стекла и бетона, которые вырастали то тут, то там по всему городу.

Иногда ему казалось, что он, должно быть, единственный во всей стране, кто ещё не свихнулся. А может, он просто стареет... Впрочем, суть одна и та же.

Его взгляд скользил по школьному двору, где толпа людей собралась в сумерках. Мамы и папы стояли кучками, держа детей как можно ближе к себе, и он уже на расстоянии мог распознать выражение их лиц: все предосторожности уже напрасны. Блохи поскакали.

Шефер заметил детектива Лизу Августин, которая вот уж четыре года была его напарницей, когда проходил мимо футбольной коробки, где кривоногий прыщавый подросток бросал мяч в кольцо. Августин в сопровождении двух рядовых полицейских беседовала с семейной парой. По их вытянувшимся, полупрозрачным лицам Шефер понял, что это родители пропавшего мальчика.

Если бы не рост, мужчина был бы вылитый Роберт Редфорд^[8], подумал Шефер. Золотистые волосы, выдающиеся нос и подбородок придавали ему выражение, характерное для персонажей старого Голливуда. Женщина рядом с ним тоже была красива, но она немного терялась в толпе

других матерей, одетых, как и она, по моде и статусу. Она производила впечатление практичной и прагматичной — в противоположность Мистеру Голливуду, — а вот взгляд её противоречил этому образу, заметил Шефер. В её глазах читался чистый ужас.

Шефер перехватил взгляд Лизы Августин, и их воссоединение после пятидневной разлуки было ознаменовано всего одним коротким кивком.

Она пошла ему навстречу. Когда они поравнялись, Шефер спросил:

— Появился?

Августин отрицательно покачала головой. Её светлые волосы были собраны на затылке в тугий узел.

— Нет. Всё хуже, чем я думала.

— Что ты имеешь в виду?

— Он вообще сегодня не был в школе. Никто не знает, куда он делся.

— Как это понимать? Когда его видели последний раз?

— Сегодня утром, на школьном дворе. Есть свидетель того, как он заходил вон в ту дверь около восьми часов. — Она указала на старую дубовую дверь за их спинами, один из двух выходов на школьный двор. — Но он не дошёл до класса на третьем этаже к началу урока, и никто не видел его уже... — она посмотрела на мужские часы «Таг Хаэр» на своём запястье, — вот уже часов восемь.

— Восемь часов?! — Шефер постарался сдержаться, но кровь застучала у него в висках. — Какого чёрта в школе не спохватились раньше?

Он огляделся в поисках кого-нибудь из учителей, кого можно было бы вздёрнуть на ближайшем суку, и его взгляд упал на мужчину средних лет, который плакал, прислонившись к высокому школьному турнику. На нём были рыцарские доспехи из крашеной пластмассы, а под мышкой торчала рукоять поролонового меча.

— Классный руководитель подумал, что мальчик заболел, — сказала Августин. — Здесь не принято проверять отсутствующих в течение дня. Проверка бывает только в конце уроков, когда за детьми приходят мамы.

Она указала большим пальцем через плечо:

— «Лабиринт» — так называется местная продлёнка — находится здесь же на первом этаже. По правилам родители должны заполнить онлайн-форму, если ребёнок заболел. И если нет ни ребёнка, ни отметки о болезни, педагоги звонят родителям и уточняют, что с детьми. Забрали их или они заболели.

— И?

— И когда мальчик не появился, они позвонили родителям, те

попадали в обморок, и вот мы здесь.

Августин протянула Шеферу фото:

— Фотография сделана в начале учебного года, но они утверждают, что причёска все та же и что в целом он особенно не изменился с августа.

На фото был светловолосый мальчик с тонкими приоткрытыми губами, он с любопытством смотрел в камеру, как будто собирался о чём-то спросить, когда был сделан снимок. Большие голубые глаза смотрели настороженно, кожа была светлая, но не бледная. Красивый мальчик, подумал про себя Шефер. Тонкие черты лица и длинные густые ресницы были по-девчачьи прелестны.

— Вот он, значит, — пробубнил Шефер. Он положил фото во внутренний карман тёмно-зелёной толстовки и оглядел здание школы. — Там должны быть сотни мест, где можно спрятаться. Чердаки, подвалы, туалеты, спортзал... Нам нужно будет всё осмотреть. Он вошёл здесь, говоришь?

Шефер взялся за ручку двери. До него дошло, что в старом здании школы была не только душа, но и определённые технические проблемы. Ему пришлось навалиться всем телом, чтобы тяжёлая дубовая дверь подалась.

— Обычно он заходит здесь, когда идёт на уроки. Но вот там находится чёрный ход, — она кивнула на дверь в противоположной стороне коридора. — Так что, в принципе, придя утром в школу, паренёк мог сразу же и выйти через вторую дверь.

— Думаешь, он сбежал?

Августин развела руками:

— Возможно.

Шефер прошёл к двери, открыл её и оказался на заднем дворе. Он осмотрелся.

Перед ним высился отель «Остерпорт» — безобразная, похожая на тюрьму громада из стекла и бетона. Он пошёл налево вдоль отеля и оказался у заросшего склона за оградой из стальных прутьев. Кое-где прутьев не хватало, и сквозь зияющие дыры можно было свободно попасть на склон, который спускался к железнодорожным путям за отелем. Чуть дальше за путями располагалась станция Остерпорт.

Шефер шагнул в одну из дыр и оглядел территорию по ту сторону ограды.

Мог ли мальчик пройти здесь напрямик? Запрыгнуть на поезд или углубиться в парк Остре Анлег, который, подобно джунглям, раскинулся за расписанными граффити стенами станции?

Поезда, останавливавшиеся на Остерпорте, шли по всевозможным маршрутам во всевозможных направлениях, это Шефер прекрасно знал. Они растекались по четырём сторонам света, и за восемь часов мальчик мог достичь Касселя, Стокгольма, добраться куда угодно. Поздно они начали.

Слишком поздно.

Его мысли заглушил гул прибывшей на станцию электрички. Визг тормозов раздирал морозно-ясный воздух. Шефер вернулся к Августин, заткнув ухо пальцем.

— Нам придётся обыскать всю школу. Нужно просмотреть записи камер в отеле и на станции и поговорить с местными, может, кто видел мальчика в течение дня. У него мобильный с собой?

— Да.

— Отследить его как можно скорее, посмотрим, включён он или выключен и когда им в последний раз пользовались. Свидетелей, с которыми ты уже успела побеседовать, нужно опросить официально. — Он указал вперёд. — Острере Анлег находится прямо за путями, его нам тоже придётся прочесать.

— Это огромная территория.

— Именно. Поэтому пора приступать.

Августин приложила телефон к уху:

— Сколько людей мне запросить у Карстенсена?

Начальник полицейского управления Пер Карстенсен был в последнее время непривычно щедр с сотрудниками. После того как правительство приняло решение переложить на военных некоторые функции полиции, в распоряжении Следственного отдела оказалось достаточно людей для большинства рабочих задач. Это как вилла у пляжа для только что разбогатевшего рэпера из бедного квартала: непривычная роскошь, которой боишься лишиться. Но это всего лишь вопрос времени: вскоре их наверняка откинет обратно в каменный век.

— Запускаем весь цирк. И скажи, чтобы взяли поисковых собак. Надо найти пацана как можно скорее!

Августин кивнула.

— Восемь часов... — сказал Шефер.

Они переглянулись, и по морщинкам на лице Августин Шефер понял, что она думает о том же.

— Скоро стемнеет, и температура опустится ниже нуля. Ничего хорошего, чёрт побери, ничего хорошего...

— Ну?

Редактор Карен Огорд медленно обвела переговорную взглядом.

Она напоминала тюремного надзирателя во время проверки; в полной готовности перевернуть личные вещи заключённых, перевернуть матрасы и проинспектировать пустые флаконы от дезодоранта в поисках запрещённых веществ и оружия — да чего угодно, лишь бы устроить всем публичную порку и сослать кого-нибудь в карцер.

— Чем порадуешь? — Она вперила взгляд в Бётгера, державшегося, как обычно, высокомерно.

— У меня история, достойная премии Кавлинга^[9].

Огорд фыркнула.

— Давай послушаем, что за история, пока ты своё имя на латунной табличке не выгравировал.

— Три моих источника сообщают, что криминальная статистика, опубликованная последним правительством, была в значительной степени подтасована.

— Подтасована? Каким образом?

— Она, мягко говоря, неполная. Там не хватало ключевых цифр, касающихся представительства в судебной системе, и когда обнаружилось, насколько чаще иностранцы упоминались в статистике, чем датчане, их решили *вообще не включать*. Просто-напросто испугались шумихи, которая разразилась бы, если правда откроется. Поэтому иностранцев сознательно не упоминали, сократив таким образом процент иностранцев среди преступников — так же, как сделали в Швеции. Подчистили как следует.

— Кто принял такое решение?

Бётгер пожал плечами:

— Это однозначно был министерский план, но начальник полиции, так или иначе, должен быть в этом замешан.

— И с какой целью это делалось?

— Политика! — Бётгер всплеснул руками, подчёркивая очевидность высказывания. — Пока большая часть населения считает, что все эти страшилки — просто националистская пропаганда, наши господа с господами сидят спокойно. Датчанам сознательно морочат голову, чтобы ситуация с мигрантами не выглядела настолько критичной, какова она на

самом деле.

— А что у тебя за источники? — спросила Карен Огорд.

— Двое полицейских со Стейшн Сити и один из Ховедбанен. Они говорят, что факт подтасовки цифр хорошо известен в полиции. Им вообще до смерти надоело иметь дело с бандами иностранцев и заполнять бумажки, и они очень хотели бы предать гласности настоящие цифры.

— Кто-нибудь из них хотел бы высказаться публично?

Бётгер отрицательно покачал головой:

— Никто не осмеливается выступить. Цитировать их нам тоже нельзя. Но у меня здесь реальные цифры.

Он взял небольшой чёрный ежедневник двумя пальцами и помахал им перед Огорд, как маятником.

— Так что задача следующая: сопоставить опубликованную статистику с фактической. И задать вопрос, почему кто-то решил проделать все эти фокусы с цифрами. Пованивает со стороны левых, так что кому-то явно придётся объясниться. И начальнику полиции тоже.

— Хорошо, — кивнула Огорд, слегка смягчившись. — Я не думаю, что эта тема прямо-таки достойна золотой статуэтки, ну да ладно. Возьми её.

Она обратила взгляд к Элоизе:

— Кальдан? А у тебя что?

— Я собираю материал для статьи о посттравматическом стрессовом расстройстве — оно же ПТСР — среди ветеранов. Рабочий заголовок: «Запоздалые жертвы войны». В прошлом месяце с собой покончили три ветерана с ПТСР. Это примечательный рост, сравнивая цифры за этот же месяц в течение последних десяти лет.

Лицо Карен Огорд вытянулось, рот как будто опустился на пару сантиметров.

Элоиза в нерешительности разглядывала своего редактора: тёмные волосы у Огорд были, как всегда, собраны в тугий хвост, жемчужные серьги-гвоздики тоже были на месте. И всё же что-то было... не так. Внезапно до неё дошло, что Огорд была не накрашена. Элоиза не могла припомнить, чтобы хоть раз видела шеф-редактора без макияжа. По-зимнему бледная кожа и уставшие глаза в обрамлении полупрозрачных ресниц делали её похожей на обескровленный труп. Вид у неё был, мягко говоря, не шикарный.

Элоиза отогнала от себя эти мысли и взялась за мобильный. Она открыла СМС-переписку, которую вела с Гердой в начале недели.

— Одна моя подруга работает в Вооружённых силах. Её зовут Герда Бендикс. Она психолог, специализируется на травматических

расстройств, и ей, конечно, нельзя распространяться о пациентах. Но я точно знаю, что один из погибших был её пациентом. Так что она может помочь пролить свет на проблемы вернувшихся с войны солдат.

Элоиза вытащила из сумки лист бумаги — график со статистикой самоубийств среди военных с 2001 года — и протянула его Огорд через стол.

— Подавляющее большинство призывников — совсем молодые люди, которые даже малейшего представления не имеют о том, что их ждёт. А теперь произошло уже четвёртое.

— Четвёртое что? — спросил Бётгер.

— Самоубийство. Не далее как вчера был найден труп молодой военнослужащей, она...

Карен Огорд вскочила.

Элоиза оглядела её с ног до головы. Могенс Бётгер от удивления открыл рот.

— Мне нужно бежать, — сказала Огорд и стала собирать свои бумаги, — я совершенно забыла, у меня... Мы всё обсудим позже, хорошо?

Она попятилась на пару шагов к двери, повернулась, закрывая за собой дверь, и исчезла.

— What the fuck?^[10] — сказал Бётгер вслух. Он взглянул на Элоизу. — Странная она какая-то сегодня.

Элоиза непонимающе пожала плечами.

— Миккельсен с утра сказал, что она заболела, а она всё равно пришла... Только бы ничего серьёзного...

— Карен? Да нет, ну что может случиться? Она здорова как бык, аж хочется ей врезать. У неё отменное здоровье, настоящий Андерс Фог^[11]. Наверно, она просто... — Бётгера вдруг осенило, он поднял брови, — это, очевидно, из-за Петера.

— Сына Карен? — спросила Элоиза. — А что такое?

— Его снова отправляют на службу. Я был вчера рядом с Карен, когда он позвонил и рассказал ей. Она побелела как полотно.

Элоиза нахмурилась.

— Я не знала, что он всё ещё в Вооружённых силах...

Сын Огорд был военным в течение долгого времени, но последние несколько лет он работал начальником охраны в кредитной организации, и Карен была счастлива, что его армейские дни окончены.

— Он уволился и снова пошёл в армию.

— И тут ещё я с рассказами о солдатах, которые лишают себя

жизни. — Элоиза со вздохом запустила руку в волосы. — Бедная Карен!

Зазвонил лежавший перед Элоизой мобильный. На экране высветилось имя Герды.

— О, ну наконец-то, вот и ты, — сказала она в трубку. — Я пробовала дозвониться до тебя пару раз, но ты, наверное, оставила...

— В школе полиция! — Герда не дала ей договорить. Её голос звучал непривычно громко, как будто она пыталась перекричать музыку.

Ледяная волна пробежала по телу Элоизы. За сотую долю секунды перед её внутренним взором пронеслись сценарии самых ужасных происшествий.

Террористический акт. Стрельба в школе. Учитель, спустивший штаны...

— Лулу в порядке? — Элоиза встала со стула.

— Да, извини, мне нужно было сразу это сказать. Она со мной. Но пропал один мальчик. Я видела, как его привели в школу с утра, а сейчас его нет. И никто понятия не имеет, где он был весь день. Я думаю, его похитили!

— С кем ты разговаривала?

Шефер посмотрел на Лизу Августин, когда они снова оказались на школьном дворе.

— С Йенсом и Анной Софией Бьерре, — она указала на родителей. Те беседовали с полицейскими и какой-то женщиной, будто сошедшей со страниц газетной иллюстрации: худой, как бумага, и практически двумерной. — Та женщина, с которой они разговаривают, заведует продлёнкой. Ещё я разговаривала с ней, — Августин указала на высокую темноволосую женщину, грациозную как лань, которая стояла посреди двора, разговаривая по телефону и держа за руку ребёнка. — И вот с тем педагогом, — она кивнула в сторону юной особы с андрогинной внешностью и азиатскими чертами лица. У особы были длинные чёрные волосы, собранные на затылке в хвост, накрашенные глаза и накачанное мужское тело. Шефер так и не смог отгадать, мужчина это или женщина. — Кевин как-его-там-не-по-нашему.

«Значит, мужчина. Впрочем, какая, к чёрту, разница», — подумал Шефер и стал осматривать школьный двор.

— А что за товарищ из «Игры Престолов» вон там? — он указал подбородком на человека в ролевом костюме, который всхлипывал возле турника.

— Его зовут Патрик... — Августин заглянула в свои записи, — Йоргенсен. Он ассистент преподавателя. Они с Лукасом ставили представление на спортивной площадке, что-то связанное с фехтованием. Сегодня у них была назначена репетиция.

Шефер приподнял бровь. Он в равной степени завидовал и не доверял взрослым, которые наладили такой хороший контакт со своим внутренним ребёнком (и так легко пускали слезу). Было что-то неестественное во взрослых мужчинах, которые наряжались в карнавальные костюмы и играли в ковбоев и индейцев. И плакали.

Он снова посмотрел на грациозную женщину. Она беседовала с кем-то из родителей, стоявших к Шеферу спиной. Пар, облачками вылетающий у неё изо рта, свидетельствовал о сильном волнении. Что-то в этом лице было знакомо Шеферу. Однако он не мог обратить это воспоминание в слова или визуализировать.

— Кто эта модель? — спросил он, когда вой полицейских сирен утих

вдалеке.

— Это Герда, — на этот раз Августин не пришлось обращаться к записной книжке, — Герда Бендикс.

Шефер сразу понял, почему Лиза запомнила её имя. Женщина была вызывающе красива, а если Лиза Августин чем-нибудь и увлекалась в жизни, так это красивыми женщинами.

— Она мама одной из учениц, и — насколько мы знаем — она была последней, кто видел мальчика.

— Бендикс? — повторил Шефер и поскрёб щетину на подбородке. — Откуда же я знаю это имя?

Собеседница Герды обернулась к Шеферу, и чувство радостного удивления вспыхнуло у него в груди. Он ошибся: это была не родительница. Это была журналистка Элоиза Кальдан.

В ту же секунду и Кальдан его заметила, её лицо осветилось улыбкой, и она сразу же направилась к нему.

— Привет, Шефер, — поздоровалась она, подойдя. — Добро пожаловать домой!

В ответ он расплылся в улыбке:

— Элоиза.

Они встречались последний раз месяца два назад, и при обычных обстоятельствах он бы её обнял, даже, может быть, поднял в воздух и крепко стиснул. Но нынешние обстоятельства обычными не были.

— Быстро ты... — заметил он осторожно.

То, что представители прессы появились здесь так быстро — в самом начале расследования, — было отнюдь не удивительно. Однако, как правило, это были охочие до людской крови крысы из жёлтых газет, которые сновали повсюду в погоне за сенсацией. Так и хотелось съездить им по рожам! «Demokratisk Dagblad» и другие серьёзные СМИ редко освещали частные дела, пока те не приобретали общественный резонанс, — но даже тогда стиль их статей был сухим и уважительным.

Шефер провёл на месте преступления совсем немного времени, а Элоиза Кальдан уже тут как тут, готовая задавать вопросы. Это было необычно. И даже говорило о проблемах.

— Я вообще-то не по работе, — сказала Элоиза, как будто уловив его настроение. — Или нет, я хотела сказать — я никогда не бываю *не* на работе, но сейчас я здесь не из-за газеты.

Шефер приподнял бровь:

— Да?

— Помнишь мою подругу Герду... — Она кивнула через плечо.

Ну да, разумеется. Вот почему эта женщина показалась Шеферу знакомой. Как-то раз в прошлом году они встретились в Национальной королевской больнице, когда там лежала Элоиза. Но Шефер был тогда слишком занят расследованием, чтобы как следует её запомнить.

— Но сейчас, раз уж я всё равно здесь, хотелось бы поподробнее разузнать, что происходит, — сказала Элоиза. — Вы считаете, что мы имеем дело с похищением, что парень сбежал или есть какая-то другая версия?

Шефер медлил, изучая её взглядом, и взвешивал свои возможности.

«Ну вот опять», — подумал он.

Была в мире горстка людей, с которыми он рука об руку опускался на самое дно. Люди, ради которых он в лепёшку бы разбился. Шефер чувствовал, даже знал точно, что связан с ними — и связь их будет длиться всю жизнь. Так было с его давними сослуживцами времён войны в Персидском заливе и с судмедэкспертом Йоном Опперманом, с которым он оказался по шею в крови в братской могиле в Косово. Он ощущал ту же глубокую связь со своим давним коллегой по полицейскому корпусу Петером Рюэ, а сейчас — с Элоизой Кальдан.

Между ними было взаимопонимание: своего рода соглашение, которого даже Конни не смогла бы понять. Он делился с женой всеми своими переживаниями, не укрывая деталей или тайных мыслей. Он ценил её заботу, её умение слушать. Но ей было не понять, что с ним творилось из-за того, что каждый день за ним неотступно следовала смерть, — по той простой причине, что она, слава богу, сама никогда с этим не сталкивалась.

В последнее время консультация у полицейского психолога была стандартной процедурой в Управлении. На неё было необходимо приходиться, например, во время расследования особо чудовищного дела об убийстве или если сотрудник сталкивался с каким-либо чрезвычайным происшествием, травмирующим психику. Молодняк с радостью отдавал себя в руки психоаналитиков с ровным маникюром и стрелками на брюках, но не Шефер. Он и представить себе не мог более бестолкового занятия, чем продемонстрировать свои рубцы на сердце кому-то, кто никогда первым не открывал дверь с заряженным «хеклером»^[12] в руке. Кто никогда не вдыхал смрад смерти и не знал, каково это — мечтать прополоскать рот хлоркой и выскрести ложкой все слизистые оболочки.

Ему нужно сидеть и обсуждать мрачные аспекты своей работы с кем-то, чей кругозор ограничивается пауэрпойнтовскими слайдами о циклах усиления страха и когнитивных техниках самопомощи?

Да ни за что на свете!

Но Элоизе Кальдан и самой доводилось заглядывать в бездну. Именно на краю обрыва Шефер и встретил её в прошлом году, когда убийца, находившаяся в розыске, начала присылать ей письма. Эти письма заставили Элоизу посмотреть реальности в глаза и сказать последнее «прости» своему отцу. Смерть отца явно показала ей, что мир, по сути, так себе местечко, и это осознание легло на неё холодной непробиваемой оболочкой. Она стала циничной и чем-то напоминала Шеферу его самого. Тем не менее была одна вещь, которая всегда стояла между ними: её работа.

Мог ли он положиться на Элоизу в ситуации, когда речь шла о жизни и смерти?

Определённо!

А когда дело касалось работы?

Это уже вопрос...

Шефер откашлялся:

— Прежде чем мы сможем делать официальные заявления, необходимо разобраться в ситуации как следует.

— Разумеется, — кивнула Элоиза. — Правильно ли я понимаю, что наш завтрашний ужин отменяется? — Она слегка улыбнулась.

— Ммм... Давай посмотрим... Конни очень хочет тебя увидеть, так что...

Элоиза обернулась и вновь посмотрела на Герду Бендикс, которая присела на корточки напротив своей дочки и ободряюще говорила что-то, убирая ей волосы за уши.

Элоиза поёжилась.

— Я, эээ... Я спрашиваю об этом не только из-за работы. Мне любопытно, потому что я была с отцом мальчика, когда ему позвонили...

Шефер откинул голову назад, наморщив лоб:

— Ты?

Элоиза кивнула.

Шефер приподнял брови в задумчивости:

— Но... А что с Мартином, разве вы...

Его прервали громкие голоса. Шефер обернулся и увидел, как отец Лукаса Бьерре схватил одного из молодых полицейских за воротник, а мать мальчика прижалась к плечу мужа.

— Да СДЕЛАЙТЕ же вы что-нибудь! — орал Йенс Бьерре. — Вы тут топчетесь и... и... только БОЛТАЕТЕ!

Он начал трясти полицейского так, будто хотел пробудить его от глубокого сна, но в эту секунду его приобняла за плечи Лиза Августин.

— Тише, — сказала она мягко. — Вам нужно успокоиться. Вы меня понимаете?

— Ну тогда СДЕЛАЙТЕ что-нибудь! — Йенс резко обернулся к Августин и сжал ладони как в молитве. У его жены дрожали приоткрытые губы, а взгляд остановился в детской беспомощности.

— НАЙДИТЕ ЕГО! — рычание Йенса Бьерре раздавалось в зимнем сумраке. — НАЙДИТЕ МОЕГО СЫНА!

— Берегите голову.

Шефер приподнял полосатую ленту, закрывавшую парадный вход в школу Ньюхольм, и махнул рукой, приглашая пройти: *После вас.*

Анна София Бьерре пригнулась и шагнула вперёд.

Она была хрупкого телосложения, отметил про себя Шефер. Её русые волосы были распущены и красиво, непринуждённо обрамляли лицо. Августин сообщила Шеферу, что Анна София работала учителем немецкого и английского в частной школе неподалёку от их с Конни дома. Он также знал, что они с Йенсом Бьерре были вместе четырнадцать лет, из которых двенадцать состояли в браке, и что Лукас — их единственный сын.

— Сюда, пожалуйста, — сказал Шефер и опередил её одним широким шагом.

— Куда мы идём? — безэмоционально спросила она. И, обхватив себя руками, добавила: — Где мой муж?

— Он беседует с моей коллегой. Будьте любезны присесть, она через минуту подойдёт к вам, — Шефер указал на стул, стоявший в классе.

Анна София Бьерре схватила его за кулак обеими руками. Её руки были холодны.

— Вы пообещаете мне, что найдёте Лукаса?

Шефер встретил её проникновенный, несколько растерянный взгляд. В её дыхании чувствовался алкоголь.

— Здесь работают наши лучшие люди, — сказал он, и это было чистой правдой.

За прошедший час школу Ньюхольм и окрестности наводнили полицейские. Сотрудники Отдела по раскрытию преступлений против личности, кинологи и криминалисты прочёсывали чердаки, мусорные контейнеры, квартиры и сады на задних дворах старых домов Севарнеса, многие из которых круглый год пустовали. Был составлен список адресов, по которым проживали люди, совершавшие ранее преступления сексуального характера в этом районе, и полицейские уже собирались к ним наведаться. Ориентировка с приметами и фотографией Лукаса Бьерре была разослана патрульным инспекторам и в полицейские участки по всей стране, а рядовые сотрудники собирали данные с камер видеонаблюдения в районе.

Но пока никаких следов мальчика найдено не было.

— Пообещайте мне, что найдёте его, — повторила Анна София Бьерре.

Шефер улыбнулся своей ни к чему не обязывающей улыбкой и положил руку ей на плечо.

— Посидите в этом классе, пожалуйста, а моя коллега подойдёт через минуту, хорошо? Подождите здесь.

Она нехотя вошла в класс. Потом снова обернулась к двери:

— Шефер? Так вас зовут?

Он кивнул.

— Сколько у вас было подобных дел? Таких, когда пропадали дети?

— Много.

— А сколько детей вернулось домой?

Шефер немного помедлил:

— Большинство.

Он оставил Анну Софию Бьерре и пошёл в помещение, которое располагалось неподалёку. Все классы в этом коридоре школы были временно переоборудованы в комнаты для допроса, где следователи опрашивали свидетелей и родственников.

— Так, давайте проговорим всё ещё раз. — Шефер протянул стакан воды Йенсу Бьерре. — Очень важно, чтобы мы собрали как можно больше деталей. Они сейчас могут казаться незначительными: люди, которых вы встречали по дороге, настроение Лукаса и всё такое.

Йенс Бьерре кивнул.

Он не снимал тренчкот тёмно-синего цвета с поднятым шерстяным воротником. На маленьком школьном стульчике он смотрелся странно и непропорционально. Парта была похожа на спичечный коробок, а колени Йенса поднимались ему почти до ушей. Он сидел, не открывая глаз и закрыв лицо руками. На смену животному страху, обуявшему его на школьном дворе, пришли жажда облегчения и мольба о помощи.

— Мы попрощались у ёлочки, — прошептал он. Его голос прозвучал мягко, как детский. Испуганно.

— У ёлочки?

— Да, так... так его называет Лукас, — он открыл покрасневшие глаза и указал на жутковатого вида турник в виде дерева с металлическими ветвями и гирляндами из заснеженных канатов. — Я подождал, пока Лукас не дошёл до входа, и он зашёл внутрь, не оглядываясь.

Йенс Бьерре смотрел прямо перед собой невидящим взглядом, вспоминая, и на долю секунды безрадостно улыбнулся.

Шефер подался вперёд:

— Не оглядываясь, вы говорите?

— Да, он... Не обернулся, когда подошёл к двери. Обычно он оборачивается. Иногда даже бежит обратно, чтобы ещё раз обняться со мной, но сегодня утром он просто вошёл в дверь... не... оглядываясь... — Йенс Бьерре делал между словами паузы, отрывисто дыша и стараясь справиться со слезами.

— И вы подумали, что что-то не так, раз он просто зашёл?

— Нет, — он покачал головой. — Сын был в хорошем настроении по дороге в школу, и то, что он не оглянулся, показалось мне почти что маленькой... победой. Это немного кольнуло меня — но ведь так всегда бывает, когда дети переходят на новый этап, — и в то же время я почувствовал гордость за него. Что он уже такой... большой. — Йенс Бьерре встретился взглядом с Шефером. — У вас есть дети?

Шефер отрицательно покачал головой, и у Йенса Бьерре опустились плечи.

Шефер уже сталкивался с этим. Родственники всегда искали понимания. Искали человека, который осознавал бы всю серьёзность ситуации. Им казалось, что бездетный следователь окажется менее усердным, менее вовлечённым в поиски их любимого малыша. Что он не сможет понять, насколько велики их страх и фрустрация.

Возможно, они правы в последнем предположении, подумал Шефер. Но не в первом.

— Иногда хочется, чтобы время остановилось, — сказал Йенс Бьерре. Он, казалось, перестал замечать Шефера. — Чтобы дети всегда оставались маленькими. Но они должны учиться жить самостоятельно, поэтому их нужно отпускать. Совсем чуть-чуть, только чтобы они сумели научиться... — Йенс Бьерре замолчал. Им, казалось, владела только одна мысль, он видел только самый ужасный сценарий развития событий. Он зажмурился и всхлипнул. — Господи... Где же он?

— Что вы делали потом? — спросил Шефер. — Когда Лукас зашёл в школу?

Йенс Бьерре сделал глубокий вдох и вытер нос салфеткой, которую сжимал в руках. Салфетка была измятой и совсем размокла.

— Пошёл на работу.

— Пешком?

— Да.

— Вы встретили кого-нибудь по дороге? Кто мог бы подтвердить ваш рассказ?

— Подтвердить мой рассказ? — Он поднял глаза. Затем крепко

зажмурился в отчаянии.

Шефер встретил его молчаливый протест разведёнными в стороны руками и пожал плечами, чтобы снизить пафос ситуации.

— Послушайте, моя задача — найти Лукаса. И быстрее всего я смогу это сделать, поняв, какие улицы исключить из поисков. Понимаете?

Шарик снова сдулся. Йенс Бьерре склонил голову и кивнул, уставившись в стол.

— Хорошо. Я не имею ничего лично против вас. Нам просто нужно знать как можно больше подробностей о вашей с Лукасом утренней дороге в школу.

Йенс Бьерре снова кивнул и ребром ладони вытер слезу.

— Просто помогите нам, — сказал он.

— Именно этим мы и занимаемся. Так что вернёмся к делу: вы с кем-нибудь разговаривали, отведя Лукаса в школу?

— Я... — он углубился в воспоминания, — я перекинулся парой слов с мамой Токе.

— Кто это?

— Одноклассник Лукаса.

— Вы говорили с его матерью?

Он кивнул.

— Мне кажется, её зовут Мона. Или Роза. Что-то в этом духе.

— Вы встретили её во дворе школы?

— Нет, возле велостоянки. На перекрёстке. Она там курила с кем-то. Она спросила, придёт ли Лукас на день рождения на будущей неделе... И что-то ещё, не помню. Я не особенно внимательно её слушал.

— А с кем она была?

— Не знаю. С чьими-то отцами, наверное. Но не с родителями одноклассников Лукаса. Один из них был одет очень стильно, с платочком в нагрудном кармане и в остроносых ботинках. Я вижу его иногда возле школы по утрам, но не знаю, как его зовут.

Шефер поднял взгляд от своего блокнота:

— А затем?

Йенс Бьерре пожал плечами:

— А затем я пошёл на работу.

— Вы врач, насколько я помню?

— Да.

— В клинике или у вас частная практика?

— Я работаю вместе с другим врачом. Его зовут Пелле Лаурсен.

— Где находится ваша клиника?

— На улице Амалиегаде. Недалеко от дворца.

— Понял. Вы отправились напрямиком на работу?

Йенс Бьерре снова кивнул.

— Один?

— Нет, ко мне присоединился знакомый. Его зовут Мадс Флоренц.

Шефер записал имя в лежавший перед ним блокнот.

— Кто он?

— Он консультант и работает в том же здании, где находится наша приёмная. Его дочка пошла в первый класс в нашей школе, ну и пару раз мы играли с ним в сквош. — Йенс Бьерре сжал руками виски. — По утрам мы иногда идём на работу вместе, когда случайно встречаемся на перекрёстке.

— Во сколько вы сегодня утром приехали в клинику?

— Примерно в восемь — восемь пятнадцать. Около того.

— Когда вы приехали, там никого не было?

— Была Мария, мой секретарь.

— Фамилия?

— Каммергорд.

Шефер записал и это имя.

— Как проходил ваш день? Пациенты приходили без перерывов?

Йенс Бьерре утвердительно кивнул:

— Первый пациент пришел в полдевятого, и с тех пор поток не прекращался вплоть до звонка из школы.

— Как вы узнали, что Лукас пропал? — спросил Шефер.

— Мне позвонили из школы.

— С вами был кто-то, когда вам позвонили?

— Пациентка.

— Элоиза Кальдан?

Йенс Бьерре нахмурился:

— Откуда вы знаете?.. Я... я обязан сохранять врачебную тайну. Я...

— Ладно. Хорошо, — Шефер сменил тему, — у вас или вашей жены нет конфликтов с кем-нибудь?

— Подождите... Почему вы спросили меня о пациентке? Полиция считает, что она имеет отношение к исчезновению Лукаса? — Йенс Бьерре вытянулся в струну. — Эта журналистка?

— Нет.

— Но как вы можете быть уверены? Она... она пришла сегодня на аборт, а когда я вернулся в кабинет после звонка из школы, её уже не было!

Эту информацию Шефер фиксировать не стал.

— Кальдан вне подозрений. — Шефер ухмыльнулся. — А вот нет ли у вас или вашей жены недоброжелателей? Может, люди, которым вы задолжали денег?

Йенс Бьерре снова откинулся назад на крошечном стуле. Покачал головой.

— Соседи, которые на вас жалуются? Что-нибудь такое?

— Под нами живёт пожилая женщина, которая ворчит по любому поводу. Её зовут Ева. Но ей восемьдесят с чем-то лет, она безобидная.

— Вы живете в районе Нюхавн?

Он кивнул:

— На улице Хайбергсгаде. На другой стороне канала. За Шарлоттенборгом.

— А у Лукаса не было каких-нибудь проблем в школе? Может быть, есть учителя, которых он побаивается или не слушается?

— Нет. Нет, такого не было. — Он убеждённо покачал головой. — Конечно, кто-то симпатичен ему больше других, но в целом ему здесь нравятся все взрослые, особенно Кевин.

— А за ним вы не замечали ничего странного?

— В каком смысле?

Шефер пожал плечами:

— Я, знаете, человек старой школы. В моё время учителя ходили в тупоносых ботинках и кардиганах, а этот Кевин, например... Я заметил, что он делает макияж.

Йенс Бьерре пожал плечами.

— Ну да?

Шефер смотрел на него несколько секунд, но дальнейшей реакции не последовало.

— Ладно. — Он вычеркнул что-то из блокнота. — Значит, никаких проблем с учителями. — Он поднял глаза и уловил что-то во взгляде Йенса Бьерре. — О чём вы думаете?

— О Патрике.

— Это ролевик? — Шефер ткнул пальцем в сторону школьного двора. — А что с ним не так?

Йенс Бьерре покачал головой:

— Да нет, ничего.

— Однако? — рука Шефера описала в воздухе дугу, приглашая развить мысль.

— Они с Лукасом дерутся. Фехтуют. Лукас иногда возвращается домой со ссадинами после поединков и... — Йенс Бьерре приложил руки к

глазам, но тут же отнял их. — Нет, я не знаю, я просто пытаюсь найти хоть что-нибудь... Лукас обожает Патрика, но я его не очень хорошо знаю, а вы спрашиваете, так что...

— Мы с ним поговорим, — кивнул Шефер. — У Лукаса были с кем-то разногласия? Может быть, конфликты с другими детьми?

— Нет, Лукас не из тех, кто плохо себя ведёт в школе. Важно, чтобы вы поняли, что Лукас... необычный ребёнок. — Йенс Бьерре подался вперёд, ближе к Шеферу. — Он невероятно одарённый. Я понимаю, что все родители говорят так о своих детях, но Лукас действительно особенный. По программе он намного, намного обгоняет одноклассников. Может быть, социальные навыки у него и хромают, но он совершенно не хулиган. Когда другие дети шалят, он старается держаться подальше. Токе — вот кто в классе проблемный ребёнок.

— Токе? А как это?

— Он совершенно неуправляемый. Ведёт себя агрессивно по отношению к другим детям и даже к учителям. Лукас его недолюбливает и сознательно держится от него на расстоянии. Так повелось ещё с подготовительного класса.

— Есть ещё кто-нибудь, кого Лукас недолюбливает?

Йенс Бьерре покачал головой:

— Во всяком случае, он никогда этого не показывал, и я думаю, мы бы заметили, случись что-то подобное.

— А вне школы? С кем он мог бы познакомиться самостоятельно в вашем районе?

— По вторникам и четвергам он возвращается из школы один, потому что жена работает допоздна. Но он никогда не говорил ничего... — Йенс Бьерре умолк и пару раз моргнул. Потом широко раскрыл глаза.

— Что такое? — встрепнулся Шефер.

— Однажды Фия упомянула мужчину, о котором ей рассказывал Лукас.

— Фия?

— Анна София. Моя жена.

— Что за мужчина?

— Она сказала что-то о человеке, который раздавал мальчикам фрукты. Он протягивал фрукты через ограду детской площадки... Яблочник! — Йенс Бьерре выпрямился на стуле. — Фия сказала, Лукас назвал его «Яблочник»!

— Яблочник, — повторил Шефер, записывая это в блокнот. — И где, говорите, Лукас встретил этого... яблочника?

Фрукты блестели в подрагивающем свете неоновых ламп, и казалось, будто их опустили в превосходную прозрачную глазурь. Кожица яблока, которое Финн поместил на самую верхушку яблочной пирамиды, была безупречна. Ни единого чёрного пятнышка или бороздки на упругой салатно-зелёной оболочке, скрывавшей сочную мякоть.

Он отступил на шаг назад, чтобы оглядеть своё творение. Работы оставалось немного. Большая часть сегодняшних коробок опустела. Лимоны, авокадо, киви, а теперь и яблоки были выстроены идеальными пирамидками, как ряды группы поддержки на спортивном матче. Балансируя на плечах друг у друга, они жадно тянулись к стационарным увлажнителям, которые два раза в минуту обдавали их освежающим дождём.

Это было идеально. Просто идеально.

Дверь в «Фётекс Фуд» на Эспланаден приоткрылась, и Финн ощутил детское присутствие в помещении ещё до того, как обернулся.

Он повернул голову и просканировал ребёнка глазами.

Это был маленький мальчик с огромными светло-голубыми глазами и тёмно-каштановыми волосами, видневшимися из-под шапки с помпоном и логотипом «Angry Birds». Из рукавов пуховика свисали варежки на длинных шнурках, один длиннее другого, которые почти волочились по затоптанному каменному полу.

Зрелище заставило Финна улыбнуться.

Паренёк направился прямо к прилавку с молочными продуктами и встал на цыпочки перед полкой с питьевым йогуртом. Он схватил йогурт с малиновым вкусом и пошёл дальше. Шапка у него на голове сползала всё дальше к затылку.

Финн потянулся за яблоком на верхушке пирамиды с намерением догнать мальчика, когда за его спиной раздался резкий голос:

— Финн?

Он в ужасе обернулся.

Прямо у него за спиной стояла его коллега Аня с огромными ресницами. По понедельникам она работала на кассе. Ресницы у неё были накладные, что сразу бросалось в глаза, и вдобавок не очень аккуратно приклеенные. Порой на её щеках собирался целый ворох длинных толстых акриловых щетинок, которые незаметно выпадали. Они ложились на её

жирный тональный крем и создавали такое впечатление, будто по полному лицу сбегали вниз маленькие чёрные следы. Маршрут их побега достигал мужеподобного подбородка с ямочкой.

Финн считал Аню отвратительной. Отталкивающей. Ей всегда казалось, что она должна решать всё за всех.

Он нехотя встретил её взгляд.

— Да?

— Если ты сейчас пойдёшь на перерыв, то Малик успеет выйти покурить за тобой.

Финн отвернулся от неё и посмотрел на ребёнка, видневшегося совсем далеко.

— Да, но я собирался только...

— Нет, Финн, иди СЕЙЧАС. Ты — на перерыв. Я освобожусь в пять и уйду. — Она постучала острым накрашенным ногтем по стеклу дешёвых наручных часов. — Так что иди СЕЙЧАС.

Финн в нерешительности сжимал яблоко в руке.

— Алло? Ты ждёшь чего-то? — Она оглядела его с головы до ног.

— Ничего. Я... — Он видел, как помпон на шапке мальчика мелькает в хлебном отделе. — Мне нужно ещё разобрать коробку с манго, так что если мне сейчас нужно...

— Нет! — Она вырвала у него яблоко и водрузила его обратно на вершину пирамиды, так резко, что фрукты из нижнего ряда разъехались и испортили идеальную картину. — Это ты уже потом в порядок приведёшь. Давай, пошли!

— Прошу прощения...

Пожилый мужчина в пальто из верблюжьей шерсти и твидовой клетчатой кепке вежливым движением руки попросил разрешения пройти по узкому проходу.

Реснитчатая продавщица отступила на шаг назад и профессионально улыбнулась. Потом вновь посмотрела на Финна и, щёлкнув пальцами, ткнула в комнату для персонала. Затем направилась к кассам.

— Извините, не подскажете, где здесь пакеты? — вновь подал голос старик в кепке.

Не глядя, Финн указал на стойки с пакетами возле баклажанов. Он пытался отыскать взглядом мальчика, но того было не видно. Должно быть, он ушёл.

Финн ощутил разочарование, как будто ему нанесли мощный удар в расслабленный живот.

— Ах, да вот же они, — кивнул мужчина.

Он оторвал пакет от рулона и разок встряхнул, чтобы тот раскрылся. Затем протянул костлявую руку и взял то самое идеальное яблоко с верхушки пирамиды.

Объявление раз за разом крутилось на канале «ТВ2 Новости» с пятиминутными интервалами. Молодая ведущая напускала на себя обеспокоенный вид, пока её старший коллега рассказывал зрителям:

«Полицией Копенгагена объявлен в розыск десятилетний Лукас Бьерре. Мальчик пропал сегодня из школы Ньюхольм, и полиция просит людей, которые имеют сведения о местонахождении мальчика, помочь в поисках».

Фото Лукаса Бьерре было развёрнуто на весь экран, а голос телеведущей вещал с мрачным авторитетом:

«Согласно сведениям полиции, Лукас Бьерре имеет рост ниже среднего для своего возраста, около 138 сантиметров, голубые глаза, светлые волосы. Последний раз его видели в восемь утра в школе Ньюхольм. Он был одет в тёмно-синий пуховик и чёрные брюки. С собой имел оранжевый рюкзак».

На экране появились компьютерные эскизы пуховика и рюкзака.

«Дутая куртка, на спине нашивка с изображением канадского поп-певца Джастина Бибера. Оранжевый школьный рюкзак «Lego Ninjago» с отражателем фирмы «Stormtrooper», который вы сейчас видите на своём экране».

Телеведущий серьёзно кивнул, поддерживая коллегу.

«Полиция просит всех, кто видел Лукаса Бьерре в течение дня, и тех, кто располагает другими сведениями о нём, связаться с полицией Копенгагена по телефону 114».

Между словами «сто» и «четырнадцать» он сделал небольшую паузу, показывая, что объявление заканчивается. Ведущие стёрли с лиц грустные выражения и продолжили эфир.

«А теперь время прогноза погоды. Микаэль Шолль, как ты думаешь, сможем ли мы в ближайшее время насладиться хорошей погодой?»

«Нет, Пауль, к сожалению, пока её ничто не предвещает. Зато у меня хорошие новости для любителей лыжных гонок». *Ба-да-бинг!* «В ближайшие пару дней температура опустится до семи градусов ниже нуля, и нас ожидает обильный снегопад».

— Скажи-ка, на кого он похож, этот ведущий? — спросила Элоиза и сонно поднялась с дивана, когда в комнату вошла Герда.

Герда пристально посмотрела на экран, склонив голову набок.

— На помесь Клауса Мейера^[13] и... Человека в жёлтой шляпе^[14]? — сказала она и с размаху села на мягкие диванные подушки.

Элоиза улыбнулась.

Она пошла на кухню и вытащила из холодильника бутылку шардоне. Она не спросила разрешения, да это было и не нужно. Герда была для неё семьёй. Не по крови, разумеется, но по всем ключевым критериям. Она взяла два бокала из шкафа над раковиной. Затем вернулась в гостиную и забралась к Герде под мягкий плед. Та внимательно слушала объявление, которое снова передавали по новостному каналу.

— Блин, как же это ужасно, — Герда прижала руки к щекам и покачала головой, — нам бы стоило сейчас остаться на улице и продолжать поиски. Как-то неправильно сидеть сложа руки!

Многие родители, бывшие на месте, когда приехала полиция, сразу же принялись за поиски мальчика в школе и в округе. Все начали по цепочке обзванивать знакомых, а группам добровольцев выделили по улице. Те сразу же принялись активно их прочёсывать, как делают добровольцы Красного Креста, когда собирают пожертвования в коробочки для мелочи.

Элоиза, Лулу и Герда искали на улице Бредгаде, в ресторанах и в забегаловках Ньюавна. Никто из тех, кого они там встретили, мальчика не видел. В конце концов у Лулу от холода посинели губы, и они решили пойти домой. Но масса добровольцев по-прежнему прочёсывали город, а синие огни полицейских машин уже пятый час беззвучно мигали по всему кварталу.

Элоиза налила в бокалы вина и протянула один Герде. Герда взяла его, не отводя глаз от экрана, и Элоиза какое-то время разглядывала подругу. Она вдруг осознала, что Герда похудела. Ключицы в вырезе чёрной футболки обозначились острее обычного, а руки будто истончились. На них проступили жилки.

— Скажи, ты сейчас совсем ничего не ешь? — спросила Элоиза.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты похудела.

— Считаешь? — Герда посмотрела на свои руки. Потом пожала плечами. — Может, немного. Это потому, что Кристиан сейчас всё время в разъездах. Из-за этого вся еда у нас простая, такая, какую любит Лулу, а когда три дня подряд у нас на обед спагетти болоньезе, я просто теряю аппетит.

— А где он на этот раз?

— В Денвере.

— В Денвере? — Элоиза нахмурилась. — Это там люди ходят в

ковбойских шляпах и кожаных штанах?

— Нет, это в Далласе, в штате Техас. А Денвер находится в Колорадо.

Элоиза привыкла слушать о поездках Кристиана, и почти всегда речь шла о небольшом ряде городов: Гонконг, Нью-Йорк, Шанхай, Париж... Столицы моды. О Денвере она слышала первый раз. По крайней мере, в связи с работой Кристиана.

— Компания открыла там магазин, и теперь в список добавился Денвер. Как будто нам без него было мало. — Герда сонно посмотрела на Элоизу. — А как там Мартин, где он сегодня?

— В Брюггене^[15]. Почти такая же экзотика, как Денвер.

— Он сегодня ночует у тебя?

— Нет, я сегодня не особенно в силах. — Элоиза поднялась и выглянула в окно. На другой стороне улицы Ольферта Фишера, на один этаж выше квартиры Герды, виднелись окно её собственной гостиной и её балкон. Зелёный тент отцепился с одной стороны и развевался на ветру, и каждый раз, когда он задевал железные прутья решётки, слышался грохот. Этот звук будил её последние пару ночей уже несколько раз, и каждый день перед сном она напоминала себе, что нужно заняться починкой.

Она вспомнила о таблетке и задумалась, когда лучше её принять. Врач сказал, что этому нужно будет посвятить целый день, но он также упомянул, что времени у нее полно. Во всяком случае, пара недель точно, до того, как наступит критический момент. Может, ей стоило отложить статью о ПТСР и взять на следующей неделе выходной?

— На что у тебя больше сил нет? На Мартина? — спросила Герда.

Элоиза отвлеклась от своих мыслей. Она присела на подоконник и потёрла глаза, испачкав чёрной тушью кончики пальцев.

— У-гу, — кивнула она.

Герда сдвинула брови:

— Почему? У вас что-то не так?

— Всё так, но... Он заводит разговоры о будущем, — Элоиза выделила слово в воздухе указательными пальцами.

— И что же?

— *О будущем*, — повторила она, как будто это слово само по себе делало дальнейшее обсуждение бессмысленным. — Думаю, он вообразил, что я из тех людей, с которыми можно заводить семью.

— И это проблема?

— О да. Это проблема! Единственная семья, членом которой я хочу являться, это твоя. Ты, Кристиан и Лулу — это имеет смысл. А всё

остальное, — она покачала головой, — Not so much^[16].

На прошлой неделе Мартин Дюваль, с которым Элоиза встречалась последние полтора года, снял для них летний домик в Рёрвиге. Вплоть до этого момента она полагала, что он понимает, с кем имеет дело, и принимает её такой, какая она есть.

Сломленной.

И поэтому иной.

Но в Рёрвиге он использовал любую возможность настроить воздушных замков и забрасывал удочки касательно планов на будущее.

Именно в таком месте и хочется состариться, правда? У моря. Здесь можно будет наслаждаться старостью. Учить внуков запускать воздушных змеев. Готовить рыбу на гриле на пляже. И прочее в таком духе.

Элоиза рассматривала его в молчаливом ужасе. Парализованная мыслью о какой бы то ни было будущей старости, которая Мартину к тому же виделась набором идиллических кадров из немецкой рекламы шоколада.

*Что скажешь, Эло? Мы с тобой — старенькие, седенькие...
Здесь.*

Он сделал глубокий вдох, глотнул свежего, морозного запаха влажного мха, хвойного леса и моря. Потом посмотрел на неё сквозь запотевшие стёкла очков и рассмеялся.

Я счастлив с тобой, ты знаешь об этом?

Элоиза с ни к чему не обязывающей улыбкой отделялась от всех вопросов и маневрировала с хореографическим изяществом; соврала о звонке с работы, на который было необходимо срочно ответить, и вышла одна из дома, к деревьям. Она долго бродила по лесу, и ей куда легче было представить себя одиноко живущей в одном из старых покосившихся домиков, видневшихся в чаще, чем частью полноценной семьи в построенном архитектором летнем доме на первой линии.

Счастье?

То, что Мартин называл счастьем, казалось Элоизе ничем иным, как фантомом. Электрическими разрядами, которые при определённых обстоятельствах могли без предупреждения проходить сквозь тело и давать

ощущение комфорта. Предательские импульсы в мозгу, целью которых было притупить то чувство бессмысленности, на котором зиждилась вся её жизнь.

— Мааам?

Лулу уже восьмой раз подавала голос из детской в другом конце квартиры с тех пор, как её уложили. Герда до умопомрачения ходила туда-обратно, приносила водички, поправляла подушку, пока окончательно не свалилась с ног от усталости. Она откинула голову назад, на спинку дивана, и, стараясь сохранять спокойствие в голосе, ответила:

— Дааа?

— Мне кажется, я что-то услышала, — позвала Лулу. — Можешь, пожалуйста, ещё раз проверить заднюю дверь?

— Всё заперто на все замки, солнышко. Здесь только мы с Элоизой, а тебе пора спать.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— И снаружи никого, кто может сюда войти?

— И снаружи никого, кто может сюда войти!

— Ладно... Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, милая!

Герда устало посмотрела на Элоизу. Она закатила глаза и изобразила, что душит себя. Затем подняла винный бокал и чокнулась с Элоизой.

Элоиза поймала себя на том, что сделала два глотка прежде, чем отняла бокал от губ. Долю секунды она думала, стоит ли ей вообще пить алкоголь, и решила подлить ещё.

— Спокойной ночииии! — снова крикнула Лулу.

— Спокойной ночи, Лулу! Хватит уже, должен же быть какой-то покой! — Герда посмотрела на Элоизу и прошептала: — *My god*^[17], ну что ты будешь делать... Спи уже, ребёнок!

— Неудивительно, что она не может уснуть после всего, что сегодня случилось.

— Она не из-за этого, — покачала головой Герда, — во всяком случае, не только из-за этого. Это длится уже не первую неделю. Не знаю, с чего это. Она внезапно начала всего бояться.

— Они с Лукасом дружат?

— Нет, он же немного постарше, хотя он из их дружественного класса.

— Что это значит?

— Когда дети поступают в подготовительный класс, их ставят в пару с классом на пару лет старше, чтобы самые младшие ученики познакомились с

более взрослыми. Таким образом, у них есть к кому обратиться за помощью в стенах школы. Это неплохая придумка, у класса Лулу раз в месяц были общие уроки с третьим классом эти полтора года. Но не думаю, что Лукас Бьерре произвел на неё сильное впечатление. Сейчас она больше увлечена мальчиком из пятого, его зовут Тристан, и он играет в баскетбол.

— Значит, ты не о Лукасе рассказывала мне недавно? О мальчике, который вел себя агрессивно и сорвал урок?

— Нет, это был Токе, он из того же класса. Каждый раз он устраивает цирк, а руководство твердит, что ничего не может сделать. Сейчас в классе поставили перегородку, которая отделяет его от других учеников, чтобы он их не видел. Это же абсурд!

Элоиза приподняла одну бровь:

— Перегородку? Как это?

— Самую, блин, настоящую перегородку! Старомодную такую ширму, за которыми раньше переодевались. Идея, видимо, в том, чтобы во время уроков в классе был порядок, однако, как только наступает перемена, он начинает бить других детей, сталкивает их с лестницы, толкается. — Герда покачала головой. — Добро пожаловать в школу двадцать первого века, где во главе угла — решение конфликтов и инклюзивное образование.

— Но от ширмы же нет толку.

— Да неужели.

— Ни для этого Токе, ни для остальных детей.

— Снова в точку.

— Он серьёзно сталкивает детей с лестницы?

Герда кивнула и потянулась за бутылкой.

— В прошлом году он пытался задушить Лулу.

— Не может быть!

— Да, это маленький мерзавец, но всё дело в его вечно отсутствующих родителях. Они попросту его испортили. Лукас, напротив... — Герда указала на телевизор и вздохнула. — Он всегда такой милый, как ни встретишь его. И вежливый. В этом возрасте редкие дети бывают вежливыми. Как же это ужасно, Йенс и Фия, наверно, умирают от страха.

Элоиза кивнула и задумалась, каково это. Предельная концентрация страха и беспомощности. Хуже не придумаешь.

Герда наблюдала за ней краем глаза:

— Мне показалось, ты сказала своему другу из полиции, что была сегодня у Йенса?

Элоиза подняла глаза:

— Что, прости?

— Ты сегодня была у врача?

Элоиза кивнула.

— По какому поводу?

Элоиза пожала плечами:

— Да ничего особенного. Мне просто не по себе последнее время. Такой дискомфорт в груди, я подумала, может, это стресс и что-то такое.

— Стресс?

— Ну ты знаешь... Работа, смерть папы и прочее... Может быть, я переработала и теперь это выражается в стрессе.

— Но ты могла бы поговорить об этом *со мной*.

— Да, могла, конечно... — Элоиза обезоруживающе улыбнулась. Она не привыкла врать Герде, и слова, которые она произносила, отдавали горечью. — В общем, Йенс Бьерре предложил сдать анализы на обмен веществ. Сказал, что причиной беспокойства может быть плохой метаболизм.

— Хм... — сказала Герда, испытующе глядя на Элоизу. — И что, получилось?

— Что?

— Проверить обмен веществ?

— Нет, позвонили из школы и... — Элоиза показала на экран, — мне пришлось уехать...

Герда вновь посмотрела в телевизор и вздохнула.

— Они же обязательно скоро найдут его?! Больше ужасов я сегодня уже не вынесу. По идее всё подобное заканчивается, когда я выхожу из казарм. Обычно школа — это место, где жизнь имеет смысл, а сейчас...

Она откинула назад голову и закрыла глаза.

— Выдался тяжёлый день на работе?

— Угу.

— Я пару раз пыталась тебе дозвониться.

Герда открыла глаза и поднялась.

— Да, я видела, но была просто жутко занята.

— В казармах?

Герда запустила руку в свои длинные тёмные волосы.

— Нет, большую часть дня я провела в Национальной больнице.

— Да? — Элоиза склонилась вперёд, сидя на подоконнике. — Почему?

— Один из моих пациентов сейчас лежит там. В отвратительном состоянии.

— А что с ним?

— Он долгое время борется с ПТСР, но его снова и снова посылают на

задания. Он вернулся со спецоперации вчера вечером и уснул на диване у себя в гостиной поздно вечером.

Герда прислонилась к дверному косяку и засунула руки в карманы потёртых джинсов.

— А потом получилось так, что он проснулся посреди ночи, не понимая в темноте, где он и который сейчас час, и увидел красную лампочку на телевизоре. Инстинкт сработал быстрее мысли — он решил, что это прицел снайперской винтовки и он на мушке.

Элоиза подняла брови:

— Огооо...

— Так часто бывает с военными, — кивнула Герда, — они всегда начеку и готовы к бою. Поэтому наш солдат видит нечто знакомое и делает выводы на уровне рефлексов. Но проблема в том, что если идти на поводу у рефлексов, дважды два не всегда даёт четыре. Не успев даже собраться с мыслями, что к чему, он берёт ноги в руки и бросается в окно.

Элоиза в ужасе закрыла рот рукой.

— Пожалуйста, скажи, что он живёт на первом этаже!

— На четвёртом.

— Боже милостивый!

— Да, — кивнула Герда, — к счастью, он приземлился на траву, но у него перелом обеих бедренных костей и глубокое рассечение на правой подмышке от оконного стекла. И это человек, который принимал участие в военных действиях я не знаю сколько раз. В него стреляли, он стрелял. Он видел, как нескольких его товарищей разорвало на кусочки, но самого его максимум чиркнуло слегка по голове. Да он офигительно крепкий орешек! И вот однажды он так испугался собственного телевизора, что выпрыгнул с четвёртого этажа. Телевизора! Говорю тебе, этот ПТСР — та ещё дрянь!

— Именно поэтому я и собираюсь написать о нём, — кивнула Элоиза. — О военных травмах. Запоздалых реакциях. Как ты считаешь, он захочет поучаствовать в написании статьи?

Губы Герды тронула улыбка.

— И рассказать о своём пируэте из окна? Едва ли.

— А ты? Поучаствуешь?

— Ты же прекрасно знаешь, что я не имею права рассказывать об этих вещах на публику.

— Да, но ты можешь рассказать о ПТСР в целом как эксперт.

Герда пожала плечами в знак согласия.

— Мне кажется, что некоторые другие мои пациенты, возможно, захотят с тобой поговорить. Или их родственники. Это такая зараза, что

затрагивает всю семью.

— Ты не против, если я загляну на днях в казармы?

Герда зевнула и взглянула на наручные часы. Потом кивнула:

— Само собой. Заходи. А сейчас мне уже срочно надо лечь спать, устала до смерти. Ты домой или ляжешь здесь на диване?

— Я пойду. — Элоиза поднялась и направила пульт в телевизор, чтобы выключить его.

— Подожди! — остановила её Герда. — Смотри!

Элоиза прочла ярко-жёлтую бегущую строку, которая мелькала в нижней части экрана:

«СРОЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ:

Новости об исчезновении Лукаса Бьерре. Улица Кронпринсессегаде оцеплена».

Крышка была приоткрыта, поэтому контейнер напоминал толстого маленького человечка, который начал было зевать и вдруг передумал.

Шефер наклонился к краю контейнера и посветил фонариком в кучу мусор. Сладковатая вонь от бытовых отходов ударила в лицо, и как будто кто-то дал ему коленкой под дых, а перед глазами всё поплыло, как после длительного перелёта.

— Это здесь лежало? — спросил он коллегу, который заявил о находке в одном из переулков улицы Кронпринсессегаде.

— Да. Собаки обнаружили, когда мы вышли с Остре Анлег часов в семь и спустились к улице Ригенсгаде, — полицейский указал в сторону дороги, параллельной улице Кронпринсессегаде. — Быстро нашли.

— Вы всё прошерстили? Все мусорные баки?

Мужчина кивнул:

— Остался только мусор. Команда из НКЦ сейчас будет открывать пакет.

Шефер перевёл взгляд на сотрудников Национального экспертно-криминалистического центра, стоявших возле полицейского автомобиля, припаркованного на въезде в переулок. Багажник был открыт, а его дно застелено толстым белым брезентом. На брезенте под прицелом прожекторов лежал чёрный мусорный пакет.

Шефер отошёл от контейнеров и направился к синим маячкам. Он миновал промёрзшие клумбы вдоль дома престарелых «Нюбодергорден», фасад которого выходил в переулок. Сквозь окна, завешанные тюлевыми занавесками, он видел освещённые приглушённым светом гостиные, с бархатной мебелью и вручную раскрашенными снимками в рамках, изображавшими мужчин в униформе и детей с приглаженными волосами. В каждой комнате сидели старики, от соседей их отделяли гипсовые, оклеенные обоями стены. Шефер представил себе тишину внутри. Он хорошо помнил последние годы жизни матери в похожих катакомбах цвета никотина и упадка. Тишину, которую нарушало лишь одинокое тиканье настенных часов и спорадические хриплые стоны в разных концах здания.

Звук оттянутой смерти.

Взгляд Шефера упал на маленькую сгорбленную женщину, которая сидела в кресле в одной из комнат. Молочно-белые кудри лежали в беспорядке, а нижняя челюсть как будто покоилась на её огромной груди.

Проходя мимо окна, он заметил, что женщина смотрела в пространство невидящим взглядом. Погрузившись в собственные мысли, окаменев, не видя ничего, кроме вонючих мусорных контейнеров.

Шефер снова подумал об острове Сент-Люсия и о своей жизни на пенсии, которую он планировал провести там, и ускорил шаг.

— Что у вас? — спросил он, подойдя к сотрудникам НКЦ.

Все столпились вокруг мешка. Лежавший перед ними пакет был весь в дырах от крысиных зубов и скальпеля, которым его только что надрезали.

— Мы как раз собрались его исследовать, — сказала одна из экспертов-криминалистов и запустила руку в латексной перчатке в мешок. Когда она снова приблизила руку к себе, свет прожекторов осветил что-то, похожее на кровь.

Шефер инстинктивно напряг мускулы живота, чтобы подготовить себя к удару в живот, который он непременно ощутил бы, если бы дальше они извлекли из пакета часть тела мальчика.

Мёртвые дети — это всегда ужасно. Убитые — ещё ужаснее.

Криминалист разрезала пакет чуть больше и аккуратно вытянула из него липкий светло-серый комок.

Шефер крепко зажмурился.

— И что это? — спросил он. Пульс стучал в ушах.

— Какая-то ткань, — сказала эксперт-криминалист. Она расправила комок. Он уже слежался, и сделать это было непросто. — Толстовка. На взрослого. Грязная, это что-то клейкое, возможно, просочилось через дырки в мешке. Но смотрите — здесь красное пятно. Я не могу сказать наверняка, пока её не исследуют, но похоже на кровь.

— Это и есть кровь, — сказал Шефер с уверенностью. Сладковатый металлический запах ни с чем было не спутать. Наверное, он и привлёк собак.

— В нашем распоряжении есть образцы ДНК мальчика? — спросила эксперт-криминалист.

— Есть его зубная щётка и расчёска, — кивнул Шефер. — Внутри пакета находится ещё что-нибудь?

Женщина изучила пакет и покачала головой.

— Что ж, тогда увозите его. Вы же знаете дальнейшие процедуры. — Шефер исподлобья посмотрел на неё.

— Не первый день работаю! — улыбнулась она.

Но Шефер всё равно продолжал:

— Нужно проверить отпечатки пальцев и выяснить, что это за пакет: рулонный ли это пакет? Что там на толстовке, кроме крови? Волокна,

волосы и всё такое. Необходимо провести тест ДНК, и побыстрее. Скажите в Центре судебной экспертизы, что нужно отложить все остальные дела и сконцентрироваться на этом, хорошо?

Она кивнула.

— Вот, — сказал Шефер, — давайте туда!

Он вернулся к своему автомобилю и сел за руль. Поворачивая ключ зажигания, он бросил последний взгляд на дом престарелых и увидел, что старушка поднялась с кресла. Она стояла у окна, маленькая и тщедушная, как керамическая статуэтка, и растерянно смотрела на него.

Шефер помахал ей рукой. Затем вынул из переулка и взял курс на полицейский участок.

* * *

Шефер бросил кубик сахара в растворимый кофе и огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно было бы его размешать. Ложек не было видно, поэтому он вытащил ручку из внутреннего кармана, поболтал ей в кофе пару раз и кинул на стол перед собой.

Он посмотрел на коллег, которые сидели за большим овальным переговорным столом. На тех, кто провёл на работе весь день. На тех, кто приехал только к ночи.

— Ну что ж, ребята, — он подался вперёд и облокотился о стол, — время восемь минут второго, и мы с вами на планёрке по поводу исчезновения Лукаса Бьерре. Что нам известно на данный момент? Августин?

Лиза Августин поднялась и подошла к большой доске, где висели фотоснимки, карты города, рисунок временной оси и выдержки опросов свидетелей. Она указала на район около Фредриксстаден и Остербро.

— Мы знаем, что разыскиваемого сегодня утром отвёл в школу отец. Они покинули квартиру на улице Хайбергсгаде примерно в семь двадцать пять утра и хотели поехать в школу на велосипедах, — она указала на точку, отмеченную на карте. — На заднем дворе дома, где обычно стоят их велосипеды, был найден обрывок цепи... Велосипеда не было.

— Связь? — спросил следователь Нильс Петер Бертельсен. Он сидел и сосредоточенно слушал, скрестив загорелые руки на груди. В отличие от Шефера, кожа Бертельсена приобретала бронзовый оттенок не от двухнедельного пребывания под жарким карибским солнцем. За исключением глубоких морщинок, расхолодившихся от глаз, подобно

лучикам солнца на детском рисунке, загар после солярия покрывал Бертельсена с головы до ног круглый год, и Шефер не упускал возможности поддеть его по этому поводу.

— По словам членов семьи, это уже третий украденный велосипед, так что между исчезновением мальчика и этой кражей мы пока не усматриваем связи, — сказала Августин. — Из-за пропажи разыскиваемый с отцом отправились в школу пешком. Йенс Бьерре не на сто процентов уверен в точном времени выхода из дома, но сказал, что сотрудники школы всё ещё регулировали движение автомобилей около пешеходного перехода перед школой, когда они проходили мимо. Поэтому мы знаем, что они подошли к воротам школы не позже семи пятидесяти. — Лиза Августин нарисовала маркером красный крест на карте. — У нас есть свидетель, который видел мальчика во дворе, но в школе его уже не видели.

— Что это за свидетель? — спросил Бертельсен.

— Военный психолог Герда Бендикс. Она — до тех пор, пока мы, как я надеюсь, не услышим что-нибудь новое от поисковой команды, — последняя, кто видел Лукаса Бьерре живым.

— Во сколько это было?

— Она видела, как мальчик заходил на школьный двор, когда выходила оттуда, отведя в школу дочь. Было начало девятого. А дальше ничего. Ни сотрудники отеля, находящегося позади школы, ни киоскеры, ни продавцы магазинов на станции Остерпорт не припоминают, чтобы видели мальчика в течение дня.

— А родители? Они вне подозрения?

— Они весь день были на работе. У обоих алиби.

— А военная? Она тоже вне подозрений?

— Она не военнослужащая, она военный психолог — и да, тоже вне подозрения. Все вовлечённые стороны были проверены с головы до пят.

— Совершались ли в этом районе новые преступления на сексуальной почве или что-то в этом духе?

— Там есть только обычные уродцы — пара педофилов, состоящих на учёте, в районе Конгенс Хэве. Мы уже наведались к ним с рейдом. Ничего.

Шефер вступил в разговор:

— Мальчик рассказал родителям о мужчине, который пытался вступать в контакт с детьми с продлёнки, передавая им яблоки через забор со стороны улицы Остер Волдгаде. Он назвал его «Яблочник».

— Как в детской песенке?

Шефер кивнул:

— Да, так что упоминайте его в разговорах со всеми жителями района.

Спрашивайте людей, знают ли они его. Может быть, другие дети тоже его упоминали. Кто-то должен знать, кто этот человек.

Он обернулся к Микаэлю Воссу, IT-координатору из Отдела компьютерных расследований.

— Что известно о мобильнике мальчика? Есть новости?

Восс покачал гладко выбритой головой.

— Мы его отследили, но он выключен. Последняя телефонная вышка, которая уловила сигнал, находится здесь... — Он подошёл к карте, на которой был изображён центр Копенгагена, и указал на район, похожий на сердце.

— Когда это было?

— В воскресенье, 17:54. Другими словами, задолго до его исчезновения.

— Что ещё?

— Мы сейчас просматриваем видеоматериалы с камер станции Остерпорт, возможно, сможем увидеть, как мальчик садится на поезд. Но записей с четырёх перронов просто безумное количество, это займёт всю ночь, а то и дольше.

— Как насчёт психологического портрета преступника? — спросил Бертельсен. — Он планируется?

— Да, — кивнул Шефер, — мы уже привлекли к делу Йоакима Кьяргорда.

— А Микала Фриис? Её мы можем подключить?

Шефер покачал головой:

— Мне кажется, что фрёкен Фриис в данный момент слишком занята спасением своей жизни в мире финансов, чтобы помогать нам. И под спасением жизни я, само собой, подразумеваю зарабатывание денег. Так что нам придётся довольствоваться тем, что придумает Кьяргорд.

Шефер ухватился за край стола для переговоров, когда на него накатила дурнота, всё ещё периодически появлявшаяся после длительного перелёта и повторившаяся уже несколько раз за вечер.

— All right^[18], — сказал он. — Бертельсен, ты заступаешь на ночное дежурство, и это, друзья мои, чистой воды эстафета. Если понадобится отдых, факел нужно передать дальше на время собственной передышки. На улицах сейчас много наших, но им нужно оказывать всю возможную помощь, так что присоединяйтесь к ним. Мы должны найти мальчика!

Нильс Петер Бертельсен кивнул и просигнализировал напарнику, сидевшему на другом конце стола, что пора вставать.

Бертельсен был опытным следователем, они с Шефером

познакомились еще в полицейской академии. В течение последних четырёх лет начальник полиции прикрепил к обоим молодых напарников. Шефер был вполне доволен тем, что ему в пару досталась Лиза Августин, тогда как Бертельсен волочил на себе молодца по имени Ларс Бро, который мог вывести из себя любого. Классический миллениал, выскочка, он ходил вразвалку и цитировал малобюджетные кинокартины на утренних планёрках. Шефер Бертельсену не завидовал, это уж точно.

— Встречаемся снова через шесть часов, — сказал он, поднимаясь.

* * *

Ночь была безлунной, и когда Шефер подрулил к своему домику из красного кирпича в Вальбю, тот не был освещён ничем, кроме лампы над входной дверью и слабого отблеска света с кухни.

Шефер тихо как мышь отпер дверь. Бросил папку с рабочими бумагами на стол на кухне и повесил куртку на спинку стула. Затем открыл холодильник и с благодарностью улыбнулся при виде полок, полных фруктов, овощей, стейков из мраморной говядины, снеди для бутербродов и банок с холодным пивом. Продукты были уложены плотно, как кубики в тетрисе.

Аллилуйя!

Он вытащил банку «Карлсберг Классик» из большой упаковки на шесть штук и потянул за колечко. Затем сел за стол и открыл папку. С первой страницы на него смотрел Лукас Бьерре.

Как мог паренёк так запросто исчезнуть с лица земли? Неужели его не видел ни один школьный учитель? Не засёк ни один радар?

Шефер ещё раз внимательно изучил историю. У отца алиби было железное, у матери, похоже, тоже. Но было что-то такое в этой Анне Софии Бьерре, что вызывало у Шефера странное ощущение.

Она преподавала в частной школе, и в то же время от неё совершенно точно пахло спиртным. Не так, как бывает, когда сходишь на рождественские посиделки и потом пахнешь перегаром. Это был едва уловимый, лакричный запах — так пахнет от тех, кто пьёт прямо из горла. Запах, который уловишь, только если рос с ним. А Шефер рос.

Он посмотрел на наручные часы и тяжело выдохнул. Два ноль восемь.

«Четыре часа», — подумал он. Спать оставалось слишком мало, но это было всё, на что он мог рассчитывать.

Он сделал несколько глотков пива. Затем поставил полупустую банку

на столешницу, закрыл папку и направился в спальню.

Он улёгся на кровать, не раздеваясь, и прижался к тёплой Конни. Её кожа была мягкой и гладкой, угольно-чёрные очертания выделялись на белом постельном белье.

Шефер закрыл глаза, и кровать сразу же начала легонько покачиваться, как парусник на воде.

Мать его джетлаг.

Он сел на кровати, встряхнулся, поправил подушку, снова улёгся и попробовал заснуть.

Когда это произошло и в третий раз, Конни приоткрыла глаза.

— В чём дело, малыш?

— Ничего, — Шефер наклонился и поцеловал её, — спи.

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Попытался сбросить с себя остававшиеся после путешествия ощущения, хотя знал, что это бессмысленно.

Четыре часа в гидросамолёте размером с тапочек. И двенадцать — в хвосте «Дримлайнера». Придётся ждать ещё несколько дней, прежде чем земля перестанет раскачиваться у Шефера под ногами.

Он закрыл глаза и заставил себя думать о пальмах и влажном воздухе тропиков, представлял себе бесконечные дни под жарким солнцем и песок под босыми ногами и всё глубже и глубже тонул в мягком матрасе. Но когда он наконец-то уснул, ему снилась только одно.

Лицо Лукаса Бьерре.

Ночью выпал снег.

Это была не та метель, о которой предупреждали метеорологи, но тем не менее, когда Кевин Шинджи проснулся около пяти утра, чтобы проверить, нет ли новостей по делу, весь Копенгаген уже был покрыт чудесным белым ватным одеялом. К половине восьмого автомобили уже успели превратить площадь Эспланаден в слякотный каток. На горках для катания на санках в Кастеллет виднелись травинки, но снег ещё лежал.

— Пойдём на улицу, Калаха? Поваляться в снегу?

Кевин посмотрел на карамельно-коричневого кокер-спаниеля, который подпрыгивал возле латунного крюка, на котором висел поводок. Он почесал собаку за ухом и запел:

— За окном уже сугрообы, снеговик нас ждёт давнооо!

Собака начала вилять хвостом и пританцовывать, так что коготки громко цокали по паркету в ёлочку.

— Пойдём! — Кевин похлопал себя по ляжкам. — Ну-ка, давай пошли!

Он защёлкнул карабин на ошейнике и оставил поводок лежать на полу, пока надевал куртку и шнуровал прорезиненные сапоги. Они были такие тяжёлые, что ноги приходилось поднимать с усилием. Затем он взял вишнёвую гигиеническую помаду из ящика комода и провёл по вытянутым в трубочку губам, продолжая мурлыкать мелодию из «Холодного сердца». Втянул щёки, выгнул подведённую карандашом бровь и оглядел себя в зеркало в прихожей.

— Как я выгляжу? — обратился он к сидевшему к нему спиной псу. Тот, не в силах дожидаться прогулки, пытался просунуть морду в дверную щель.

Кевин поднял поводок с пола и снял дверную цепочку.

На улице им пришлось пропустить полицейский автомобиль, который пронёсся мимо с включённой мигалкой, и Кевину вновь стало безмерно грустно.

В утренних новостях передали, что полиция всё ещё не нашла Лукаса, и Кевин не мог отделаться от лёгкого чувства вины. Отреагируй он сразу, как только обнаружил его отсутствие, у полиции, возможно, было бы больше шансов найти мальчика. В таком деле счёт шёл на минуты, это он знал, а он, возможно, потратил решающее количество этих самых минут на

себя любимого. Он завис, читая уведомления с «Фейсбука», и между тем, как имя было вычеркнуто из списка, и звонком родителям совершенно незаметно пролетело двадцать минут.

Позвони он сразу, пошло бы что-то иначе?

Он перешёл улицу и отпустил Калаху с поводка побегать по Парку Черчилля, где собака начала носиться кругами в погоне за воображаемой добычей. Довольная, она понеслась к бункеру посреди лужайки, собирая запахи деревьев и земли. Потом догнала Кевина, который перешёл мост к Кастеллет и поднимался по усыпанной щебёнкой тропинке к Королевским воротам.

— Пойдём, милая, нужно ещё немного потерпеть, чтобы добраться до дома. Сегодня слишком уж холодно!

Кевин вновь защёлкнул поводок на ошейнике. Он вытер глаза, которые начали слезиться на холоде, собрал воротник у горла и направился в сторону старинной ветряной мельницы. «Сегодня удовлетворимся короткой прогулкой», — решил он, намереваясь свернуть около мельницы вместо их привычного маршрута к морю.

Кевин прибавил ходу и заметил, что Калаха сопротивляется. Он аккуратно потянул за поводок, но собака упёрлась. Обернувшись, он обнаружил, что её внимание было приковано к чему-то у подножия насыпи.

Кевин проследил за взглядом собаки и замер.

Там, на подмёрзшей поверхности насыпи, стояли мальчик и девочка и кидали друг в друга снежками. Кевин знал, что лёд был слишком тонок, чтобы двигаться по нему без опаски. Лёд припорошило снегом, и возле берега он, возможно, был достаточно крепким, но с вершины крепостного вала Кевин хорошо видел тёмное пятно дрейфующей ледяной каши прямо посреди озера, неподалёку от места, где стояли дети.

— Нет, нет, нет, о чём они только думают?! — пробормотал он, не в силах оторвать взгляд от детей. Затем закричал им: — Эй, вы, там нельзя стоять! А ну уходите!

Дети, которым он дал бы на вид лет десять-двенадцать, его не услышали. Вместо этого мальчик потянул девочку дальше на лёд и начал её щекотать, так что она радостно завизжала и замахала руками. Затем высвободилась из его рук и села на корточки, руками в больших вязаных варежках сгребая снег, чтобы слепить снежок. Она поднялась и ещё на пару шагов приблизилась к тёмному пятну в стремлении набрать больше снежных снарядов.

— Эй! — закричал Кевин снова, на этот раз ещё громче, и поставил руку на пояс. — Лёд слишком тонкий! Уходите оттуда, слышите!

По-прежнему никакой реакции.

Девочка невозмутимо запустила в мальчика снежком, тот увернулся и захохотал.

Кевин гневно покачал головой:

— Немыслимо!

Он начал спускаться с горки и оглянулся через плечо.

— Сидеть! — сказал он собаке, которая послушно опустилась на снег, но сразу же привстала с холодной земли.

Кевин сделал пару осторожных шагов, но крутизна и тяжёлые сапоги вынудили его перейти на бег на полпути вниз. Он потерял баланс, упал и проехал последний отрезок пути по склону на животе; снег летел ему в лицо и забивался под куртку.

Он поднялся и сконфуженно поправил одежду. Затем быстро зашагал к подножию крепостного вала.

— ВЫ ДВОЕ! — закричал он и яростно топнул ногой. Смущение после падения переросло в нервную ярость.

— А НУ ИДИТЕ СЮДА! Утонуть хотите? Там опасно!

Дети скептически переглянулись, и девочка начала двигаться в сторону Кевина, но мальчик не пошевелился.

Вместо этого он гордо вскинул голову и заявил:

— А ты за нас не решай!

— Я взрослый, поэтому я решаю, — сказал Кевин. — И я сказал: там находиться нельзя.

— Но мы же только играем, — примирительно сказала девочка.

— Да, милая, но там опасно, — Кевин наклонился к ней. — Если провалишься под лёд, можно утонуть, потому что вода очень, очень холодная. Ты же это понимаешь, да?

Девочка кивнула и уставилась на свои зелёные резиновые сапоги на тёплой подкладке.

— Эй, на воде же лёд, — с вызовом закричал мальчик, демонстрируя, что не признаёт за Кевином авторитета.

Кевин выпрямился во весь рост и подошёл к самой кромке воды.

— Весьма вероятно, но для такого большого толстого мальчика, как ты, это смертельно опасно. Лёд слишком тонкий.

Кевин демонстративно провёл тяжёлым сапогом по льду и отодвинул тонкий слой снега, как будто занавеску на окне.

— Посмотри сам! — он с триумфом указал пальцем вниз, чтобы мальчик убедился в его правоте. — Смертельно опасно...

Кевин осёкся, не закончив фразы, и зажмурился. Он медленно

наклонился и попытался разглядеть предмет подо льдом, который привлёк его внимание.

Угрожающе тонкая ледяная скорлупа, точно как он и сказал, и под ней маленькие пузырьки воздуха. Но там было что-то ещё...

— В чём дело? — спросил мальчик, почувствовав, что что-то случилось. Он с любопытством сделал пару шагов в сторону Кевина.

Кевин не ответил.

Что, чёрт побери, там было подо льдом?

Он присел на корточки, протянул руку и смахнул последние крупинки снега с поверхности. Склонился ближе ко льду, пытаясь различить предмет в тёмной воде.

Затем вытаращил глаза.

Мгновение он был совершенно недвижим. Его тело кричало оглушительно-беззвучным криком, пока он смотрел на лицо подо льдом.

Снег засыпался за воротник и попал в штаны, когда он отпрянул назад и ногами отодвинулся от кромки воды.

— НАЗАД! — закричал он детям. — ПРОЧЬ!

На этот раз мальчик послушался, не задавая вопросов. Он быстро подошёл к девочке и взял её за руку.

Кевин на четвереньках отполз от воды. Он поднялся и вытасил мобильный телефон из кармана. Его душил парализующий страх, пока он ждал ответа.

— Помогите! — прохныкал он в трубку почти беззвучно. — Я его нашёл. Нашёл Лукаса.

При каждом соприкосновении лопаты с землей казалось, что в руку бьёт молния. Стрела боли проходила взрывными зигзагами от правой лодыжки Финна к его плотно сжатым губам. Промёрзшая земля была твёрдой как бетон, и спустя час яма по-прежнему была недостаточно большой.

Силы Финна были на исходе.

Он вытащил кинжал из кожаных ножен, висящих на старом скаутском ремне, и принялся рубить землю дикими резкими движениями. Последнее отчаянное усилие, но дело всё равно продвигалось слишком медленно.

Он поднялся и слабеющими шагами направился к навесу за главным домом. Нашёл ржавые садовые грабли в сарае с инструментами. Затем вернулся обратно к яме, убедился, что за ним никто не наблюдает, и продолжил рубить.

Слёзы и пот струились по лицу на кусачем утреннем ветру, и ещё час спустя ему в конце концов удалось вырыть отличную маленькую могилу.

Финн опустился на колени перед ямой и отрывисто задышал. Он видел в новостях, что за дело принялась полиция, и ему было страшно.

Как он умудрился так сглупить? Почему не мог оставить всё как есть? Он хорошо знал, что совершил ошибку, но...

Он принялся бить себя ладонью по лицу.

Ты такой глупец, глупец, глупец.

В конце концов он прекратил экзекуцию и просто сидел, раскачиваясь взад-вперёд, и плакал. Немного от холода и переутомления, но больше от того, что всё было так несправедливо, всё это. Ему всегда было всё запрещено.

— ФИНН? — прозвучал голос из-за дома. Хриплый и пугающий. — Финн, ты где? Иди сюда!

Финн вскочил на ноги и вытер руки о штаны. Он обежал дом и увидел мать, которая стояла посреди двора и искала его. Он неосознанно пригнул голову, когда заметил её.

— Что ты там творишь, дурак ты этакий? — сказала она, уперев руки в бока.

— Да ничего. — Финн замедлил шаг, приближаясь. — Просто не спалось.

— Иди сюда! — скомандовала она и махнула рукой, чтобы он

подошёл. — Поживее.

Финн неохотно подошёл. Пока шёл, он разглядывал её.

Красный фартук сидел в обтяг и был подвязан очень высоко, почти под мышками, как будто талия начиналась у неё сразу под мощной грудью. Щёки были обвисшими. Жадные и грубые.

Финн подумал, что она выглядит старой. Старой и бесформенной, и всё в ней вызывало в нём ненависть.

— На что ты похож, скажи на милость? — Она оглядела его с головы до ног. — Весь заляпанный, как свинья! И лицо, и одежда! И как умудрился-то?

Она поплевала на край фартука и потянулась вытереть им грязь на щеке Финна.

Тот инстинктивно отвернулся.

Она закатила глаза и холодной рукой схватила его за подбородок.

— Что ты о себе возомнил? — Она схватила его покрепче и так сильно сжала его щёки, что он ощутил во рту привкус крови. — Ты бы прикусил язык, когда я разговариваю, ясно? — она приблизила к нему лицо и прищурилась. — Или пойдём домой, если тебе есть что возразить?

Финну удалось отрицательно покачать головой.

— Вот и правильно, — кивнула она. — Нечего тебе сказать. Нечего! Потому что ты тупой, Финн! Ты глупый, понимаешь?

Финн кивнул.

— С этой своей заляпанной головой ты похож на араба. А ну марш в ванную, — скомандовала она и подтолкнула его к дому. — И побыстрее, Финн! Ты должен быть готов через полчаса, если хочешь успеть.

— Да, мама, — сказал Финн.

Идя к дому, он смотрел на навес. Ему всё равно не удалось бы закончить до выхода на работу.

Придётся отложить на потом.

— Почему ты вообще пьёшь эту пакость?

— Извини, что?

— Молоко, — Лиза Августин кивнула на пакет молока, стоявший на столе рядом с Шефером. — Зачем ты его пьёшь?

Он пожал плечами.

— Полезно для суставов.

— Это же гормональный напиток для телят.

— К чему ты клонишь?

— Если серьёзно? В нём полно холестерина. И жиров! Это ужасно противно.

Взгляд Шефера упал на сэндвич Августин, где бледные кусочки сосиски проглядывали между листьями салата.

— При всем уважении, несколько странно выслушивать советы касательно моей диеты от человека, который по собственной воле запикивает себе в глотку дело рук мясника.

— Это экологически чистая копчёная сосиска из магазина «Еда и Вино».

Августин подняла верхнюю часть бутерброда жестом иллюзиониста, который хочет раскрыть секрет карточного фокуса.

— Это мясные отходы, — сухо прокомментировал Шефер.

Она отмахнулась от него:

— А, ничего ты не понимаешь!

— Давай доедай скорее. Утренняя планёрка через пять минут.

Зазвонил телефон на большом двойном письменном столе, и они одновременно потянулись к трубке.

Августин успела первой и победоносно улыбнулась Шеферу.

— Не очень-то ты быстрый, — она сделала пол-оборота на офисном стуле и ответила на звонок, повернувшись к Шеферу спиной.

Он тут же протянул руку к пакету с молоком и плеснул гормонального напитка в её соевый латте.

Августин бросила трубку и сказала:

— Планёрка отменяется!

Он поднял взгляд.

— Что случилось?

— Мальчик нашёлся.

Шефер вскочил на ноги и молниеносным движением набросил куртку.
— Где?
Августин наскоро глотнула кофе.
— Под крепостным рвом в Кастеллет.

* * *

Все водолазы были одеты в одинаковые чёрные резиновые костюмы, а их лица скрывали чёрные маски. Несмотря на это, было ясно видно, кто из них работал в Военно-морских силах, а кто — в Службе спасения. В числе последних были как мужчины, так и женщины всех возможных пропорций тела, тогда как моряки были все одинаковы: с плечами, широкими как автострады, ногами, похожими на рождественский окорок, и шеями, на которых можно было колоть дрова. Когда они появились над водой, то были похожи на стероидные машины, роботов из будущего. Механические, запрограммированные. Непокосимые.

Ледорез проделал длинную плавательную дорожку во рве в форме звезды, и на поверхности то и дело появлялись головы ныряльщиков, подобно акульим спинным плавникам.

На илистом дне они обнаружили пару проржавевших велосипедов, один мопед, на вид поновее, и детское автокресло. Помимо этого, бутылки, стекло, обувь, ключи, очки от солнца и прочий мусор.

Но никаких трупов.

— Нет его здесь, — сказал один из поисковиков, — иначе мы бы его уже нашли. Если бы его скинули в ров, то он ушёл бы на дно, будь он привязан к чему-то тяжёлому — обмотан железной цепью или что-то в этом роде. А без груза он плавал бы на поверхности, прямо подо льдом.

— А его не могло унести в море? — спросила Августин и кивнула в сторону пролива Оресунн на другой стороне крепости Кастеллет.

Ныряльщик покачал головой, и капли воды полетели во все стороны.

— Вода во рве в принципе стоячая, — объяснил он, — течения нет, по крайней мере такого, чтобы оно могло унести человека. А если бы и было течение, мы всё равно обнаружили бы тело в стоке на границе с проливом. Здесь пространство закрыто, как в аквариуме: если ты крупнее сардины, то никуда не денешься.

Мускулистой рукой он описал в воздухе дугу в триста шестьдесят градусов.

Шефер кивнул.

— Ладно, но всё равно надо убедиться на сто процентов, так что вам придётся ещё раз всё обыскать. Проверяйте и перепроверяйте, повторно прочешите дно. Ничего нельзя упускать.

Подо льдом обнаружилась куртка Лукаса, и криминалисты отвезли её в НКЦ.

Шефер обернулся ко входу в Кастеллет. В окне полицейской машины виднелось лицо преподавателя из школы Ньюхольм. Он открыл дверь машины.

— Не выйдете на минутку?

Мужчина вывалился из автомобиля, с маленькой собачкой совершенно диснеевского вида в руках. Его размазанная тушь и термоплед золотистого цвета, накинутый на плечи, делали его похожим на молодого азиатского Либераче^[19] в сценическом костюме для шоу в Лас-Вегасе.

— Как я понимаю, это вы нашли куртку, — сказал Шефер.

Мужчина утвердительно кивнул.

— Я спустился к воде и заметил светлые волосы подо льдом. И глаза. Лукас всегда ходит в этой куртке с Джастином Бибером, и я подумал, что... — Он осёкся и прикусил дрожащую губу.

За плечом преподавателя Шеферу было видно растущую группу людей, которые столпились на противоположной стороне ограждения в Кастеллет и с любопытством смотрели на них. Внимание зевак было приковано к ныряльщикам. Всех, кроме одного. Мужчины в красной кепке и очках с жёлтым стеклами, одетого в нечто, что Шефер назвал бы комбинезоном. Взгляд мужчины был устремлён в противоположную сторону, правее Шефера.

Шефер повернул голову в том же направлении, но не увидел ничего, кроме полицейских, которые, как жуки-долгоносики, сновали туда-сюда по крепостному валу.

— Вы нашли Лукаса? — спросил педагог. Чёрная слеза поползла по его щеке. — Он мёртв?

Шефер собирался было ответить, но тут до него донёсся окрик одного из экспертов-криминалистов.

Он поспешил туда.

— Что случилось? Что у нас? — крикнул он.

— Тут что-то есть...

Криминалист подвёл Шефера к дикому кустарнику и указал на заросли лавра. Вечнозелёные листья походили на сотни коктейльных зонтиков, которые скрывали от глаз небольшую яму в земле почти у самых корней.

Шефер протянул руку и раздвинул ветви. Было похоже, что сюда

просто выкинули какие-то вещи. Как будто кто-то перевернул сумку и вытряс из неё содержимое.

— Тут пенал, учебники, коробка для завтрака, — сказал эксперт-криминалист. Он прочёл имя на тетради по математике: «Лукас, 3 класс».

Затем поднял кожаный продолговатый пенал. Кожа плотно обтягивала что-то угловатое, и пенал был похож на удава, проглотившего коробку из-под обуви.

Эксперт-криминалист расстегнул молнию и заглянул внутрь.

— Бинго! — Он протянул пенал Шеферу. Внутри лежал крупноразмерный айфон. «Шестой или седьмой», — подумал Шефер. Он вытащил свой собственный мобильный и набрал номер Микаэля Восса из Отдела компьютерных расследований.

— Восс, бросай все дела. Мы нашли телефон мальчика, я отправляю его тебе.

Шефер повесил трубку и обернулся посмотреть на скопище людей за оградительной лентой. Там стало ещё больше народа, и Шефер даже на расстоянии разглядел представителей жёлтой прессы из «Б.Т.» и «Экстра Бладет». Их глаза радостно поблёскивали; это было возбуждение перед просмотром смертельного порно.

«Крысы паршивые», — подумал Шефер.

Его глаза блуждали по лицам в толпе. Там были женщины, дети. Туристы, будто только что сошедшие с круизного судна. Старики, стоявшие с заложёнными за спину руками.

Все с явным любопытством наблюдали за представлением, которое разыгрывалось за полицейским оцеплением.

Шефер снова просканировал лица: он искал среди них то, из-за которого у него как будто завязался странный узел в животе, какое-то непонятное ощущение.

Мужчина в комбинезоне исчез.

Колёса велосипеда Элоизы беспрестанно вихляли то в одну, то в другую сторону, и она отчаялась ехать дальше по скользкой дороге. Снова повалил снег. Плотные хлопья тяжело падали с неба вертикальными нитями и были похожи на головки анемонов на шнурках. Она вела велосипед рядом с собой последние сто метров вниз по аллее Рювангс и смотрела на казармы Сванемёллен по ту сторону рельсов.

Хотя на территории были люди в форме, это место едва ли напоминало Вест-Пойнт^[20]. Скорее игрушечную военную базу с солдатиками; зазубрины на башенном бруствере торчали, как нижний ряд безобидных молочных зубов в рыжевато-ржавой черепичной десне.

Ничто не провозглашало военной мощи. Ничто не сообщало явной угрозы. Этот вид навёл Элоизу на мысли о том, что военное разоружение Дании со времён Второй мировой войны было одним из худших деяний в датской истории. «Если русские решат напасть, нам несдобровать», — подумала она.

Она припарковала велосипед перед Центром реабилитации после травм и в несколько прыжков преодолела лестницу в приёмный зал. С утра она отправила Герде сообщение, что заглянет часам к десяти, но ответа не получила. Элоиза надеялась, что ей удастся поймать Герду в перерыве между сеансами и немного поговорить за чашкой кофе.

Поднявшись на этаж, где находился кабинет Герды, Элоиза уже размотала шейный платок и собиралась толкнуть стеклянную дверь в терапевтическое отделение, когда из кармана послышалось знакомое жужжание. По номеру, высветившемуся на экране, она поняла, что звонили из «Demokratisk Dagblad». Не успев отдышаться, она нажала «Ответить».

— Кальдан.

— Это Карен.

— Привет, Карен. Как хорошо, что ты позвонила, — сказала Элоиза и потянула собачку молнии на кожаной куртке. — Я только что приехала в казармы Сванемёллен и хотела узнать, могли бы мы назначить интервью с ветераном, который...

— Нет, бросай эту статью, — перебила Карен Огорд.

Элоиза долю секунды раздумывала, как бы получше сформулировать ответ. Разумеется, Огорд переживала личную трагедию, поскольку её сына отправляли на войну, но газета всегда руководствовалась только пятью

критериями при отборе тем: актуальность, значимость, конфликт, идентификация и сенсация^[21]. Не могли же они вдруг взять и начать принимать во внимание семейные обстоятельства редакторов, подумала Элоиза.

— Карен, я прекрасно понимаю, что тебе сейчас не хочется читать о солдатах с посттравматическим синдромом, — начала Элоиза. — Но мне кажется, что...

— Это не имеет отношения к делу, — прервала её Огорд. — Мы с Миккельсеном сидим обсуждаем пропавшего мальчика, и до нас только что дошло: это же твой друг ведёт расследование. Эрик Шефер.

— Ну и что? — Элоиза уже знала, к чему идёт дело, если главный редактор решил вмешаться. Сенсация — есть! Рост продаж — есть!

— Значит, у тебя есть прямой доступ к ключевому источнику. Выясни, что происходит — если происходит что-то, о чём пресса ещё не знает. Пока что эту тему освещает Отдел новостей, но если дело выстрелит — если мальчика найдут мёртвым, — нам понадобится как можно больше подробностей.

Через стеклянную дверь Элоиза видела, как открылась дверь в кабинет Герды. Герда протянула руку молодому мужчине в камуфляжной форме. Тот отдал Герде честь, пошёл по коридору и исчез из виду.

— Шефер — мой друг, — ответила Элоиза. — Но это отнюдь не означает, что он делится со мной подробностями расследования.

— Значит, разговори его.

— Как?

— Ты же женщина. Придумай что-нибудь.

Элоиза нахмурилась.

— Ты в своём уме?

— Да успокойся. Я же не сказала, что нужно раздеваться, я сказала: придумай что-нибудь. Пофантазируй! Это, в конце концов, твоя работа — добывать истории, а эта история нам нужна.

— Я уже сказала, что нахожусь сейчас в казармах, когда я здесь закончу, то подключусь к...

Элоиза не закончила фразу, поняв, что Карен уже повесила трубку. Она положила телефон обратно в карман и собиралась пойти, когда её взгляд упал на темноволосого мужчину, который вышел из другого кабинета и приближался к Герде. Та улыбалась ему, всё ещё стоя в дверях своего собственного.

Что-то в его лице заставило Элоизу замереть. Она взялась за ручку двери, но заходить не стала.

Темноволосый поравнялся с Гердой. Она сказала ему несколько слов, и он расплылся в обольстительной улыбке.

Что-то тут было нечисто.

Мужчина оглядел безлюдный коридор и прильнул к Герде. Их щёки соприкоснулись, но она и не подумала отпрянуть. Наоборот, закрыла глаза и ещё шире улыбнулась. Мужчина прошептал ей что-то на ухо, и его рука преспокойно скользнула с её спины ниже и замерла там на какое-то время. Затем он пошёл дальше по коридору, а Герда исчезла у себя в кабинете.

Элоиза стояла, замерев на месте. Во рту она ощутила кисловатый привкус.

Затем она рванула дверь, что было сил.

— Ты что творишь?

Элоиза ворвалась в кабинет Герды без стука. Она остановилась в дверях и ошеломлённо смотрела на подругу. На девочку, которую знала с детского сада. На женщину, которая с годами стала самым родным её человеком. Её *единственным* родным человеком.

Герда удивлённо подняла взгляд и улыбнулась:

— Привет! Ты пришла?

Затем вопрос Элоизы достиг её сознания, и она нахмурилась:

— Что я творю? Что ты имеешь в виду?

На лице разгневанной Элоизы не дрогнул ни единый мускул.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Герда быстро отвела взгляд. Затем вновь встретилась глазами с Элоизой.

— Я не совсем понимаю...

Элоиза скрестила руки на груди и сдержанно откинула голову назад.

— Кто этот парень, с которым ты только что разговаривала? — она кивнула в сторону коридора.

— Ты о ком? — Герда всплеснула руками. — У меня сегодня много клиентов.

Элоиза зажмурилась.

— Ты принимаешь меня за идиотку? Я про того Аладдина, с которым ты сейчас обжималась. Кто он?

— Карим? — Герда указала на соседний кабинет. — Просто коллега, психолог-реабилитолог. Мы вместе работаем.

— Я вас видела. Герда, я знаю тебя и твой язык тела. У вас роман.

По тому, как изменился огонёк в глазах Герды, Элоиза поняла, что та осознала, что разоблачена.

Герда ничего не сказала. Она отошла и присела на подоконник спиной к Элоизе.

— Что у тебя творится? — повторила Элоиза. — А что же Кристиан?

— Да, а что же Кристиан? — Герда смотрела на взвод молодых солдат, которые маршировали мимо здания, в то время как сержант задавал ритм, распевая скабрёзную моряцкую песенку. Затем она повернулась к Элоизе. Её приветливый облик изменился, на лице застыла сдержанная улыбка. Она кивнула с вызовом в глазах. — Где же он? А я тебе скажу где: в чёртовом

Денвере. А на следующей неделе он в Токио. А потом, без сомнения, его ждёт тур в Мельбурн и в Аспен и ещё куда-нибудь к чёрту на рога. Если нам повезёт, он проведёт дома два дня подряд где-нибудь ближе к Пасхе.

Элоиза недоверчиво покачала головой:

— Он считает, что, будучи в отъезде, может на тебя рассчитывать.

Герда коротко безрадостно рассмеялась.

— А вот об этом ты на самом деле не имеешь ни малейшего представления. Ты всегда видишь только то, что тебе *хочется*.

— Я тебе доверяла.

— Доверяла мне? *Доверяла?* Я никогда не обманывала твоего доверия, Элоиза, а что до этого... — она положила одну руку на сердце и взмахнула другой, — при всём уважении, тебя это не касается.

— Неправда, — сказала Элоиза упрямо. — То, что ты, оказывается, можешь предать одного из ближайших тебе людей, меня касается. То, что ты выдаёшь себя за одно, а на деле оказываешься совершенно иным и ведёшь параллельную жизнь за спиной у Кристиана — за *моей* спиной, — меня касается. И если и есть что-то, чего я не приемлю, так это...

— А вот эту свою белиберду на меня не проецируй, — вместо того чтобы повисить голос, Герда, наоборот, понизила его до мрачного, почти горлового звука. — Это *твои* проблемы, Элоиза. Тебя и твоего прошлого. Не мои.

— Возможно, — кивнула та, — но я рассчитываю, что люди в моём ближайшем окружении являются теми, кем кажутся. Я не выношу секретов. Ты замужем, Герда, так что веди себя, чёрт побери, соответствующе!

— Я не могу сохранять нуклеарную семью только ради тебя. Ты хоть понимаешь, до чего бредово ждать этого от меня?

— И что, блин, это значит?

— Это значит, что ты решила, будто мир — это полная дрянь и только Кристиан, Лулу и я — единственное на свете, что имеет значение. Но я до этого идеала недотягиваю, Элоиза. Я не могу быть единственной вещью, которая привносит для тебя смысл в этот мир. И не хочу. Я люблю тебя, но понимаешь ли ты, какую колоссальную ответственность возлагаешь на мои плечи?

— Ты должна рассказать Кристиану правду, — повторила Элоиза упрямо, — он тебе доверяет.

— ЕГО НИКОГДА НЕТ ДОМА, ЧЁРТ ПОДЕРИ!

Герда поднялась. От ярости её ноздри раздувались. Взгляд был жёстким, глаза сухими.

— Он сделал выбор не в нашу пользу, неужели ты не понимаешь? Каждый раз, садясь в очередной хренов самолёт, он делает выбор не в нашу пользу. И весьма вероятно, что до него пока не дошло: без последствий это не проходит. А последствия есть, и он о них узнает. Но это случится только тогда, когда я решу ему рассказать, а не ты. Так что не надо заявляться сюда и играть в полицейского, требуя, чтобы моя жизнь была открытой книгой. Ты тоже мне не всё рассказываешь.

— Я никогда тебе не вру.

— Правда? — Герда скрестила руки на груди. — Так зачем, стало быть, ты ходила вчера к врачу? Гормон стресса, говоришь, исследовали?

Элоиза пару раз моргнула. Затем развернулась и покинула комнату.

— Ага, значит, твои правила только на меня распространяются, да? — крикнула Герда ей вслед. — Ты лицемерка, Элоиза!

— Мы изучили содержимое телефона.

Микаэль Восс бросил на стол перед Шефером и Августин кипу бумаг в четыре пальца толщиной. Капли пота выступили на его лысой макушке, как прозрачные цветочные бутончики.

— Быстро, — впечатлился Шефер и поудобнее устроился на стуле перед стопкой.

Восс с коллегами из Отдела компьютерных расследований провёл большую работу по проверке данных с телефона Лукаса, с тех пор как тот был найден в Кастеллет два часа назад.

Восс указал на бумаги:

— Мы скопировали с телефона все данные, и здесь распечатки всех входящих и исходящих звонков и сообщений за последние четыре месяца. Его история поиска в Google, фотографии, документы, профили в социальных сетях, стримы и запросы в «Нетфликс», канал НВО, YouTube и всё такое.

— Выглядит жёстко. Почему так много страниц?

— Мы имеем дело с ребёнком из онлайн-поколения, так что тут сплошные поиски и загрузки. Они же почти ничего другого не делают, как только смотрят в экран телефона.

Августин пододвинула стопку к себе. Начала её пролистывать, медленно, внимательно, сканируя страницы взглядом.

— Warcraft... war games... wizard power, — зачитывала она. — Здесь поиск доспехов для ролевых игр, войнушек, самурайских мечей... Что-нибудь выделяется на общем фоне? — спросила она, не отрывая глаз от бумаг.

— Мы пока не успели изучить большую часть. Пришлось, как я уже сказал, работать быстро. Но на данный момент самое интересное, что я видел, — это его страница в «Инстаграме».

— Страница в «Инстаграме»? — Августин с удивлением приподняла бровь и посмотрела на Восса. — Ребёнку всего десять лет, зачем ему «Инстаграм»?

— В этом как раз нет ничего необычного. Немного необычно для его возраста то, какую тематику для аккаунта он выбрал.

— Тематику? В каком смысле?

— Страницу можно вести по-разному, — сказал Восс, — большинство

людей загружают фото на разные темы: закаты, дни рождения, фото из отпуска, костюмы на Хеллоуин, фотографии природы — разнообразные бытовые сюжеты, пропущенные через фотофильтр. Но многие пользователи ограничивают тематику своей страницы. Есть так называемые «фуди»^[22], которые постят только фотки деликатесов вроде икры зубатки. Ещё есть кондитеры, футбольные фанаты, селфи-любительницы, автолюбители, любители моды und so weiter^[23].

— И? — Палец Шефера нетерпеливо описал в воздухе несколько кругов, намекая, что темп повествования следует ускорить. — Какое это имеет отношение к делу?

— Аккаунт Лукаса Бьерре посвящен... — Микаэль Восс сделал эффектную паузу и указал на свои щёки: — ЛИЦАМ!

— Чего-чего?

— Лицам! Если точнее, мы имеем дело с феноменом под названием «парейдолия».

Шефер поднял бровь.

— Параболия?

— Нет, к школьным параболам это никакого отношения не имеет. Это называется «па-рей-до-ли-я», — произнёс Восс по слогам.

— Что это за хрень?

— Это психологический феномен, когда случайные узоры воспринимаются как лица.

Шефер и Августин обменялись непонимающими взглядами.

— Извини? — переспросил Шефер и устало закрыл глаза рукой. — Узоры как лица?

— Да, другими словами, человек видит что-то, не имеющее к лицу никакого отношения, но по какой-то причине его взгляд всё равно распознаёт именно лицо.

Восс вынул из сумки папку и достал из неё несколько фотографий.

— Смотрите! Я, конечно, слышал истории про то, как какая-нибудь старушка из Колумбии видела лик Девы Марии в луже масла, и я думаю, что это персональный привет от высших сил. Деревенский парень из Алабамы разглядел лицо Дональда Трампа в пачке сливочного масла^[24]. Или дьявола на фасаде здания, всё в этом духе.

Шефер собрал фотографии.

Он знал все эти истории, и хотя фото пачки масла явно представляло собой случайные завихрения на сбитых сливках, ему тоже сразу пришли на ум рыбий рот Трампа и его начёс в виде волны.

— Доподлинно неизвестно, что является причиной парейдолии, — сказал Восс, — но учёные считают, что мы генетически запрограммированы распознавать в случайных узорах черты лица. Они считают, что это пошло с тех времён, когда человек ещё ходил с палкой в руке и должен был всё время находиться начеку. Как только он замечал что-то в джунглях, нужно было быстро сообразить: виднеется ли в зарослях тигр, ствол дерева или ещё какая-нибудь чертовщина. Короче говоря: есть ли опасность?

Рассказывая, Восс размахивал в воздухе своими большими руками.

— Суть парейдолии, таким образом, заключается в готовности к бою. Поэтому мы воспринимаем определённые узоры как лица ещё до того, как наш мозг на долю секунды позже соображает, что это, да нет же, был на самом деле всего-навсего кокосовый орех.

— А Лукас Бьерре, выходит, изучал этот феномен?

— Я не знаю, изучал ли по-настоящему, но, во всяком случае, интересовался.

— Повторю ещё раз: ему только десять лет, — сказала Августин, — откуда ему вообще знать про эту чехарду с лицами?

— Не обязательно быть нейрохирургом, чтобы знать о таком феномене. Парейдолия — это тренд «Инстаграма» уже несколько лет. Люди фотографируют то, что напоминает лица: розетки, яблоки, кофейную пенку, облака, канализационные люки. Да что угодно, если в этом можно разглядеть два глаза и рот. Так что Лукас Бьерре, вне всяких сомнений, просто увидел это в интернете, и ему показалось, что мотаться по городу и снимать на айфон лица было бы увлекательно.

— Я по-прежнему не до конца уловил... — сказал Шефер скептически и потёр шею. — Яблоки, говоришь? Насколько мне известно, у яблок нет ни глаз, ни рта?

— У идеального яблока — нет. Но если оно с бочками, то пятнышки могут сложиться в палка-палка-огуречик-вот-и-вышел-человечек. — Микаэль Восс нарисовал в воздухе улыбающееся лицо толстым указательным пальцем. — И ты воспримешь это как лицо.

Он достал мобильный и нажал на экран. Протянул телефон Шеферу.

— Наверное, надо увидеть, чтобы понять. Вот это — аккаунт Лукаса.

Шефер скользнул взглядом по экрану. Указательным пальцем он начал прокручивать ленту вниз.

По всей видимости, страница под названием «Facehunter8» была зарегистрирована девять месяцев назад. За это время Лукас поделился двумястами двадцатью семью фотографиями со ста девяносто восьмью

подписчиками. Всё сфотографированное походило на лица, и Шефер вдруг разглядел злобные глаза в фарах «Ауди RS6». Косоглазого осьминога — в вешалке из прихожей. А у школьного рюкзака открытая молния показалась разинутым от удивления ртом.

Его взгляд остановился на последней фотографии.

Она была загружена два дня тому назад: старые ворота амбара с двумя уставившимися на зрителя круглыми окнами и железной дверной ручкой, похожей на сморщенный рот.

— Пользователи «Инстаграма» используют хештеги, чтобы их могли найти единомышленники. Любители парейдолии используют #iseefaces, #явижулица или даже: #парейдолия. С пометкой #iseefaces набралось уже больше полумиллиона фото.

— Тьфу ты, где ты учил английский? У тебя faces звучит как «фэсес». А оно читается «фэйсиз», Восс! «Фэйсиз»!

Восс бросил на неё тяжёлый взгляд.

— А тебе сколько лет? Двенадцать?

— Да, ей именно что двенадцать, — кивнул Шефер, не отрывая глаз от снимка. — Не обращай на неё внимания.

Он увеличил фотографию с воротами. Она была отмечена хештегами, которые упоминал Восс, но не только ими. Когда Шефер стал читать, у него заныли дёсны.

#чудовище #смерть #сатана #зло #ятебяубью

Он приложил ладонь ко рту и поднял телефон над головой, чтобы привлечь внимание Восса и Августин. Посмотрел сначала на одного, потом на другую.

— Где это было снято?

— Это только мне так кажется или эта штука и впрямь как две капли воды похожа на труп, слишком долго плававший в реке?

Журналист Могенс Бётгер проткнул пережаренную булочку гамбургера металлической шпажкой и продолжил свои поиски завершающего штриха для завтрака в редакционной столовой.

Его тарелка уже была полна и походила на бранч в кафе в спальном районе: шизофреническая катавасия малопривлекательных закусок, никоим образом друг другу не подходящих. Там нашлось место и муссу из тунца, и печёночному паштету, и мини-блинчикам, и сыру с плесенью, и ананасам, и кляксе ремулада, и даже сосиске в тесте.

— Ага! — воскликнул он и с воодушевлением потянулся за кусочком копчёного лосося.

— Пойду найду нам столик. — Элоиза подхватила свою тарелку с томатным супом и понесла её к свободному столику у окна, который разглядела в дальнем углу столовой. Она села спиной к остальным посетителям и посмотрела на улицу Сторре Страндстреле, где люди осторожно двигались по обледенелым тротуарам с переполненными пакетами в руках и кофе навынос.

Адреналин всё ещё неприятно пульсировал у неё в теле, взрываясь маленькими петардами возмущения. Она постоянно вполглаза следила за телефоном, но от Герды не было ни звука с тех пор, как Элоиза покинула казармы.

Она поднесла ложку супа ко рту и подула. Боковым зрением она заметила тугое пузо ресторанныго критика Кая Клевина. Он приблизился к ней семенящими шагами, сжимая в руке принесённый из дома обед, остановился и огляделся в поисках свободного места.

Элоиза отвернулась, надеясь, что он пройдёт мимо. Последний раз, когда они с Бётгером имели честь находиться в его обществе, он развлекал их *чрезмерно* подробным рассказом о своей недавней операции на колене. Слово «хряц» столько раз прозвучало над Элоизиными слегка недожаренными рёбрышками с соусом из петрушки, что с тех пор она не могла есть свинину, не вспомнив об остеоартрите Кая Клевина.

Она почувствовала, что он прошёл мимо, и вздохнула с облегчением.

— Ну что? — Бётгер, который сначала устроился за соседним столом, начал перебираться к Элоизе.

— Чего что? — Она пригубила суп. Суп был слишком сладким, неправильной консистенции и без следа настоящих овощей.

— Как там твоя статья про солдат?

— Никак. Карен сказала, что её нужно бросать. Она хочет, чтобы я освещала дело Лукаса Бьерре.

— Логично, — кивнул Бётгер, потянув к себе блинчик. Он имел обыкновение начинать трапезу с десертов. — Эта история вызывает сейчас большой интерес. Огромная сладкая морковка для читателя. Я гарантирую, что, когда статью опубликуют, она станет первой в списке самых читаемых в интернете.

— Вне всякого сомнения. Но когда мы успели скатиться до уровня жёлтой прессы?

— Тогда же, когда у нас, как и у других газет, появились проблемы с насущным: money, honey!^[25]

— Да, да, я понимаю, что нужно зарабатывать деньги. Но нормально ли, что Карен отменяет выпуск общественно-важной статьи и поручает мне освещать таблоидное дело?

— Мда, не знаю... Ну, вот так. — Он взял стакан яблочного сока.

— Вот так? — осклабилась Элоиза. — Ну ладно, любитель экономического либерализма, а тебя не раздражало бы, если бы Карен стала совать нос в твою статью про статистику?

Могенс Бётгер самоуверенно улыбнулся.

— Она никогда так не поступит.

— Потому что ты чертовски хорош, ты хочешь сказать?

Он высокомерно пожал плечами.

— Да, поэтому, а ещё у меня появились новые источники в полиции, которые готовы высказаться и назвать имена, источники, которые занимают высокое положение в иерархии. Я буду поджаривать начальника полиции на медленном огне, когда моя статья выйдет, он будет крутиться у меня на вертеле, как свинья с яблоком во рту! Вот что заставит Миккельсена хлопать в маленькие главредакторские ладошки. А когда Миккельсен рад, то и Карен рада.

— Хорошо тебе, мерзавец.

Бётгер захохотал:

— Почему же так язвительно? Я, честно говоря, не понимаю, почему тебе больше хочется писать о поехавших крышей солдатах, чем освещать дело Лукаса Бьерре.

— Тебе не кажется, что возникает мощный конфликт интересов, потому что расследование ведёт мой друг?

— А разве та секс-бомба, у которой ты хотела брать интервью для статьи, не твой друг?

В ту же секунду на телефоне Элоизы дилинькнула СМС, и она успела простить Герду тысячу раз, прежде чем открыла сообщение. Но когда она его прочла, ярость вернулась. Писала не Герда. Это был Мартин.

*Жду не дождусь увидеть тебя вечером. Заеду ровно в 18:30.
Целую, М.*

— Всё в порядке? — спросил Бётгер.

— Да. — Элоиза отодвинула тарелку с супом. — Ничего, если я оставлю тебя наедине с твоим гастрономическим безумием?

— Конечно. Ты в Каstellет?

Элоиза нахмурилась.

— А что там происходит?

— Разве ты не хотела начать писать о пропавшем мальчике?

— Да. Непохоже, чтобы у меня был выбор. — Она поднялась и придвинула стул к столу. — Но при чем тут Каstellет?

— Один из моих источников в полиции шепнул сегодня утром, что там что-то нашли.

— Слушай, раз уж ты явно осведомлён гораздо лучше меня, может, сам и напишешь статью? А я, пожалуй, пойду пока напьюсь.

— Даже не думай. — Бётгер наколот на вилку ломтик ананаса. — Если ты решила надраться, я с тобой.

Хотя Рождество давно прошло, яблоки в карамели по-прежнему украшали прилавки Ньюхавна, а аромат глэгга^[26] носился в воздухе. Шефер и Августин шли мимо киосков, пропуская вперёд себя армаду туристов из Азии, которые ехали мимо на вихляющих сегвеях, как группа бесхозных миньонов. Они двигались хаотичными неуправляемыми рывками, явно не умея обращаться с этим транспортом.

— Надо бы это запретить, — сказал Шефер.

— Вот и я о том, — безэмоционально кивнула Августин. — Туристы на электросамокатах, сегвеях и ещё фиг знает на чём — это полное безумие. Да ещё зимой, по снегу!

— Кстати, пока я не забыл, — сказал Шефер, когда они переходили дорогу. — Когда доберёмся до дома Бьерре, мы обыщем комнату мальчика на предмет всего, что может иметь отношение к делу. Но карт раскрывать не будем.

Августин кивнула.

— Дело уже широко освещается в прессе. Я не хочу, чтобы утекали зацепки, которые мы находим, — ты прекрасно знаешь, что бывает в таком случае.

— Все потеряют много времени.

— Именно, — кивнул Шефер.

Если дело попадало в прессу, одним из сложнейших испытаний для полиции было разбираться со всеми теми ложными признаниями, которые немедленно появлялись. Прямо перед поездкой в Сент-Люсию Шефер расследовал дело об избиении пожилой женщины в общественной прачечной в районе Кристиансхавн. Кража обернулась непредумышленным убийством. Женщина, которую ударили по спине битой, упала и разбила голову об угол стола. Вскоре она скончалась от потери крови. С повинной явилось целых четыре «убийцы», но никто из них не был в курсе того, что знали только полиция и настоящий преступник: убийство совершила женщина.

Записи с камер наблюдения прачечной показывали совершенно ясно, что старушку ударила женщина, по всей видимости цыганка. Одна сокрытая от широкой общественности деталь дала возможность с лёгкостью отправить восвояси четверых мужчин, которые появились в полицейском участке, чтобы привлечь к себе общественное внимание.

Удивительным образом Шеферу было легче понять преступников, чем людей, занимающихся самооговором. Но так уж устроен мир, думал он. Повсюду сумасшедшие.

Они нашли дверь в нужный подъезд, и Шефер нажал на кнопку звонка указательным пальцем. Он встал перед висевшей у входа камерой, чтобы его было видно из квартиры. Они зашли в лифт — старый, поскрипывающий, похожий на реквизит из «Великого Гэтсби» — и поднялись на пятый этаж, где в дверях квартиры их встретила пожилая дама.

Это была худенькая маленькая женщина, одетая в широкие кожаные штаны и пёстрый пуловер, рукава которого смотрелись коротковато на её тонких руках. Взгляд её голубых глаз был уверенным, но в то же время испуганным. Отросшие корни угольно-чёрных волос были русыми с проседью и свидетельствовали о том, что волосы она красила — последний раз уже давно.

Шефер скользнул взглядом по фамилии на латунной табличке возле двери и вежливо кивнул женщине:

— Это квартира Бьерре?

— Да, проходите.

Женщина зашла в маленькую прихожую и посторонилась, освобождая проход.

— Сюда. Меня зовут Марианна. — Она протянула руку. Её голос звучал скрипуче, как у заядлого курильщика. — Я бабушка Лукаса по отцу.

Она провела их на кухню, и Шефер огляделся.

Квартира была тщательно обставлена; дорого и безлико, как витрина. Рассада душистых трав сочными стеблями тянулась вверх из белых фарфоровых горшков на кухонной столешнице по соседству со стеклянными банками с гранолой, крупами и диким рисом. Было много дизайнерских вещей: в подсвечнике «by Lassen» стояли нетронутые высокие свечи, а с провода светильника «РН» дизайна Поула Хеннингса, висевшего над длинным белым лаковым столом, свешивалась длиннорукая деревянная обезьянка работы Кая Бойесена.

Ничто не выдавало присутствия живых людей. Ни валяющиеся на столе газеты, ни влажная тряпка на кухонном крае. Это был тефлоновый дом под прозрачной глазурью. Гармонию нарушали лишь опухшие глаза в дальнем конце помещения — с тёмными кругами и влажными ресницами.

Йенс Бьерре сидел на диване дизайна Бёрге Могенсена и загнанно смотрел в никуда. Шефер называл этот диван «академическим». «Эстетика берёт верх над комфортом, когда становишься доктором наук», — подумал

он и встретился глазами с Йенсом.

У того в лице читалось отчаянное желание очнуться от ночного кошмара.

А его жена, напротив, как будто ещё не осознала всей серьёзности ситуации. Войдя в кухню, Анна София Бьерре оживилась при виде Шефера и Августин. Похоже, её поддерживала вера в то, что полиция непременно со всем справится. Как невинного ребёнка, который убеждён, что родители могут решить все проблемы на свете.

— Есть новости? — спросила она с надеждой в голосе.

— Мы нашли куртку Лукаса и его школьные принадлежности, — ответил Шефер.

В помещении стало до того тихо, что можно было расслышать мегафон с круизных лодок в порту Ньюавн. Хорошо поставленный голос приветствовал новых пассажиров, и его весёлый тон ещё резче очерчивал заполнивший кухню ужас.

Тишину нарушила бабушка.

— Куртку? — прошептала она.

— Да, мы нашли всё в Кастеллет. Куртка была в воде, и мы...

— Но... но... — Йенс Бьерре поднялся и закачал головой, — какое это имеет значение? Никакого. Ровным счётом никакого! — Он повернулся к жене. — Его могли куда-то увезти. Может, он сел на поезд. А может, он просто, уходя, забыл куртку в школе, а кто-то взял её и...

— Сейчас мороз, — сказала Августин, — сомнительно, чтобы он намеренно не надел куртку.

Её голос звучал профессионально и спокойно.

Анна София Бьерре остановила на ней взгляд, её глаза были широко раскрыты. Затем она разрыдалась, и муж притянул её к себе. Она спряталась в его объятиях.

— Пока рано делать какие-либо выводы, — Шефер успокаивающе кивнул Йенсу, — а сейчас мы бы хотели осмотреть комнату Лукаса, если вы не против. Возможно, там есть что-то, что поведёт нас в новом направлении. Тот след, которого нам не хватает.

Идея была в том, чтобы дать родителям какую-то опору, не давая им обещаний, которые он, Шефер, не смог бы сдержать. Больше всего ему нужна была спокойная рабочая обстановка.

— Пойдёмте. Это сюда. — Бабушка вышла в длинный коридор.

Шефер и Августин оставили родителей в кухне и последовали за ней. Она привела их в комнату с сине-зелёными стенами, на которых висели полки, забитые настольными играми, книгами и пластмассовыми

доспехами для ролевых игр. В углу стояла чёрная деревянная кровать-антресоль со спальным местом наверху и рабочим местом в проёме внизу. Письменный стол был завален комиксами, журналами и рисованными иллюстрациями. По столешнице были раскиданы карандашные опилки и остатки грифелей. Хорошо организованный уютный беспорядок.

— Обязательно скажите, если мы можем что-то сделать. Если у вас появятся вопросы о лежащих здесь вещах, например...

— Спасибо. Вы сказали, вас зовут Марианна? — спросил Шефер.

— Да.

— Вы живёте поблизости?

— Нет, я живу недалеко от Роскилле, но приезжаю несколько раз в месяц. Я присматриваю за Лукасом по воскресеньям два раза в месяц с самого его детства.

Её голос дрожал. Потом она посмотрела Шеферу прямо в глаза.

— Вы о чём-то нам не рассказываете? — На её глазах выступили слёзы. — Он... он мёртв? — Она прижала руку ко рту, как будто придя в ужас от собственных слов.

Шефер покачал головой и положил руку ей на плечо.

— Мы ничего от вас не скрываем.

Она с шумом выдохнула.

— Значит, у нас всё ещё есть надежда? Мы... мы места себе не находим от беспокойства...

Шефер вывел бабушку из комнаты, а Августин тем временем уже начала проверять шкафы и полки.

— Что именно будем искать? — спросила она, когда Шефер зашёл и закрыл за собой дверь.

— Узнаем, когда найдём, — ответил он, выдвигая ящик.

Следующие полчаса они тщательно перебирали вещи в комнате, но ничто не привлекло их внимания. Не было похоже, чтобы мальчик увлекался чем-то, кроме комиксов о супергероях, пластмассового оружия, ролевых игр и сложных конструкторов «Лего». Фигурки были собраны и в идеальном порядке расставлены на полках и подоконнике.

— Это больше похоже на экспонаты в музее, чем на игрушки, — заметила Августин.

Шефер снял с полки свинью-копилку. Вытащил из неё резиновую пробку и заглянул внутрь. Копилка звенела монетками в десять и двадцать крон, была там и купюра в пятьсот крон, и сотня.

«Значит, мальчик действительно не планировал исчезать», — подумал Шефер.

Августин заглянула под матрас, приподняв его. Между матрасом и ламелями была спрятана тонкая тетрадь в линейку.

— Дневник? — предположила Августин.

Шефер пролистал тетрадку. На большинстве страниц были рисунки. Монстры и чудища. Случайные короткие предложения без контекста. В середине тетрадки карандашом был нарисован человечек без головы. Тело стояло вертикально с раскинутыми в стороны руками, а около ног лежала голова с перекошенным ртом и молниями в глазах.

— Что написано под рисунком? — Шефер передал тетрадку Августин.

Она сосредоточенно посмотрела на надпись, которая была слишком мелкой для Шефера, и прочла: «Токе — полудурок. Ха-ха-ха».

Она понизила голос и взглянула на Шефера:

— А может, он не такой уж и мягкий и сострадательный, каким его видят родители, этот Лукас?

— Что ты имеешь в виду?

— Им кажется, что он не по годам развитый вундеркинд, всегда милый и прилежный. Но не прячется ли в нём мистер Хайд? — Она протянула рисунок Шеферу.

— Во всех нас живёт мистер Хайд, — ответил Шефер. — Чтобы начать что-то подозревать, нам нужно больше, чем портрет пацана, который ему не нравится. К тому же учителя тоже создают образ спокойного ребёнка, и, возможно, рисунок появился из-за фрустраций, которые он не решается выразить в реальности. Другие дети в классе тоже боятся этого Токе.

— Возможно, но если мы допустим, что он...

Из тетрадки выпал маленький красный листок, и Августин замолчала. Она подняла бумажку: вытертую, замызганную и старую.

— Что это? — спросил Шефер.

— Почерк не тот, что в тетради. Похоже, писал взрослый или ребёнок постарше.

— Что там написано?

— *«Я присматриваю за тобой, Лукас. Кики».*

— Кики?

— Да.

— Ещё что-нибудь написано?

— Больше ничего.

— Хмм...

Шефер потёр шею и задумчиво посмотрел на Августин.

— Пойдём, — сказал он. — Захвати эту бумажку.

Они вышли в кухню, где Йенс Бьерре сидел один перед кухонным столом. На столе ничего не было — ни телефона, ни планшета, ни чашки кофе. Он просто молча сидел и смотрел в пустоту.

Когда Шефер и Августин вошли, он поднял глаза.

— Нашли что-нибудь?

— В данный момент сложно сказать, — сказал Шефер, — но у нас есть вопрос. Кого-нибудь в вашей семье или в окружении зовут Кики?

— Кики? — Йенс Бьерре в задумчивости наморщил лоб. — Нет, кажется, я не знаю никого с таким именем. А что?

— А в школе? Может быть, это кличка или уменьшительное имя? Может, есть кто-то по имени Кирстен или Кирстина или что-то подобное?

Бьерре повернулся за столом и позвал:

— Фия?

Анна София появилась в дверном проёме. Она уже не плакала, но её глаза и губы были припухшими и красными.

— Лукас тебе не говорил про Кирстена или Кирстину из школы? Или про кого-то по имени Кики?

Анна София зашла в кухню.

— Кики, — повторила она, подошла к раковине и налила в стакан воды. Сделала большой глоток и повернулась к остальным. — Нет, Лукас таких не упоминал. Но лучше спросить в школе. Там так много взрослых, что сложно всех запомнить. А почему вы спрашиваете?

— Потому что мы нашли тетрадку, в которой лежала записка от какой-то Кики.

— Что ещё за записка?

— С приветом. Кто-то по имени Кики пишет, что приглаждает за Лукасом.

— «Приглаждает»? Это ещё что значит? — нахмурился Йенс.

— Вот это мы и пытаемся выяснить, — сказал Шефер. — Вам это ни о чём не говорит? — Он пристально посмотрел на Анну Софию.

Та отвела глаза. Казалось, что она всматривается в темноту в поисках какого-то смысла.

— Может, он познакомился с кем-то в интернете, — предположила Августин. — Может быть, это его подписчик в «Инстаграме» или друг на «Фейсбуке».

— Лукас не сидит в соцсетях, — сказал Йенс Бьерре.

Шефер и Августин быстро переглянулись.

— А «Инстаграм»?

Отец отрицательно покачал головой:

— Нет, в нашей семье существует правило, что для пользования соцсетями ему должно исполниться тринадцать.

— И вы контролировали, чтобы это правило соблюдалось?

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать: вы следили, чтобы он не пользовался соцсетями у вас за спиной?

Йенс непонимающе покачал головой.

— У нас никогда не было необходимости следить за ним. Мы сказали ему, что это запрещено и что мы ему доверяем. Лукас всегда следует правилам.

Их прервал телефон Шефера, зазвонивший у него в кармане. Он извинился и вышел в коридор.

— Да-алло?

— Шефер?

— Я.

— Это Руд.

— Привет, Руд. Хорошо, что ты позвонил! — сказал Шефер.

Руд Йохансен был экспертом-криминалистом и работал на кафедре судебно-медицинской экспертизы медицинского факультета Университета Копенгагена и в Национальном экспертно-криминалистическом центре. Куртка Лукаса Бьерре и окровавленная толстовка из контейнера были доставлены ему сразу после обнаружения.

— Ну что? Есть новости?

— Возможно... возможно... — голос Йохансена звучал, как обычно, слегка неуверенно и взволнованно.

— Так да или нет, Руд?

— Приезжай. Вечером сегодня. Я жду ответа от токсикологов и... да, ждать точно придётся весь день и вечер. Может, часов в одиннадцать? К этому времени анализы должны быть готовы.

— В одиннадцать, — кивнул Шефер, — хорошо, увидимся.

Он вернулся на кухню, чтобы попрощаться с родителями Лукаса.

— Мы будем держать вас в курсе. Если вы что-нибудь услышите или вспомните, позвоните. Но держитесь подальше от газетчиков. Чем меньше они знают, тем лучше.

Шефер протянул руку, и Йенс Бьерре пожал её.

— А нам что же делать?

— Сейчас это, наверно, прозвучит глупо, но лучше всего, если вы

попробуете занять время привычными ежедневными делами. — Шефер бросил взгляд на бабушку, которая начала готовить ужин на плите за спиной Йенса. — Ход расследования не ускорится от того, что вы сидите и смотрите в пустоту, поэтому, хотя я прекрасно понимаю, как это сложно, но попробуйте заняться проверкой домашних заданий, медицинскими картами пациентов или ещё чем-то привычным. Возможно, работа подарит вам минуты спокойствия, а мы тем временем сделаем всё, что в наших силах. Это я вам обещаю.

Шефер и Августин покинули квартиру.

Когда двери лифта закрылись и металлическая клетка, поскрипывая, поехала вниз Августин посмотрела на Шефера, приподняв бровь, и прошептала:

- Ты видел, как вела себя мать, когда мы спросили её про Кики?
- Угу, — кивнул Шефер.
- Она соврала.
- No shit^[27], Шерлок.

— Ты чего-то тихая сегодня.

Мартин Дюваль убрал руку с рычага коробки передач и положил её на колено Элоизы. Он поглядывал то на неё, то на аллею Вигерслёв, которая лежала перед ними длинной, залитой светом фонарей сосулькой. Ужасно холодная и бесцветная, одно из самых унылых мест Большого Копенгагена.

Он нежно погладил джинсовую ткань, провёл пальцами по её ноге от коленки до бедра.

— У тебя всё в порядке?

Элоиза кивнула.

— Просто устала, — сказала она и отвернулась к окну.

Она не рассказала ему ни о беременности, ни о ссоре с Гердой. Тем не менее оба происшествия оплели её паутиной и накрепко засели в её мыслях.

Герда была права?

Элоиза действительно прильнула к ней как к последней оставшейся крупнице того, что когда-то придавало жизни ценность?

Таблетку Элоиза положила к остальным лекарствам в шкафчик в ванной. Она знала, что на будущей неделе Мартин собирался на пару дней в Стокгольм по работе. Так что ей предстояло пережить это до того, как он вернётся. И тогда всё будет так, как будто этого никогда и не происходило.

— Предвкушаешь встречу с Конни? — спросил Мартин.

— У-гу, — Элоиза чуть отодвинула ногу, — только досадно, что мы будем втроём.

Совместный ужин был запланирован ещё несколько месяцев назад, однако от Конни пришло сообщение, что Шефер всё равно не сможет присутствовать. Поиски Лукаса Бьерре имели первостепенную важность, так что ему приходилось нести почти что круглосуточную вахту. Элоиза сначала предложила перенести ужин на другой день. Но стоило ей только заикнуться об этом, как голос Конни стал до того разочарованным, что Элоиза быстро пошла на попятную и пообещала приехать, как и было условлено.

Если уж начистоту, ей и вправду *нужен* был вечер у Шефера и Конни. Как только она переступала порог их дома, с ней всегда происходило что-то необыкновенное. Плечи сами собой расправлялись, она начинала глубже дышать. Ощущение было... удивительное. Как будто она возвращалась

домой.

Мартин слегка сжал колено Элоизы, чтобы привлечь её внимание, когда они стояли на перекрёстке на углу Западного Кладбища.

Её нога непроизвольно дёрнулась.

— Что?

— А не съездить ли куда-нибудь в мини-отпуск? — спросил он. — Нам бы не помешало, как думаешь?

— Мы только что ездили в летний домик.

— Да, но... я подумал, может, съездить ненадолго за границу, в Париж или куда-нибудь ещё. Было бы здорово?

У Элоизы перехватило дыхание.

Последний раз она была в Париже в прошлом году, и тогда она навсегда простилась со своим отцом. Ещё задолго до его смерти она старалась держаться подальше от этого города, потому что он напоминал ей обо всех её жизненных утратах. Когда другие думали о Париже, они представляли себе «La vie en rose»^[28] и прогулки по берегу Сены. Элоиза же, услышав слово «Париж», думала: «Синяя или красная таблетка? Какую выберешь?»

Но она не сама выбрала падение в бездонную яму. Скорее, ей насильно скормили действительность, о существовании которой она раньше не подозревала. Элоиза в одночасье стала сиротой. Последовавшие за этим шок и гнев заставили её смотреть на мир отстранённо и разбили ей сердце.

Всё оказалось не так, как ей казалось.

Мартин вопросительно взглянул на неё, и на его лице тут же отразилось раскаянье.

— О, извини меня, пожалуйста, я не подумал. Я сказал глупость.

Элоиза апатично покачала головой и махнула рукой:

— Всё в порядке.

— Нет, это было необдуманно с моей стороны. Конечно, не в Париж! Что насчёт Лондона? Или Барселоны? В Испании сейчас наверняка градусов пятнадцать-шестнадцать тепла. Мы могли бы порадоваться весенней погоде. Поесть тапас. Допьяну напиться сангрии и заниматься любовью как кролики. — Он обнял Элоизу за шею и притянул к себе, чтобы поцеловать. — Что скажешь?

— Зелёный.

— Что, прости?

Элоиза указала на светофор:

— Зелёный!

Мартин отпустил её и тронулся с места. На перекрёстке его на

большой скорости обогнал красный «БМВ». Он пронёсся всего в нескольких сантиметрах, чуть не снеся правое боковое зеркало. Мартин ударил кулаком по клаксону на руле и долго не убирал руку, крича на скрывшегося за горизонтом водителя:

— КАКОГО ЧЁРТА ТЫ ТВОРИШЬ, ИДИОТ?!

Элоиза видела, что ему стоило больших усилий прийти в себя. Жилка заметно билась на его покрасневшей шее, зубы были стиснуты. Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Ну, так всё же: Барселона, — сказал он, глядя на Элоизу, — что думаешь?

— У меня сейчас много дел на работе... Может, попозже?

Элоиза смотрела в лобовое стекло и чувствовала на себе долгий взгляд Мартина. Но он больше ничего не сказал.

Они свернули налево на улицу Стриндбергсвай и миновали половину длинного проезда между частными домами, когда Элоиза удивлённо показала на что-то, показавшееся впереди:

— Это машина Шефера?!

Тёмно-синяя «Тесла» Мартина чуть не поцеловала багажник поцарапанного шеферовского «Опеля», когда они подъехали к его домику.

Элоиза оглядела дом, из окон которого лился оранжевый тёплый свет.

— Я думаю, он всё-таки дома, — сказала она радостно.

Она отстегнулась и выскочила из машины прежде, чем Мартин успел заглушить мотор. Толкнула калитку перед домом из красного кирпича и пробежала уже половину тропинки, когда заметила на террасе огонёк.

Опершись о стену, наполовину в тени козырька стоял Шефер. Он поднял воротник до ушей, во рту у него дымилась сигарета. Он был глубоко погружён в свои мысли.

— Шефер? — окликнула Элоиза.

Он резко повернул голову на звук и улыбнулся, сверкнув зубами в темноте.

— А вот и ты! — Он шагнул вперёд и обнял Элоизу, приподняв её так, что её ноги несколько секунд болтались в воздухе.

Шефер был высоким, на целую голову выше ста семидесяти шести сантиметров Элоизы, и пах сигаретами и дешёвым лосьоном после бритья. Элоиза, находясь в его обществе, всегда ощущала себя слегка опьянённой. И абсолютно защищённой. Не нужно быть Фрейдом, чтобы заключить, как одно было связано с другим.

— От тебя пахнет «Акс-Эффектом», — улыбнулась она. — Помнишь те дезодоранты, которые были популярны в восьмидесятые.

— О да, так пахнут настоящие мужчины, — подмигнул Шефер.
Он протянул свою медвежью лапу Мартину, который нагнал Элоизу.

— Дюваль, — кивнул Шефер.

— Приветствую, Эрик.

— Чертовски рад вас видеть.

— Мы и не рассчитывали застать тебя, — сказала Элоиза.

— Я заскочил домой ненадолго, скоро нужно будет выдвигаться в НКЦ.

— НКЦ? — переспросил Мартин.

— Национальный экспертно-криминалистический центр.

— Представляю, что сейчас творится из-за этого пропавшего мальчика, — произнесла Элоиза.

Шефер кивнул и затянулся сигаретой.

— Не пора тебе бросить эту гадость? — Элоиза кивком указала на сигарету в его руке.

— Вот только ты не начинай. Конни и так за мной по пятам ходит. А ты что же, Дюваль, ты ведь тоже куришь, насколько я помню. Она и тебя пилит?

— Ну, вообще-то, курю, — Мартин озорно улыбнулся Элоизе, — но не знаю, в чём причина: в том ли, что Элоиза любит меня таким, какой я есть, или в том, что ей просто всё равно, умру ли я раньше времени.

— Второе, — сказала Элоиза.

Это должна была быть шутка, но фраза неожиданно остро повисла в воздухе, как будто они оба знали: это была её единственная искренняя фраза за весь вечер.

— Ой да ну! — Шефер загасил окурок в банке с песком, стоявшей на террасе. — Пойдёмте внутрь. Конни ходит по дому кругами и считает секунды. Она колдовала на кухне весь день. — Он приобнял Элоизу за шею. — Очень мило с твоей стороны, что ты не стала переносить встречу. Она так тебя ждала.

В ту же секунду входная дверь отворилась, и из-за неё показалась густая копна тёмных волос.

— Элоиза? — завизжала жена Шефера и заключила её в объятия.

— Привет, Конни! — улыбнулась Элоиза.

— Как же мы давно не виделись, девочка. Мы по тебе скучали! — её карибский акцент обволакивал датские гласные густым карамельным соусом.

Она отпустила Элоизу и обернулась к Мартину:

— А кто же этот молодой красавец, которого ты к нам привела?

Вопрос был задан в шутку. Конни видела Мартина уже много раз и нередко толкала Элоизу локтем в бок, когда они оставались наедине, шепча ей на ухо, что он «кеерег»^[29].

Шефер не был так убеждён в этом. Поначалу Элоиза думала, что дело в обёртке. Мартин был хорош той красотой, что наводила большинство мужчин на мысли, что он гомосексуалист или бабник. Он был слишком уж красивым, слишком... промытым!

Но сомнения Шефера основывались, скорее, на послужном списке Мартина, в котором фигурировал арест: тридцать дней заключения за четыре выбитых зуба у любовника его бывшей жены. Шефер пользовался любой возможностью напомнить Элоизе об этом событии.

Он не доверял Мартину Дювалю, вот и всё.

Мартин тепло поприветствовал Конни, и она немедленно проводила гостей внутрь, где их ждал праздничный обед каджунской и креольской кухни. Там были гамбо по-креольски с бамией и королевскими креветками, домашний кукурузный хлеб, цыплёнок во фритюре с салатом из папайи и нечто, презентованное Конни как печенье на пахте с кремом из грибов и тёртого чеддера. Все блюда были поданы в играющих разными цветами глазурированных супницах и маленьких мисочках на круглом обеденном столе в гостиной. Над столом неярко горела люстра, из колонок звучал саксофон, эйфорически, но тем не менее благозвучно.

Шефер выдвинул из-за стола стул и пригласил Элоизу сесть.

За едой они обсуждали кулинарию и поездку, в которой недавно побывали Шефер и Конни. Ужасно мрачную датскую погоду. Новую работу Мартина в редакции «Датского Радио» в Кристиансборге, политику и вишнёвый цвет, в который Конни — к великой досаде Шефера — выкрасила кухню.

А затем Элоиза озвучила вопрос, который вертелся у неё на языке с тех пор, как она увидела на дороге машину Шефера.

— Как дела на работе? — Она посмотрела на него поверх своего бокала. — Есть новости в том деле, которое вы расследуете?

— Мы пока не знаем ничего конкретного, — ответил он.

— Но как я понимаю, вчера вечером вы оцепили улицу Кронпринсессегеде, а сегодня с утра — и Кастеллет. Источник газеты сообщает, что вы нашли улики в мусорном контейнере и на крепостном валу. Это правда?

Шефер воткнул вилку в креветку размером с шетлендского пони. Он встретился глазами с Элоизой и, пока жевал, тепло улыбался, но Элоиза уловила сомнение в его взгляде. Он так ничего и не ответил.

— Ещё вина? — спросила Конни, почувствовав, что беседа движется в сторону минированных полей опиумного мака.

— Вы слышали, что Элоиза получила повышение? — спросил Мартин, подставляя свой бокал Конни.

Шефер поднял брови, а Конни с восторгом ахнула:

— Повышение?

Удивлённая не меньше остальных, Элоиза перевела взгляд на Мартина.

— А что? Разве запрещено хвастаться своей девушкой?

— Нет, но... это не повышение.

— А я думаю, вполне! — Мартин стал объяснять обстоятельства Конни и Шеферу: — Рабочая структура группы исследований изменилась, и сейчас Элоиза сама может решать, над чем ей работать. Теперь всё не так чётко разделено, и ей больше не нужно писать только об экономике.

Конни любезно кивала, пока Мартин говорил, готовая отпраздновать изменения в структуре, которую она не вполне понимала.

— Это что-то принципиально новое? — спросила она. — То, что ты можешь писать на другие темы?

Элоиза пожалала плечами:

— И да, и нет. Я писала на многие разные темы, но в первую очередь о бизнесе и экономике.

— И у тебя теперь карт-бланш на то, чтобы писать о чём хочешь?

— Так, по крайней мере, задумано. — Элоиза подумала о требовании Карен Огорд писать о пропавшем Лукасе Бьерре.

— Над чем ты сейчас работаешь? — спросил Шефер.

— Статья о ПТСР. О рубцах на сердце, которые получают солдаты, побывав на войне.

Она пожалела о своей лжи сразу же, как только произнесла её вслух.

— Как здорово, Элоиза, — обрадовалась Конни, — мы тобой гордимся!

Шефер согласно кивнул.

— Вы очень милы, но мне даже зарплату не повысили, так что в этом нет ничего особенного.

— Ну как же! — Конни настаивала. — Ты можешь гордиться собой. Ты талантливый журналист. Можешь мне поверить, мы вчитываемся в каждое слово, когда видим в газете твоё имя. Особенно тщательно следит за прессой Эрик. Ты вообще стала нам той дочерью, которой мы были лишены.

— Да, а почему же вы не завели детей? — спросил Мартин.

— Мартин! — Элоиза грозно сверкнула глазами в его сторону.

— Извините, я... — он переводил взгляд с Конни на Шефера, — я не хотел...

— Ничего страшного, — улыбнулась Конни, — это вполне очевидный вопрос. Мы хотели ребёнка, но по какой-то причине этого... да, этого так и не получилось.

Она положила ладонь на руку Шефера. Её тёмные руки были изящными, светло-розовые ногти были не покрашены. На каждом пальце было по золотому кольцу. Украшения из Сент-Люсии, догадалась Элоиза, карибские узоры и светлые камни.

— Мы пытались много лет, и я несколько раз была беременна. Но каждый раз беременность прерывалась, не успев толком начаться, поэтому... — Она пожала плечами с той показательной лёгкостью, которая приходит к человеку спустя много лет, проведённых в горе. — It wasn't meant to be^[30].

— Мне очень жаль это слышать, — сказал Мартин.

— Да, бестолковая история, — кивнул Шефер, — но у нас в жизни много всего другого хорошего, правда, любимая? Мы только что побывали в прекрасном отпуске. В наших бокалах вино, в тарелках гамбо, а в гостях отличные люди. И Конни после двадцати девяти лет совместной жизни всё ещё не вышвырнула меня за дверь.

Он поднял её руку и поцеловал.

— А вы? — спросила Конни. — Планируете что-нибудь?

Элоиза поймала взгляд Шефера. Она видела, что он прекрасно знал её точку зрения. Но в его взгляде было что-то ещё — у неё свело живот, как будто он видел её насквозь. И она не могла не задаться вопросом: сколько же ему на самом деле известно?

Во многих смыслах Шефер знал её лучше, чем её молодой человек. В потёмках её души Мартин плутал. Он просто выработал иммунитет против множества отказов, которые в последнее время сделались из скромных кричащими, как мерцающие неоновые вывески.

Мартин беспокойно заёрзал на стуле.

— Ну, да... Скоро у нас кое-что намечается, — улыбнулся он.

— Дюваль, — Шефер положил конец беседе, хлопнув ладонью по столу, — может, пойдём выкурим по сигаретке на улице, пока я не уехал?

Мартин схватил со стола бокал и поднялся.

Мужчины быстро накинули куртки и исчезли на террасе.

Элоиза представила, как Мартин стоит навтыжку, стремясь впечатлить Шефера, пылкий как жених, просящий благословения у отца

невесты.

Они с Конни начали убирать тарелки со стола.

— Отличный парень твой Мартин.

— Да, — согласилась Элоиза.

— Тебе хорошо с ним?

— Временами. — Она улыбнулась.

— У-гу, — Конни понимающе кивнула и взяла прислонённый к дивану поднос. — Он, похоже, очень в тебя влюблён.

Элоиза бросила взгляд в сторону террасы, но мужчин не было видно. Она пожала плечами.

— Шеферу он, похоже, не нравится.

— Не стоит об этом беспокоиться. Эрику много кто не нравится.

Элоиза засмеялась.

— Но в чём-то же вы с ним явно полностью совпадаете.

— Да, — согласилась Конни, — совпадаем.

— Что у вас за секрет?

Конни рассмеялась. Её зубы казались ослепительно-белыми.

— No secret, girl^[31], — объявила она со своим певучим франко-креольским акцентом. — Мы хорошо друг к другу относимся. Мы вместе смеёмся. Мы do the deed, — подмигнула она. — Dat's all!^[32]

— Конни! — взвизгнула Элоиза и зажала уши руками.

— Да ладно тебе! — улыбнулась Конни. — Эрик, может, и не классический красавчик, как твой Мартин, but he is all man!^[33]

— Перестань! Перестань, — смеялась Элоиза, — я сейчас сбегаю в туалет, а когда вернусь, мы больше не будем говорить на эту тему.

Конни от души рассмеялась и подтолкнула её в сторону гостевой уборной.

Улыбка исчезла с лица Элоизы, стоило ей закрыть за собой дверь. Она обеспокоенно взялась за живот. Это был тянущий дискомфорт, как будто внизу живота разбитая ревматизмом рука пыталась сжаться в кулак.

Секунды шли, а боль не утихала.

Когда она, наконец, прошла, Элоиза вымыла руки и ополоснула лицо холодной водой. Увидев свои глаза в зеркальном отражении, она закусила губу. Слова Герды звенели у неё в ушах.

Ты лицемерка, Элоиза.

— Да пошла ты, — пробурчала она, не зная, к кому обращается.

Когда она закрыла за собой дверь уборной и погасила свет, с кухни до неё донеслось пение Конни и звон тарелок, которые та составляла в

посудомоечную машину. Она оглядела полутёмный коридор, освещённый только подсвечником на трёх ножках. На стенах были обои с крупными цветами.

А потом её взгляд упал на них.

Документы.

Папка лежала вместе с автомобильными ключами и полицейским значком Шефера на столе кремового цвета с изогнутыми ножками, который стоял в коридоре.

Элоиза покосилась на террасу и прислушалась. Был слышен манерный смех Мартина, громкий и навязчивый, и приглушённое бурчание Шефера. Конни всё ещё наводила порядок на кухне на другом конце дома и подпевала американке Дайон Уорвик, чей старый хит доносился из проигрывателя.

Элоиза заспорила со своим отражением в зеркале, висевшем напротив неё на стене. За и против, туда и обратно. А затем заставила внутренние голоса умолкнуть и решила. Она смогла бы *помочь* Шеферу, если бы узнала больше.

Она задержала дыхание и открыла папку.

Пока она просматривала бумаги, сердце колотилось у неё в груди, как будто кто-то стучал по большому барабану. Она переворачивала страницы в мягком свете свечей и всматривалась в каждое слово и предложение. Пыталась запомнить всё, что видела. Старалась расшифровать каракули Шефера.

Куртка найдена в Кастеллет. Айфон... Парейдолия. У кого есть повод для убийства или похищения?.. Кто эта Кики — есть ли конфликт?.. Анна София Бьерре, алкоголизм...

Алкоголизм, подумала Элоиза. Мать Лукаса пила? Герда об этом не говорила.

Со стороны входной двери донёсся шум, и Элоиза вздрогнула и оглянулась. Дверь не открылась, и она стала листать дальше.

«Давай, давай. Мне нужно что-нибудь. Что-то конкретное», — проносилось у неё в голове.

А затем она окаменела.

На самой последней странице папки была фотография старых разваливающихся ворот, которые были похожи на жутковатое лицо. Фотография как-то странно, тихо отозвалась в ней, как будто появился отблеск света из другой галактики.

Она прочла подпись Шефера под фото.

Где это место? Лукас собирает лица, парейдолия. Чьё лицо он здесь видит? Не похитителя ли?

Парейдолия, подумала Элоиза. Что это значило — что-то связанное с лицами? Она припоминала, что когда-то встречала это слово в «Инстаграме». Она сфотографировала ворота на телефон, закрыла папку и торопливо вернулась в гостиную.

— ...ни фига, — Шефер, смеясь, открыл входную дверь.

— Да-да, — возражал Мартин, — это единственный человек в Кристиансборге^[34], который имеет какую-то власть. Он из нормальных: политика распределения доходов у него от демократов, за климат ратует как республиканец. Лучшее от обоих миров.

— Он политик, — Шефер как будто выплюнул это слово, — так что мне всё равно, на чьей он стороне.

— Тайм-аут! — Элоиза засмеялась и подошла к Мартину, который обнял её. — Хватит обсуждать политику. А то нас больше не пригласят в гости.

— Они не понимают, что творится на улицах, — невозмутимо продолжал Шефер. — Отошлите всех политиков в гетто в Воллсмосе после наступления темноты, и пускай они там проводят свою так называемую «политику интеграции». Экологическая партия «Альтернатива» пусть пляшет буги-вуги вдоль по улицам и выдувает носом мыльные пузыри. Мне очень интересно, будет ли основатель партии — этот Уффе Эльбек — по-прежнему считать, что всё прекрасно, когда получит по шее бульжником?

— Ну, ну, малыш, — Конни вошла в гостиную, неся на подносе ананасовый пирог и кофейник, — не распугай нам гостей.

— Всё в порядке, — заверила её Элоиза. — Я уже давно не интересуюсь политикой. Всё равно это полнейшая хрень.

— Это не хрень, — запротестовал Мартин.

Шефер снисходительно улыбнулся и потрепал его по плечу.

— Я уважаю твоё мнение, Дюваль, и думаю, что в нём есть здоровое зерно. Но боюсь, правоту признаю за Элоизой. — Он вытащил мобильный и прочитал сообщение, которое только что пришло. Затем притянул Элоизу к себе, чтобы обнять на прощание.

— Береги себя, хорошо?

— Обязательно, — улыбнулась она, надеясь, что он не разглядит её

недобросовестность, скрытую за улыбкой.

Шефер поцеловал Конни и уехал на ночное дежурство. Элоиза и Мартин задержались еще на час, который провели за пирогом и рассматриванием отпускных фотографий с Сент-Люсии на телефоне Конни.

— Очень красиво, — сказала Элоиза.

— Это самое прекрасное место в мире, — кивнула Конни. — Вы должны как-нибудь приехать к нам в гости. У нас есть маленькая гостевая комната, которую вы можете занять.

— С удовольствием, — сказал Мартин. — Правда, Эло?

Элоиза улыбнулась, но промолчала. Она отложила телефон и сказала:

— Спасибо за прекрасный ужин, Конни. Было так здорово вас повидать.

Они распрощались, и Элоиза пообещала вскоре снова заглянуть.

Как только она оказалась в машине с Мартином и тот взял курс на Старый город, она вытащила телефон и открыла фото ворот. В машине как будто стало холоднее, пока она вглядывалась в фотографию, и кончики пальцев у неё стали леденеть.

Круглые окошки-глаза, плотно сжатый железный рот.

Она узнавала это место.

Она там уже бывала.

Шефер затянулся сигаретой до самого фильтра и чуть не обжёг пальцы. Он выбросил окурок из окна и за один раз выдохнул весь дым. Он припарковал автомобиль на узкой улице между двумя рядами частных домов и захлопнул дверь.

Улица Ревегаде была, несомненно, самой подозрительной и опасной улицей во всём Старом городе. И не только потому, что она находилась в квартале с дурной славой. Узкая улица прилегала к церкви Святого Павла со своей атмосферой и сетью живописных маленьких улочек вокруг. Из знаменитого ресторана «Боргеркроен» на улице Боргергаде доносились радостные возгласы, а Ревегаде была безжизненной и пустынной. Совершенно вымершей. Хотелось встать на колени посреди улицы и сделать ей искусственное дыхание.

Здесь не было никакой зелени. Ни растений в кадках, ни деревьев. Ни лавочек перед домами, как на соседних улицах, ни велосипедов, прислонённых к стенам. Только промёрзший асфальт и снег между грязными домами с унылыми бурыми ставнями на окнах. Здесь — в центре оазиса старого квартала Фредериксстаден — эта улица смотрелась как безобразный тупик из бедного английского бандитского квартала в спальном районе. Шефер почти ждал, что на него выскочат бритые наголо беззубые парни в спортивных костюмах а-ля Билли Бремнер^[35].

Go, Leeds! ^[36]

Он перепроверил номер дома по сообщению, которое получил из Следственного отдела перед отъездом. Учительница из школы Ньюхольм пришла вечером в участок, чтобы поговорить с Шефером о деле Лукаса Бьерре. Ее звали Лене Нильсен. Она сказала, что располагает информацией о мальчике, но коллега, отправивший СМС, не сообщил больше ничего. Женщина оставила свой адрес и номер телефона, и Шефер попробовал позвонить из машины, но сразу сработал автоответчик.

Шефер нашёл дом в середине улицы. Окна были темны, и Шефер быстро взглянул на наручные часы. Было 22:17, так что женщина наверняка просто легла спать.

Он позвонил в дверь. Затем трижды энергично постучал.

Прошло мгновение, и в доме зажётся свет. Шефер услышал тревожный женский голос за дверью:

— Кто там?

— Полиция.

Дверь приоткрылась на длину дверной цепочки. Шефер увидел маленькую неухоженную женщину в пижаме. Она выглядела минимум на десять лет старше шестидесяти одного года, как значилось в Регистре CPR^[37]. Она подслеповато щурилась.

— Полиция? — переспросила она.

— Да, добрый вечер. — Шефер показал ей полицейский значок, хотя женщина, судя по всему, всё равно не могла его разглядеть. — Эрик Шефер, полиция Копенгагена. Я хочу поговорить с Лене Нильсен.

— Это я, — кивнула она.

— Простите, что беспокою в столь поздний час. Я веду дело о пропавшем Лукасе Бьерре, и, насколько я понимаю, вы располагаете информацией, которой хотели со мной поделиться. Вы приходили сегодня вечером в участок?

— Да, одну минутку. — Женщина прикрыла дверь.

Он услышал, что дверную цепочку сняли, и затем дверь распахнулась.

— Заходите, — она указала в сторону кухни справа от входа. Она успела накинуть тёмно-зелёный махровый халат и надеть очки с такими толстыми стёклами, что они, должно быть, весили до чёрта.

Шефер не стал спрашивать, стоит ли ему разуться. Он никогда этого не делал. Просто как следует вытер ноги о коврик и пригнул голову, проходя в низкий дверной проём на кухню. Это была атмосферная, скупо освещённая норка с облицованными бело-голубой плиткой стенами и немецкими часами с маятником. Обеденный стол был застелен красной рождественской скатертью с вышитыми снежинками, хотя Новый год был уже полтора месяца назад.

— Кофе? — спросила женщина и несколько растерянно засемила по кухне, как будто не знала, куда себя деть. — Или вы предпочитаете чай? Ещё у меня есть яблочные рогалики, я могу их подогреть.

— Нет, спасибо. Ничего не нужно.

Женщина села за стол, на котором в плетёной корзинке лежало её вязанье, и выжидательно посмотрела на Шефера.

Он вытащил ежедневник и ручку из внутреннего кармана и приготовился слушать.

— Как я понимаю, вечером вы были в участке?

Она кивнула:

— Я работаю учителем в классе 3X и знаю Лукаса. — Она теребила край рукава белой пижамы, который выглядывал из-под халата. Растрёпанные волосы и увеличенные очками глаза делали её похожей на

птенца, только что выпавшего из гнезда.

— Значит, в классе Лукаса, — кивнул Шефер. — А сколько в школе всего параллелей?

— Две.

— Почему же он называется X?

— Я... простите, не поняла?

— В моём детстве классы назывались А и Б. Я думал, так во всех школах?

— В большинстве школ так и есть, но в Ньюхольме мы не хотели ради традиции делить учеников на А и Б. Тогда половина учеников ощущает себя людьми второго сорта, потому что они учатся в Б. У Б есть негативная эмоциональная окраска, а неравноправие нам не нужно. Поэтому параллели называются X и Q.

Если бы жизнь была сериалом с закадровым смехом, Шефер сейчас скептически посмотрел бы в камеру. Вместо этого он спросил:

— Что вы преподаёте?

— Музыку, природоведение и технологию.

— Вы работали в день исчезновения Лукаса?

— Нет, именно поэтому я связалась с вами только сейчас. Я три дня была на курсах повышения квалификации в Оденсе и только что вернулась. Я, разумеется, слежу за новостями и обсуждаю новости с коллегами, но кое-что пришло мне на ум только сегодня.

— Что же? — Шефер бросил взгляд на часы с маятником у неё за спиной. Он обещал Руду Йохансену встретиться с ним в НКЦ в одиннадцать. Чтобы успеть, нужно было выезжать уже через десять минут.

— Кое-что происходило на переменах. Согласно правилам школы младшие дети с нулевого и до шестого класса должны находиться на школьном дворе на переменах. Это тот, что выходит к улице Остер Волдсгаде.

— Где стоит дерево, по которому можно лазать?

— Да, — кивнула она. — Старшие ученики, с седьмого по девятый класс, находятся позади школы возле спортзала.

— Позади школы? Во дворике, выходящем к железнодорожным путям?

— Да. Ученики обычно прилежно соблюдают эти правила: старшим всё равно неинтересно находиться с маленькими, а младшекласники часто побаиваются тех, кто постарше, но... иногда случается, что кто-то из младших ребят пробирается на задний дворик.

— И? — нетерпеливо кивнул головой Шефер.

— И сегодня меня осенило, что я уже дважды видела там Лукаса. На чужой стороне школы. И оба раза он разговаривал с какой-то женщиной и казался очень взволнованным. Он был расстроен и... напуган.

Шефер нахмурился:

— С женщиной, говорите?

— Да, и оба раза я видела, что они стояли довольно далеко в стороне, на тропинке, идущей к Государственному музею. Тогда я особо не задумывалась над этим, думала, что это просто его знакомая... — Она виновато пожала плечами и замолчала.

— И что вы делали?

— В первый раз я просто позвала его обратно в школу. Спросила, всё ли в порядке. Он ответил, что всё хорошо, хотя его явно что-то угнетало. Но так постоянно бывает, особенно с мальчиками, они не особо разговорчивы, когда ударятся или если их дразнят. Так что я просто ему напомнила, что туда ходить запрещено, и отправила его назад на школьный двор.

— А во второй раз?

— Во второй раз я его отругала, — она произнесла это таким тоном, будто поступок был в высшей степени спорным. — Но в тот раз они стояли довольно далеко от школы — ещё три шага, и он оказался бы за границами школьного двора. Это же запрещено, поэтому да. Я ругалась!

— Он сказал, кто эта женщина?

— Нет, но я и не спрашивала.

— Он разговаривал с одной и той же женщиной оба раза?

— Думаю, да. Высокая, светловолосая. Пейзанской наружности...

Шефер оторвался от записной книжки.

— Пейзанской?

— Да, такого... крестьянского вида. В резиновых сапогах и брезентовой куртке. Внешность не изысканная — или как там сейчас это называют. Такая, больше... да, *пейзанская*.

Шефер, задумавшись, прикусил губу.

— И это была не его мать? — спросил он. — Не Анна София Бьерре?

— Нет, с ней я знакома.

— Когда это случилось, говорите?

Женщина вздохнула, пытаясь вспомнить.

— Я не помню конкретных чисел, но это точно было в нынешнем учебном году. Последний раз, кажется, прямо перед Рождеством.

— Между этими двумя случаями прошло много времени?

— Пара недель. Может быть, месяц. Около того.

Шефер записал это. Затем поднял глаза и ободряюще кивнул.

— Что-то ещё?

Женщина с сожалением покачала головой.

— Теперь, когда я всё рассказала, это происшествие кажется незначительным, но я бы чувствовала себя ужасно, если бы промолчала, а потом Лукас...

— Вы поступили совершенно правильно, — сказал Шефер. — А та женщина, которую вы видели с Лукасом... Как вы думаете, вы смогли бы её опознать?

Женщина поджала губы и сцепила руки.

— Сейчас я даже и не знаю... Ну, может быть.

Шефер посмотрел на толстые стёкла её очков.

«Мда, — подумал он, — скорее всего, не сможет».

Часы пробили одиннадцать, и Эрик Шефер толкнул дверь в Национальный экспертно-криминалистический центр своим потёртым ботинком фирмы «Экко». Центр, в обиходе называвшийся НКЦ, располагался в старом обшарпанном здании в городке Вэрлесе. Его давно пора было перенести в новые, оборудованные по последнему слову техники помещения в Айбю, но переезд пришлось отложить из-за пожара.

Он обвёл взглядом по-вечернему пустой вестибюль и обнаружил, что исчезла Глория — пожилая секретарша, которая всегда сидела здесь, сколько Шефер помнил. Хотя, возможно, на её месте сидела просто её заместительница. В любом случае за столом он увидел незнакомую молодую рыжеволосую девушку.

— Эрик Шефер, — улыбнулась она, когда он подошёл.

Он удовлетворённо кивнул.

— Добрый вечер.

— Как вы загорели, — заметила девушка. Она облокотилась на стол и положила подбородок на сложенные в замок руки. — Ездили в путешествие?

Шефер приподнял бровь и почесал подбородок. Автоматическая реакция: блеснуть обручальным кольцом.

— Угу.

Девушка кивнула, больше ничего не говоря, но и не отводя глаз.

Шефер откашлялся и указал на коридор, ведущий в лаборатории:

— Э, ммм... Руд здесь? Мы договорились о встрече.

Она тоненькой рукой подняла телефонную трубку.

— Алло, здравствуйте, у меня тут Эрик Шефер, к Руду Йохансену. — Она повесила трубку и кивнула в сторону матовой двустворчатой двери на другом конце вестибюля. — Он в лаборатории номер четыре. Можете пройти.

Шефер хлопнул ладонью по столу в знак благодарности и неосознанно втянул живот, проходя в дверной проём.

Он застал Руда Йохансена за письменным столом, усеянным рентгеновскими снимками, фотографиями, результатами гистологических экспертиз и пробирками с разноцветными жидкостями. На нём были очки с лупами вместо стёкол и фонариком на лбу, а длинные бесцветные волосы выглядели так, будто он только что сунул палочки для суши в розетку.

Шефер улыбнулся понимающе и по-товарищески похлопал его по спине:

— Ну что, Док? Починил Конденсатор потока?

Руд Йохансен поднял очки-лупу на лоб и сдвинул брови.

— Что починил?

— Конденсатор потока. «Назад в будущее»! С этой штуковиной на лбу ты точь-в-точь доктор Браун!

— Кто это?

Шефер покачал головой:

— Неважно. Что ты хотел мне показать?

Руд Йохансен встал и, не говоря ни слова, вышел. Шефер работал с ним достаточно долго, чтобы понять: нужно следовать за ним.

Он догнал Руда в коридоре, и они свернули направо в раздевалку перед комнатой для хранения вещественных доказательств. Там они надели комбинезоны и медицинские маски.

Когда Йохансен открыл дверь на изолированный склад, раздался свистящий звук, как будто помещение жадно вдохнуло свежий воздух. Посреди комнаты стоял большой стол. Лампы под белой стеклянной столешницей освещали поверхность стола и предмет, лежавший там: куртку, найденную в крепостном рву Кастеллет.

— Мы нашли интересные следы на куртке, — начал Руд и поднял костлявый палец, — точнее, след. Справа на воротнике след крови.

Он выключил подсветку, так что комната погрузилась во тьму, и включил ультрафиолетовую лампу. Он распылил люминол^[38] на воротник и направил струю света на то место, где отдельные флуоресцентные пятнышки светились бело-голубым цветом.

— Видишь? — спросил он, указывая на них. — Вот здесь пошла реакция... И здесь...

Шефер кивнул:

— А что с ДНК? Со временем?

— Мы взяли образцы и с куртки, и с толстовки из мусорного бака и отправили их на гистологию. Узнаем, когда узнаем. Больше пока ничего не могу тебе сказать.

Шефер недовольно замычал.

— Возможно, ответ придёт ночью. А возможно, утром, — сказал Руд. — Я понимаю, что ожидание ужасно раздражает, но мы и так отложили все остальные анализы ради этого. Делаем всё, что в наших силах.

— Я знаю, — кивнул Шефер. — И ценю это, Руд. Что у тебя ещё? Ты

сказал, что на куртке были три разные находки?

— Да.

Он снова зажёл лампы и указал на микроскоп, который стоял на стойке в противоположном конце комнаты.

— Вторая: мы нашли светлые волосы на липучке капюшона. Тоже проверяем на ДНК.

Он включил аппарат и жестом пригласил Шефера посмотреть. Шефер подошёл и наклонился.

Волос, увеличенный в семьдесят пять раз, был похож на размытую коричневатую-золотистую соломинку.

— Структура и цвет свидетельствуют, что волос принадлежит мальчику, так что эта находка не слишком много даёт, но давай всё-таки дождёмся результатов ДНК-теста, — сказал Йохансен, пожимая плечами. — Я могу ошибаться. Что случается достаточно редко, но тем не менее случается.

— All right^[39]. А ещё?

— Находка номер три! — Руд театрально взмахнул длинными руками и поднял бровь. — На одном из рукавов есть следы родентицида.

Шефер выпрямился.

— Крысиного яда?

— Да, и притом интересного.

— Что ты имеешь в виду?

— Существует три вида крысиного яда, каждый уничтожает животных по-разному. Первый, брометалин, воздействует на нервную систему и убивает крысу в течение нескольких часов. Обычно причиной смерти является отказ дыхательной системы.

— Другими словами?

— В центральной нервной системе случается коллапс, и крыса умирает от удушья.

Шефер облизнул губы и кивнул.

— Дальше.

— Второй, фумарин, — это яд, который проникает в организм через кожу. Убивает на раз! — Йохансен щёлкнул пальцами. — Эта чертовщина вызывает кровотечения: носовое, в выделительной системе, из дёсен, отёки, скопление жидкости в лёгких и так далее. Capisce?^[40]

— Capisce! — кивнул Шефер.

— Третий тип родентицида — варфарин. Он напоминает фумарин в том понимании, что является так называемым антикоагулянтом, то есть у

крысы начинается внутреннее кровотечение. В микродозах он применяется в качестве кроверазжижающего препарата у людей. Этот яд не имеет ни вкуса, ни запаха и в отличие от первых двух действует медленно; коварная дрянь, вызывает медленную и болезненную смерть.

Руд Йохансен указал на рукав куртки:

— И здесь, на кромке левого рукава я нашёл следы родентицида, который поначалу не смог идентифицировать. Но буквально недавно пришли результаты из Токсикологии.

Он вытащил конверт, вынул из него ответ и протянул Шеферу.

— Формула $C_{19}H_{16}O_4$, — провозгласил он. — Это варфарин!

Взгляд Шефера скользил по страницам:

— Говоришь, он используется в медицине? То есть у врача может быть к нему доступ?

— Нет, у врача будет доступ к *медицинскому* варфарину, но на куртке не он. То, с чем имел дело мальчик, — более концентрированная версия. Чистый крысиный яд, им любой идиот может обзавестись. Семья мальчика живёт в частном доме? У них есть проблемы с крысами?

— Нет, в квартире. На шестом этаже.

— Ага, ну, в общем, яд на куртке вызывает у меня *чрезвычайное* беспокойство.

Шефер сложил документ и убрал его во внутренний карман.

— Беспокойство из-за того, что, по твоему мнению, это говорит о... о чём? Кто-то решил отравить мальчика этой дрянью?

— Я считаю *вероятным*, что перед тобой отныне маячит дедлайн, если ты хочешь найти мальчика в живых.

Шефер посмотрел на лежащую на столе куртку и задумался, что за монстр мог решиться навредить ребёнку. За тридцать лет в полиции он расследовал около шести сотен убийств, и за маской любого чудовища скрывался обычный человек. В большинстве случаев Шефер был в состоянии взглянуть на ситуацию глазами убийцы: такие мотивы как месть, ревность, деньги или секс было несложно понять. Но, какие бы очки Шефер ни надевал, он никак не мог увидеть нечто такое, что могло заставить человека причинить вред ребёнку.

Он обернулся к Йохансену:

— У тебя уже были дела, где жертву травили этой штукой?

— Бывало, люди глотали варфарин случайно, но я лично никогда не принимал участия в расследовании убийств, где он фигурировал бы. Сторонники теории заговора считают, что варфарином убили Сталина. Что

его отравили.

— Сталина?

— Да, но не дай моим сединам ввести тебя в заблуждение, — улыбнулся Йохансен и запустил руку в свою белую шевелюру. — Это случилось задолго до меня.

Мощные струи воды из заизвесткованной душевой лейки впились в кожу Элоизы. Она быстро намылилась, ополоснулась и через пять минут уже сидела за столом в халате и с полотенцем на голове. Перед ней были разложены выпуски всех утренних газет.

Мартин сидел рядом в свежeweыглаженной рубашке и костюме. Ухоженный, окружённый ароматом модного лосьона после бритья — удивительно острой смеси кожи и кедра. Элоиза то ненавидела этот запах, то обожала. Этим утром он её не раздражал.

Он сложил свой номер «Политикен» и наклонился к ней.

— Ну что, хорошего дня?

— Уже уходишь? — спросила Элоиза и поцеловала Мартина.

— Да, пора бежать. — Он допил кофе и поднялся. — Премьер-министр только что заявил о пресс-конференции через полтора часа, а мы ещё не в курсе, о чём он собирается говорить. Нужно успеть собрать войска прежде, чем он скомандует атаку.

Он надел пальто из верблюжьей шерсти и начал его застёгивать.

— Увидимся сегодня?

— Конечно, — улыбнулась Элоиза.

Когда Мартин ушёл, она натянула застиранные джинсы и свитер графитового цвета и удобно уселась за рабочим столом перед окном гостиной. Из квартирки под самой крышей ей открывался ничем не ограниченный обзор на большой позеленевший купол Мраморной церкви. Сегодня купол походил на гигантский рожок мороженого, который обмакнули в белый шоколад. В Копенгагене было белым-бело, все крыши и козырьки мансардных окон красиво укрывал снег.

Она открыла новый документ на своем компьютере и в задумчивости побарабанила пальцами по столу. Затем достала телефон и набрала номер Мортена Мунка из Отдела специальных журналистских расследований «Demokratisk Dagblad».

Он ответил на звонок театральным «You may speak!^[41]».

— Привет, это я, — сказала Элоиза. — Ты на месте?

— А где же ещё?

Это был их обычный ритуал. Элоиза едва ли могла припомнить разговор с Мунком, который не начинался бы с таких фраз.

— Well, Milady?^[42] Чем обязан чести?

Она слышала, что он говорит с набитым ртом, напряжённо и с придыханием. Мортен, хотя и дал обещание «начать худеть в новом году», но, по всей видимости, ещё не приступил к выполнению этого плана, хотя прошло уже два месяца. Ему было не больше тридцати лет, но Элоиза опасалась, что до следующей круглой даты он не дотянет, если вскоре не изменит своих привычек.

— Лукас Бьерре, — сказала она. — Помнишь пропавшего мальчика?

— Да, а что?

— Ты не будешь так добр поискать статьи об этом деле и прислать мне? Все подробности, показания свидетелей, статус расследования и тому подобное.

— Хочешь улучшить «бритни»?

«Бритни» у журналистов означало заранее написанный некролог, припасённый газетой на случай необходимости. То, что раньше называлось «кит ричардс», получило своё новое имя во времена, когда Бритни Спирс была в шаге от передозировки или самоубийства. По сути, это делалось просто для того, чтобы быть на шаг впереди — обыкновенный здравый смысл. Однако всегда было немного дико писать траурную статью о том, кто ещё мог дышать.

— Да, коротенькое, — сказала Элоиза. — Но в первую очередь мне просто нужно вникнуть в суть дела.

— Говоришь ты без особенного восторга, — заметил Мунк.

— Это же заказная статья.

— А не вся ли наша работа такова?..

«В его словах есть здоровое зерно», — подумала Элоиза с досадой. Она повесила трубку и открыла фотографию ворот из папки Шефера. И решила посмотреть её на компьютере на большом экране. Соединение временами пропадало, и файл загружался долго. Картинка открывалась медленно, маленькими пиксельными кусочками, как пазл в процессе сборки.

Когда фотография наконец открылась в высоком разрешении, у Элоизы вновь появилось то странное чувство дежавю, которое возникло дома у Шефера.

Она была убеждена, что бывала в этом месте; что недавно стояла перед этими воротами и думала то же, что и сейчас: что старый ветхий фасад походил на загадочное неприятное лицо.

Она снова взяла телефон, чтобы переслать фото Мунку, и открыла Галерею. Ей пришлось долго прокручивать её, чтобы добраться до снимков, сделанных в летнем домике в Рёрвиге.

На фотографиях был Мартин, голый и хохочущий, во время купания в

ледяном иссиня-чёрном проливе Каттегат. Были фотографии песочных дюн, блинчиков, оленёнка, который как-то утром забрёл к ним в сад.

Дойдя до фотографий со своих одиноких прогулок по лесу, Элоиза остановилась. На этих прогулках она видела несколько старых разваливающихся домов, и ей особенно запомнился один из них: ветхая хибарка, увидев которую она подумала, что именно таких мест боятся дети. Её вид должен был заставить детскую фантазию производить монстров, ведьм и чудовищ в двойном объёме.

Но Элоиза, напротив, попыталась вообразить, каково было бы жить в таком уединении. В тиши и спокойствии, спрятавшись от окружающего мира. Она обошла вокруг построек и сделала всего одну фотографию главного дома. Но не было ли за ним сарая? Не там ли она видела это «лицо» из ворот?

Она набрала номер приёмной «Demokratisk Dagblad» и подождала, пока шли гудки.

— Элоиза Кальдан, — представилась она. — Вы сможете предоставить мне на завтра редакционный автомобиль?

Мир постепенно переставал качаться под ногами Эрика Шефера. После трёх дней на датской земле и двух ночей, когда он сумел погрузиться в неглубокий сон, он снова чувствовал себя более-менее самим собой. Однако начал проявляться дискомфорт совершенно другого типа: чувство, что расследование не сдвигается с мёртвой точки.

Он тяжело развалился на стуле в кабинете и разглядывал лежавшую перед ним папку. Лиза Августин сидела по другую сторону стола. Кофе, стоявший между ними, успел остыть, пока они пытались сплавить воедино разные детали дела. Но как они их ни вертели и под каким углом ни рассматривали, связующую нить нащупать не удавалось.

В «Инстаграме» Лукаса Бьерре было двести двадцать семь фотографий. Из двухсот с лишним запечатлённых объектов лишь один повторялся несколько раз.

Это были ворота амбара.

Лукас Бьерре публиковал его снимки четыре раза в течение девяти месяцев, но в промежутках между публикациями не усматривалось закономерности. Между первой и второй прошло двадцать три дня, между второй и третьей — сто семьдесят четыре, между третьей и четвёртой, которая появилась за день до исчезновения, — пятьдесят пять. Они записали даты и проверили, не случилось ли в те дни чего-то особенного в жизни Лукаса Бьерре, но ни сотрудники школы, ни родители не вспомнили никаких примечательных событий. Полиция получила доступ к рабочим календарям Йенса и Анны Софии и школьному расписанию, но в интересующие полицию дни в классе Лукаса ничего не происходило ни во время учёбы, ни после неё.

И всё же все остальные фотографии в его аккаунте были отмечены тегами, которые имели отношение к объектам съёмки (#банан, #розетка, #облако, #грязь), а снимки ворот сопровождались исключительно угрожающими, агрессивными тегами (#умри, #яубьютебя, #дьявол, #тыумрёшь).

У Шефера не было сомнений: нужно найти ворота, это станет поворотным моментом в расследовании.

Он постарался выяснить, какие предместья в Зеландии мальчик посещал в течение последних лет в составе школьных экскурсий или с семьёй. Места, где теоретически можно было наткнуться на такие ворота.

Шефер взглянул на карту Зеландии, висевшую на стене. В те места, которые по полученным сведениям посещал мальчик, были воткнуты красные булавки. Несколько раз он навещал бабушку в окрестностях Роскилле, иногда один, иногда с родителями. Он ходил в школьный поход в уединённое местечко в муниципалитете Одсхерред, а другие школьные выезды за пределы Копенгагена включали посещение леса Харесковен, известнякового карьера в Факсе и сафари-парка Кнутенборг. Августин загрузила фотографии с экскурсий из школьной локальной сети, но внутренний радар Шефера молчал.

Куда же, чёрт побери, запропастился юнец?

Шеферу был нужен человек, который помог бы взять психологический след в этом деле — то, что было написано между строк и что он не мог разгадать самостоятельно. Он на чём свет стоит ругал Микалу Фриис за то, что та ушла из Следственного отдела. Сменивший её сотрудник не обладал и десятой долей её способностей видеть ключевые детали.

— Слышно что-нибудь от Йоакима Кьяргорда?

Йоаким Кьяргорд был как раз тем самым психологом, что заступил на место Фриис, когда она ушла с государственной службы.

— Пока нет, — сказала Августин. — Я говорила с ним вечером, и непохоже, чтобы он что-то нащупал.

— Почему я не удивлён? — сказал Шефер и снова погрузился в бумаги.

Августин встала и потянулась, наклоняя голову то вправо, то влево. Шея у неё захрустела, и она тяжело вздохнула.

— Завтрак? — спросила она.

Шефер покачал головой, не поднимая глаз.

— Я схожу на кухню возьму бейгл. Тебе что-нибудь принести?

Снова отрицательный жест. Августин вышла.

«Ладно, — обратился Шефер сам к себе и сложил ладони, — начни-ка ты сначала!»

Он принялся перечислять факты, сосредоточенно бормоча:

— Мальчик собирает лица. Есть одна тема, которая повторяется, а именно — ворота. На его куртке варфарин... Его отравили? Как куртка оказалась в Кастеллет? Кто такой Яблочник?

Шефер неуверенно посмотрел в свои записи.

— Ааааррр, твою ж мать! — пробурчал он и упёрся руками в щёки. Потом откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Открыл он их только тогда, когда зазвонил лежавший на столе телефон.

— Да-алло?

— Привет-привет!

— Руд? — в голосе Шефера послышалась надежда. — Ну же, скажи, что у тебя есть что-то для меня!

— Мы получили результаты теста ДНК, я их тебе отправляю... Отправил!

На экране компьютера появилось уведомление электронной почты.

Он нажал на него и открыл письмо.

— На что я сейчас смотрю?

— Результат первого теста — это толстовка, которую мы нашли в контейнере. Там кровь только одной группы, то есть ДНК одного человека.

— И? Есть совпадения?

— Есть совпадения!

Шефер закрыл глаза.

— Это кровь мальчика?

— Нет, Томаса Странда, двадцати четырёх лет, — ответил Йохансен.

Шефер открыл глаза и нахмурился:

— Это ещё кто?

— Родился в Хадерслёве, проживает на улице Сёльвгаде в Копенгагене. Он старший сержант и служил в Вооружённых силах с две тысячи десятого года. Но его уволили оттуда прямо после Нового года по обвинению в применении насилия к чиновнику при исполнении.

— Это всё, что у нас есть на него?

— Нет, он был осуждён пару раз и много раз обвинялся, но по разным причинам избегал наказания. Во всех обвинениях фигурировало насилие или угрозы.

— По отношению к детям?

— Нет. В этом направлении ничего. В основном ресторанные или гостиничные драки, но их было много.

Шефер слышал стук пальцев по клавиатуре.

— Ещё у нас результаты ДНК с куртки мальчика, — продолжил Руд. — Те пятнышки крови.

— И?

— Тот же результат. Это один человек.

— Томас Странд.

— Он самый.

Шефер поблагодарил Руда за звонок. Он повесил трубку и заорал на всё отделение:

— ДЕЛО ПОШЛО!

По сигналу таран взломал лёгкую дверную коробку из лиственницы. Дверь с грохотом распахнулась, и следующие пару секунд звучала мощная какофония из криков и топота тяжёлых сапог.

Восемь бойцов спецназа в камуфляже и с автоматами двигались быстро и обследовали одну комнату за другой в маленькой квартире.

«ЧИСТО», — прогремел голос из дальнего конца квартиры.

Шефер поспешил на звук. В квартире было жутко холодно, и облачка пара, которые он выдыхал, зависали в воздухе, как дым от паровоза. Он прошёл по узкому коридору, держа перед собой табельное оружие. Холодный пистолет привычно лежал в руке.

— Шефер! — крикнул один из полицейских. — Сюда!

Он завернул за угол и вошёл в спальню с задёрнутыми наглухо тёмными занавесками. Здесь не было ни перевёрнутой мебели, ни других следов борьбы, но лёгкий запах смерти обволакивал помещение тонкой плёнкой.

Томас Странд лежал в своей постели.

Подушка под головой была чёрной от запёкшейся крови, а бритая голова была откинута назад под странным, неестественным углом. Пуля размером с ягоду вошла в левую сторону нижней челюсти. Было похоже, что стреляли с близкого расстояния — очевидно, пока он спал.

«Ликвидация», — подумал Шефер.

За его плечом возникла Лиза Августин и оглядела труп.

Глаза Томаса Странда были закрыты, а черты лица искажены — пуля прошла мускулы лица и череп. Кровь хлынула из всех отверстий на голове и свернулась полосами на лице. Желтоватые комочки, похожие на марципановые звёздочки, были рассыпаны по всему трупу и по постельному белью.

Августин сделала шаг к кровати и прищурилась.

— Что это за желтоватая фигня повсюду?

— Предполагаю, что это картофельное пюре, — ответил Шефер.

Августин обернулась и посмотрела на него, удивлённо подняв брови.

— Пюре?

— Да, это старый приём. Если у стрелка нет оружейного глушителя, можно взять варёную картофелину. Её держат перед дулом и стреляют насквозь. Эффект почти такой же.

Августин не смогла сдержать ухмылку.

— Секреты домохозяйки для убийц?

Шефер кивнул:

— Вроде того.

Она пожала плечами и оглядела труп:

— Как ты думаешь, сколько он тут пролежал?

— Сложно сказать. Нужно ждать Опперманна.

— А мальчик?

Шефер покачал головой:

— Его здесь нет.

Кухня выглядела заброшенной. Пустующей, как будто Томас Странд никогда в ней не обедал. В холодильнике были только напитки: ящик с банками пива, бутылка водки, а ещё одна полка была забита «Ред Буллом». Большая часть шкафов пустовала, как и посудомоечная машина, в мусорном баке валялась коробка от лапши навынос и одноразовые приборы.

— Нужно выяснить, сколько он здесь прожил. Что видели соседи? Кто приходил и выходил из квартиры? Видел ли кто-то детей в подъезде и так далее, — сказал Шефер.

Лиза Августин кивнула.

Они прошли дальше, в ванную, где, судя по малопривлекательной хипповской расцветке, последний раз ремонт делался в семидесятых годах. Стены над линолеумом в чёрно-белую клетку были покрыты плиткой с кракелюром, а унитаз мог похвастать как минимум восемью разными оттенками коричневого.

Шефер облокотился на ванну мшисто-зелёного цвета в поисках пятен крови. На дне ванны в сливном отверстии были короткие тёмные кудрявые волосы и грязь. Из сточной трубы шёл резкий запах. Непохоже, будто кто-то прилагал усилия, чтобы избавиться от улики.

— Здесь что-то есть на подоконнике, — сказала Августин за его спиной.

Шефер обернулся и заметил узкую полосу запёкшейся крови на краю подоконника, как будто что-то слегка задело его. Что-то кровавое.

Августин указала ногой на рулон чёрных мусорных пакетов, лежавший под батареей на полу у приоткрытого окна.

— А не в таком ли пакете мы нашли толстовку с пятнами крови?

Шефер присел на корточки и переводил взгляд то на рулон, то на кровавое пятно.

Он поднялся и надел латексные перчатки. Открыл зеркальный шкаф над раковиной и заскользил взглядом по содержимому. На полках были расставлены обычные для ванной вещи: дезодорант, одноразовая бритва в обрезках волос, зубная щётка и паста. Таблетки парацетамола и ополаскиватель для рта. На нижней полке лежала коробочка. Белая коробка из-под таблеток с приклеенным рецептом от врача. Наклейка была прилеплена криво и шла бороздами, поэтому прочесть надпись Шефер не мог. Он протянул её Августин:

— Что тут написано?

Она взяла её и прищурилась.

— Какая-то штука под названием «Алмотриптан». Написано, что это лекарство от мигрени, — она сухо взглянула на Шефера, — не думаю, что это поможет ему от той головной боли, которая с ним приключилась.

— Чьё имя написано на рецепте?

— Томас Странд.

— Нет, я имею в виду врача. Кто выписал рецепт?

— А, окей... Йорген Йуль-Хансен из Медицинского центра на улице Хавнегаде.

— Чёрт! — сказал Шефер и взялся руками за шею.

— А ты надеялся, что будет написано «Йенс Бьерре»?

— Да, было бы кстати найти хоть что-то, что связало бы разные детали в этом дрянном деле.

— Может, Томас Странд — друг семьи? — предположила Августин.

— Возможно, — кивнул Шефер.

Их прервал вошедший в комнату эксперт-криминалист из НКЦ:

— Можно войти?

— Да, сейчас мы освободим вам место, — сказал Шефер и подтолкнул Августин к выходу.

Они прошли в гостиную и огляделись. На прикроватном столике стояла открытая коробочка с парой кусков гавайской пиццы. Рядом стояла коробочка с сухим завтраком «Коко Попс» фирмы «Келлогс» и миска, покрытая разводами от молока и присохшими шоколадными хлопьями.

Шефер осторожно поднял пакет молока, стоявший на паркете справа от стола. Внутри было немного молока.

— Убитый поужинал перед телевизором и лёг спать, не убираясь, — предположила Августин. — И кто-то ворвался в дом ночью, получается? И застрелил его?

Шефер уклончиво забурчал.

— Как преступник попал внутрь? — спросила она. — Дверь не была

заперта?

— Была.

— Значит, уходя, этот человек захлопнул за собой дверь, но как он вошёл? Через окно в ванной?

— Он или она, — сказал Шефер.

— Может, они уже были знакомы. Может, пострадавший сам впустил убийцу, прежде чем лечь. — Августин похлопала себя по плечам, чтобы согреться. — Тьфу ты, как же тут холодно!

Шефер промолчал. Он смотрел на предметы на прикроватном столике.

— О чём задумался?

— «Коко Попс». Кто обычно любит шоколадные хлопья?

— Дети.

Шефер медленно кивнул:

— Дети.

— Думаешь, мальчик был здесь?

Шефер не ответил. Вместо этого он задал следующий вопрос:

— Как ДНК Томаса Странда оказалась на куртке Лукаса?

Августин задумалась и стала покусывать себя за щёку.

— Томас Странд похищает Лукаса Бьерре, возможно, в створе с третьим лицом, — предположила она. — Третье лицо убивает Томаса Странда — возможно, Лукаса Бьерре тоже — и сбегает. Или же он убивает Томаса Странда, *похищает* Лукаса и сбегает с ним.

Шефер ничего не сказал. Здесь было слишком много неизвестных. Слишком много кубиков, которые никак не складывались.

Эксперт-криминалист вошёл в комнату.

— По всей видимости, в квартире отключили отопление, — сказал он. — Все батареи ледяные.

Августин пожала плечами:

— Может, они просто неисправны? Это старое здание.

Шефер подошёл к ближайшей батарее и рукой в перчатке повернул термостат влево. Он сразу услышал, как вода побежала по трубам, а сверху по радиатору начало растекаться тепло. Он снова выключил его.

— Они исправны.

Августин нахмурилась.

— Какой идиот отключает отопление в квартире посреди самой холодной зимы за последние сто лет?

— Что будет вонять в квартире сильнее? — спросил Шефер. — Труп, который лежит в холодной квартире или в тёплой?

— Думаешь, преступник выключил отопление, чтобы замаскировать

запах?

— Чтобы быть уверенным, что труп не обнаружат слишком скоро, — кивнул он и повернулся к криминалисту. — Проследите, чтобы с батареей сняли отпечатки пальцев, и проверьте все комнаты и все шкафы и ящики на предмет яда, который называется варфарин.

Криминалист приступил к работе, а Шефер снова повернулся к Августин.

— У нас отключённые батареи и нечто, напоминающее ликвидацию как по учебнику. — Он указал большим пальцем в сторону спальни. — У нас кровь убитого на куртке Лукаса, и если мы на секунду предположим, что мальчика похитил из школы убийца, то он сделал это, не привлекая к себе внимания. Не нравится мне этот профессионализм. Продуманность.

До них донеслись звуки голосов из подъезда, радостные приветствия, которые повторились уже на лестничной площадке.

Судмедэксперт Йон Опперманн возник в проёме двери в прихожей, и брови Шефера поползли на лоб.

— Йон, какого чёрта, — вырвалось у него, — ты сбрил усы?

Опперманн, который по меньшей мере тридцать лет был приверженцем стиля Дюпон и Дюпонн^[43], улыбнулся и провёл пальцами по голой верхней губе. Затем надел рабочие очки.

— Так, ну где главный герой?

Шефер отправил Августин ходить по квартирам и опрашивать соседей Томаса Странда. Сам он тем временем надел медицинский комбинезон и маску и вошёл в спальню, где Опперманн был занят обследованием трупа.

Место преступления уже было в следах мокрых от снега военных ботинок, которые наследили во всех комнатах в квартире. В спецназе — к вящему недовольству ребят из НКЦ — в ходу был принцип «Shoot First, Ask Later»^[44].

Один из полицейских отдернул занавеску в спальне, осторожно, чтобы не поднять пыль. Ослепительный белый свет от облаков рассёк пространство и сделал искажённое лицо Томаса Странда ещё более гротескным и восковым. Опперманн стал измерять температуру трупа, и Шефер отвёл взгляд. Чему бы люди ни подверглись в последний час — изрешетили ли их из «АК-47», или изрезали на кусочки, или же они свалились замертво посреди прогулочной улицы Строгет, — не было в мире ничего столь же недостойного, как совать кому-то в попу градусник без его согласия. Шефер считал, что отдаёт каждому убитому дань

уважения, отворачиваясь во время этой процедуры.

— Хмм, — пробормотал Опперманн и покачал головой. — Сложно сейчас назвать момент смерти, поскольку труп лежал в холоде. Температура тела совпадает с температурой помещения, и это не говорит нам ни о чём, кроме того, что он мёртв как минимум сутки. На степень трупного окоченения мы также не можем полагаться из-за холода, трупные пятна я осмотрел...

Он почесал себя предплечьем по усам, которых больше не было. Привычка, от которой удастся избавиться лишь через годы.

Он пожал плечами.

— Между двадцатью четырьмя и семьдесятю двумя часами — самое точное предположение, которое я могу сделать. Так что смерть наступила между воскресеньем и вторником. Едва ли тебе это очень поможет, но сказать что-то более конкретное прямо здесь и сейчас я не могу. Да и в целом будет чрезвычайно сложно подобраться к правде.

— Во всяком случае, самое раннее, когда его могли застрелить, — в понедельник в восемь часов, — сказал Шефер. — Его кровь нашли на куртке, принадлежавшей мальчику, который пропал из школы Ньюхольм в понедельник утром. Так что воскресенье можем исключить.

— Если только умерший не был застрелен в воскресенье, и тогда же кровь и попала на куртку мальчика.

— Ты хочешь сказать, до исчезновения? — Такую возможность Шефер не учёл.

— Я ничего не хочу сказать, — сказал Опперманн. — Я всего лишь рассказываю тебе, что вижу: а именно, что смерть наступила в промежуток между воскресеньем и вторником.

Когда Опперманн закончил предварительный осмотр, тело Томаса Странда положили в патологоанатомический мешок и увезли в Институт судебно-правовой экспертизы.

— Я приступлю к вскрытию сразу же, как доберусь до института, — сказал Опперманн.

— Я прямо за тобой, — кивнул Шефер.

Он обернулся к окну и посмотрел в сторону Королевского сада, раскинувшегося по другую сторону улицы. Замок Розенбург поднимался посреди покрытого снегом парка и делал всё вокруг похожим на кадр из диснеевского мультфильма.

Сказочным. И красивым.

Он снова повернулся к кровати и посмотрел на большое пятно крови, впитавшееся в матрас. В изголовье виднелись остатки мозгов и картофеля.

На полу валялась одежда, которую, по догадке Шефера, Томас Странд скинул, ложась в постель.

Пара вытертых синих джинсов. Чёрная футболка. Грязные спортивные носки швами наружу.

Шефер тяжело вздохнул, а вопросы тем временем пульсировали в его голове, как кровь в закупоренной артерии.

Если Томас Странд похитил Лукаса в понедельник утром, избавились ли от него в тот же вечер и забрали ли мальчика с собой? Каковы в таком случае мотивы? Кто третья сторона в похищении?

И самое главное...

Где Лукас Бьерре?

Поездка на автомобиле в Рёввиге заняла полтора часа. Намного дольше, чем на «Тесле» Мартина, пролетевшей по бесснежной трассе неделю назад.

Элоиза взяла «Форд» в редакции около десяти утра и сейчас медленно катила к летним домикам в поисках того, чего и сама не могла определить. *Чего-то*, после чего в голове сложилась бы картинка.

Здесь было больше снега, чем в Копенгагене, а большинство домиков стояли запертые на зиму, тёмные и пустые.

На многих были закрыты ставни, к ним не вели ничьи следы. Кроме разве что оленьих, мышинных и заячьих.

Элоиза кружила по заснеженным проездам около часа и уже была готова сдаться, когда ей на глаза попала неровная лесная тропинка по правую руку. Она притормозила и оглядела дорожку, которая изгибалась чуть дальше и вела в густой хвойный лес, граничащий с частными владениями.

Сложно было разглядеть, что было на другом конце дорожки. Участок не убирали от снега, а около входа висела табличка.

«Частная территория, въезд закрыт».

Элоиза вспомнила, что неделю назад она уже видела эту табличку и проигнорировала запрет. Она всё равно пошла по той дорожке. Не там ли ей попался и дом с воротами?

Она заглушила двигатель и вышла из машины. Снег громко скрипел под сапогами, а тёмные ветви над её головой гасили свет, лившийся с неба, пока она углублялась в лес.

Элоиза увидела дом, увитый диким плющом и заваленный многолетним мусором, и задумалась, был ли он обитаем. Оконные рамы закрывали красные льняные занавески, а в просветы не было видно ничего, кроме непроглядной темноты.

Элоиза посмотрела на табличку с именем, прикрепленную к двери.

«Ван Долменс». Как-то по-голландски.

Она начала обходить дом по направлению к заднему двору и уже дошла до угла, когда за её спиной раздался голос:

— Что вам нужно?

Элоиза вздрогнула и обернулась к главному входу, где приоткрылась дверь. В щёлочку было видно раздражённое лицо пожилой женщины. Один

глаз сурово смотрел на Элоизу.

Элоиза вежливо кивнула.

— Добрый день, я просто проходила мимо и...

— Вы не видели табличку на дороге? — спросила женщина. — Это частная территория.

Элоиза продолжила как ни в чём не бывало:

— Здесь же есть амбар, не так ли? — Она указала на строение на заднем дворе и сделала пару шагов в том направлении.

Женщина чуть шире открыла дверь. На ней был светло-серый махровый халат, а о её ноги игриво тёрлась кошка породы норвежская лесная. Из дома слышалась старая песня группы «The Supremes».

Baby, baby. Baby, don't leave me. Please don't leave me. All by myself^[45].

— Это не амбар, — сказала женщина. — Это сарай.

— Хорошо. Пусть будет сарай, — улыбнулась Элоиза. — Можно посмотреть?

Женщина прищурилась и наклонила голову:

— Можно ли *посмотреть*? Зачем это?

— Я фотографирую старые амбары. И хотела бы сфотографировать ваш. Ваш сарай.

Женщина медленно оглядела её с ног до головы:

— У вас нет фотоаппарата...

Элоиза вытащила из кармана айфон:

— Я снимаю на это.

Женщина помедлила. Затем покачала головой:

— Сарай упал. Снег на крыше был слишком тяжёлый и... Слабая конструкция. Старая развалина.

— Можно, я пойду посмотрю? — Элоиза ещё на пару шагов отступила от дома.

— Нет, я бы попросила вас удалиться. Это частная территория.

Элоиза проигнорировала отказ и продолжила обходить дом.

— Эй?! — прокричала ей вслед женщина, высовываясь из-за двери. Затем зашла обратно в коридор и надела сапоги.

— Эй вы!

Элоиза быстро завернула за угол дома. Там она замедлила шаг.

Смотреть было особо не на что. То, что раньше было сараем или амбаром, сейчас походило на грудку палочек для игры в микадо^[46], которые

рассыпались от неосторожного движения. Кучу лежавших как попало досок запорошил снег. Невозможно было понять, как здание выглядело до обрушения, и Элоиза постаралась только разглядеть два больших окна, которые она видела на фотографии в папке Шефера.

Она подошла и принялась поднимать доски и счищать снег, но прежде чем ей удалось найти знакомое очертание или деталь, её настигла женщина и схватила за плечо.

— Это частная территория, — повторила она, — уходите!

Элоиза отняла руку и показала ей на своём мобильном фотографии Лукаса Бьерре.

— Вы видели этого мальчика? — спросила она. — Его разыскивают.

Женщина посмотрела на снимок. Её взгляд немного смягчился.

— Вы поэтому здесь? Ищете мальчика?

— Он сделал это фото, — Элоиза показала ей фото амбара. — И вскоре исчез, а теперь ваш сарай случайно обвалился... Мальчика зовут Лукас Бьерре.

— Да, я хорошо знаю, кто он.

Сердце Элоизы забилось быстрее.

— Вы с ним знакомы?

— Вы из полиции?

— Нет, я журналистка.

Женщина мгновение помолчала. Затем кивнула:

— Я слежу за этими событиями. Пойдёмте в дом, я покажу вам, как раньше выглядел сарай. У меня где-то хранится пара старых фотографий.

Элоиза медлила, оглядывая дом. Она утонула в снегу по щиколотки, но не двигалась с места.

— Всё в порядке, — сказала женщина, протягивая руку. — Меня зовут Рита.

Элоиза пожала ей руку:

— Элоиза Кальдан.

— Я вела себя не очень-то вежливо, но я подумала, что вы из муниципалитета.

— Из муниципалитета?

— Да. Из Службы по экологическому надзору и контролю строительства. Они шныряют тут по делу и не по делу со своими рулетками и строительными нормативами. Не всё ли им равно, если мой дом выступает за линию на десять сантиметров в ту или другую сторону, он стоит тут уже лет тридцать. И кому он мешает? Здесь нет людей, — всплеснув руками, она направилась к входной двери. — Вы идёте?

Женщина исчезла за дверью, оставив её открытой.

Элоиза огляделась. Затем зашла в дом.

Она сняла зимние сапоги в прихожей и в одних носках прошла за женщиной в гостиную. В ней было приятно тепло. Уютное место в полутьме — в детстве Элоиза строила пещеры из подушек в квартире отца на улице Суенсонсгаде. Она лежала там в темноте с фонариком, читала комиксы и жевала печенье, пока соседские дети играли на улице. Элоиза отвергла солнечный свет, а с ним и весь мир — и ей это нравилось.

— Так, давайте посмотрим, куда я подевала все эти фотографии, — сказала женщина. Она раздвинула занавески и впустила зимнее солнце в гостиную. Потом подошла к высокому стеллажу, полки которого были забиты стопками книг, папками на кольцах, безделушками и керамикой, и выдвинула старый деревянный пивной ящик с нижней полки.

— Здесь должно быть что-то, — сказала она, копаясь в ящике. Она вытащила из него конверт из-под фотографий «Кодак». Протянула его Элоизе и пошла на кухню, где кофемашина уже шипела и булькала.

Элоиза открыла конверт и стала просматривать снимки. Это были семейные фотографии, на них она узнала хозяйку в молодости. Элоиза остановилась на фотографии, сделанной летним днём на террасе за домом. За садовым столом сидели мужчина средних лет в шортах, рубашке поло и кепке и худенькая юная девушка в футболке с надписью «Metallica», с рыжими, крашенными хной волосами. На обратной стороне снимка Элоиза прочла дату — 1999 год. В том же году она окончила университет. Воспоминания об этом дне пронеслись перед её внутренним взором. Их с Герой победный танец на площади Конгенс Нюторв, баночное пиво, дикий смех и культовая гранж-команда «Pearl Jam» на повторе.

Мечты о будущем...

— Я следила за новостями, — сказала женщина с любопытством в голосе, подойдя к Элоизе. — Вы думаете, мальчик находится где-то в округе? Недалеко от амбара?

— Это ваша семья? — ответила Элоиза вопросом на вопрос. Она показала женщине фото.

Та улыбнулась:

— Да, это Дидрик и Стина. Мои муж и дочь.

Элоиза обвела глазами комнату, ища следы присутствия других обитателей дома.

— Ваш муж тоже живёт здесь?

Женщина поставила кофейник на стол, стоявший в центре гостиной, и потянулась за стопкой фотографий.

— Нет, Дидрика не стало в 2008 году. Рак простаты, редкостная мерзость. Я с тех пор живу одна. — Она начала перебирать фотографии.

— А ваша дочь, — спросила Элоиза, — она живёт в Рёрвиге?

— Нет, Стина работает в посольстве Дании в Мозамбике. Поэтому она обитает в Мапуто — так называется тамошняя столица. Она работает там уже... ммм... лет одиннадцать-двенадцать. — Женщина показала на каминную полку, где стояла фотография трёх темнокожих длинноволосых мальчиков. — Это Зас и Брюс, а малышка с мелкими кудряшками зовут Алик. Это мой младший внук.

Она достала из стопки фотографию.

— Да вот же. Смотрите, так сарай выглядел, пока не обвалился. Я вообще-то хотела там убратся, но теперь это не к спеху. Подожду, пока сойдёт снег. — Она протянула Элоизе снимок.

Сарай был из такого же дерева, заметила Элоиза, но окна на воротах отсутствовали. Железной ручки, похожей на рот, также не было.

— Мне придётся извиниться, Рита, — сказала она и отложила фотографию. — Я ошиблась. Амбар, который я ищу, я видела не здесь.

— Вам совершенно не за что извиняться. Более того, это вы меня извините, что я так невежливо себя повела. Ко мне не очень-то много настоящих гостей заходит... Кофе?

— Нет, спасибо. Мне нужно ехать дальше.

Морщинки от улыбки чуть сгладились на лице женщины, и Элоиза подумала, что, может быть, не так уж и приятно жить в одиночестве, как она себе воображала. Она бросила прощальный взгляд на фотографию внуков женщины на каминной полке.

Не было ли это одним из аргументов в пользу брака и рождения детей: в старости ты не будешь одинок? Будет кому о тебе позаботиться? Будет кто-то, с кем можно разделить существование?

«Но где гарантии, что в жизни всё пойдёт хорошо», — подумала Элоиза. Женщина перед ней, как ни крути, играла по правилам, сделала, что от неё ожидалось, жила традиционной обывательской жизнью. А теперь её муж лежит в земле, а дочь живёт на другом континенте, пока она сидит тут, разочарованная и одинокая, в разваливающемся доме. И только кошка составляет ей компанию.

Элоиза была настроена на одиночество. Между ними не было вопросов. Но она никогда больше не поставит себя в ситуацию, где может быть разочарована кем-нибудь или чем-нибудь.

Она взглянула на женщину:

— Вы не знаете в округе мест, где я могла бы набрести на амбар,

который ищу?

— Ой, здесь в лесу вдоль берега множество домов, но, к сожалению, я не могу указать вам правильное направление. Я уже не уйду далеко от дома.

Элоиза поблагодарила её за помощь и вернулась к машине. В животе у неё всё странно сжималось.

Она села за руль и только собралась повернуть ключ зажигания, как зазвонил мобильный. На дисплее не было номера.

— Кальдан, слушаю, — сказала она.

— Это я, — голос Герды звучал напряжённо.

Элоиза на мгновение зажмурилась, с облегчением и гневом одновременно.

— Привет, — ответила она.

— Привет. Попробуй меня выслушать: я прекрасно знаю, что ты на меня сердисься, но у меня нет времени это сейчас обсуждать, и звоню я не поэтому.

Элоиза нахмурилась:

— А почему тогда?

— Ты не могла бы оказать мне услугу?

Элоиза промолчала, ожидая продолжения.

— На работе возникла кое-какая ситуация, и я просто не могу уйти. И до мамы не дозвониться, она не берёт трубку, а Кристиан в Штатах, и...

— Я заберу Лулу, — сказала Элоиза.

Она услышала, как Герда тяжело вздохнула.

— Спасибо.

— Я возьму её к себе домой, когда освобожусь, и она может остаться спать у меня, если ты удержишься допоздна.

— Спасибо, — повторила Герда. — Я не знаю, во сколько закончу.

— Что произошло?

— Я не могу рассказать. Во всяком случае, не сейчас. И у меня пока нет общего понимания ситуации, так что...

— Окей.

— Ты должна просто мне доверять, когда я говорю, что...

— Окей, — снова сказала Элоиза. — Я тебе доверяю, разумеется.

Элоиза повесила трубку и повернула ключ в замке зажигания. Бросила последний взгляд на неровную лесную тропинку. Женщина стояла на снегу и смотрела вслед Элоизе.

Что-то казалось в этом месте хорошо знакомым и всё-таки нет.

Элоиза *знала*, что видела амбар. И если не на этом участке, то где?

Она включила заднюю передачу и обернулась назад.

Взгляд Шефера скользил по белым резиновым сапогам, которые стояли в ряд под гирляндой из кольчужных перчаток. Сбоку на сапогах маркером были написаны имена, и он потянулся за парой, что стояла справа снизу.

На них значилось: «Эрик Шефер».

Он надел сапоги и прошёл по длинному коридору между кабинетами судмедэкспертов. Миновал один, где проводили вскрытие бедолаги, умершего не то от менингита, не то от чумы, а может, ещё от какой-то варварской бациллы. Следующие четыре стола в патологоанатомическом кабинете были пусты и сверкали чистотой, а в дальней комнате стоял Опперманн, по локти погрузив руки во внутренние органы Томаса Странда.

— Ну, Док Браун, что скажешь? — Шефер встал около стола для вскрытия и кивнул в сторону пулевого отверстия на лице Томаса Странда. — Смерть наступила в результате естественных причин или всё-таки насильственно?

Йон Опперманн перевёл на него глаза с открытой грудной клетки, не поднимая головы.

— Очень смешно.

— Но я и вправду вас уважаю за то, что вы не ищете лёгких путей, — улыбнулся Шефер. — Даже когда человеку пальнули в голову, вы назовёте причину смерти не раньше, чем проверите его на воспаление лёгких и сифилис. Вот это я называю основательностью!

Опперманн проигнорировал его и продолжил работать в тишине.

Шефер наблюдал за его опытными руками и узнавал процедуру: Опперманн сделал специфический разрез на сердце трупа: три надреза, которые сходились, образуя звезду, похожую на логотип автомобиля «Мерседес».

— Что ты ищешь? — спросил Шефер.

— Рубцы на сердце.

— Рубцы на сердце... — повторил Шефер, и внезапно ему на ум пришло, что Элоиза говорила о солдатах с ПТСР. Именно эти слова она использовала, чтобы описать их состояние. Что у них были *рубцы на сердце*. Но если произвести «мерседесовские» разрезы на любом человеческом сердце, разве рубцов не останется?

Рубцы после травмы? От горя?

Если препарировать его собственное сердце, оно всё будет изрубцовано. Давние шрамы от давних сражений.

— Некоторые рубцы видно невооружённым глазом, — объяснял Опперманн, как будто прочёл мысли Шефера. — Это могут быть рубцы от тромбоза коронарных артерий или другой болезни сердца. Другие рубцы увидеть сложнее. Они могут быть такими... — он осёкся, подыскивая слова.

— Какие у нас остались после Косово? — предложил Шефер.

— Да. — Опперманн понимающе посмотрел на него. — Такие, как у нас после Косово.

Опперманн перешёл к голове. Он сделал надрез скальпелем от уха до уха и запрокинул голову трупа вперёд. Затем приступил к трепанации.

Шефер отступил на пару шагов, чтобы не вдыхать костяную пыль, которая витала в воздухе. Его взгляд упал на пулевое отверстие, и он снова задумался о фотографиях в «Инстаграме» Лукаса Бьерре.

— Тебе знаком термин «парейдолия»? — Шефер вынужден был повысить голос, чтобы заглушить звуки дисковой пилы, при помощи которой Опперманн вскрывал черепную коробку.

Судмедэксперт прекратил пилить и посмотрел на Шефера:

— Чего-чего?

— Парейдолия, — повторил Шефер. — Тебе это о чём-то говорит?

— Это когда люди видят лица в разных предметах?

Шефер впечатлённо кивнул:

— Откуда ты это знаешь?!

— Я помню, что мы обсуждали это во время учёбы в медицинском в своё время. — Опперманн открыл черепную коробку, как крышку на бутылке кетчупа. — Люди, которых реанимировали после минуты или двух клинической смерти, иногда рассказывают, что видели лицо в ореоле света. Потом, конечно, они начинают болтать о жизни после смерти и подобных вещах. И становятся невероятно религиозны. В действительности же наиболее вероятно, что они видели случайные световые преломления. Что глаз в последние секунды перед смертью впитал случайные узоры, а мозг распознал их как черты лица. И именно этот образ мы помним, очнувшись.

— Так что ты не думаешь, что они успели опрокинуть стаканчик джина-тоника в компании Господа Бога? — спросил Шефер со скептической миной.

Это был корпоративный юмор. То, что Шефер и Опперманн наблюдали на работе, не оставляло места для религиозных видений.

Йон Опперманн приподнял косматую бровь и усмехнулся:

— Едва ли. Но в действительности это чрезвычайно человечно.

— Что именно?

— Попытка найти во всём смысл.

— Вера в высшие силы, ты имеешь в виду?

— Нет, я говорю о парейдолии. Ведь её суть, по всей видимости, в том, что мы испытываем необходимость понять тот мир, в котором живём. Нам до того хочется навесить ярлыки на всё, что нас окружает, что мы можем истолковать то, что видим, превратно.

— Учёные считают, что вся суть в готовности к сражению, — возразил Шефер. — Мол, мы всегда начеку и поэтому видим лицо врага повсюду — даже там, где его и в помине нет.

Опперманн задумчиво кивнул.

— Да, и ведь это отнюдь не так глупо — принимать меры предосторожности. Какой там лозунг у пауков? Better safe than sorry?^[47]

— Будь готов.

— Ясное дело, — подмигнул Опперманн и привычным движением вынул мозг из черепа Странда с влажным громким хлюпающим звуком.

Когда Йон Опперманн помылся и сменил одежду, они с Шефером вышли из отделения. Ненадолго задержались на мосту Симонс Бро. Мост, названный в честь предшественника Опперманна, соединял патологоанатомическое отделение с другим корпусом Института судебно-правовой экспертизы.

Шефер облокотился на стеклянный парапет и посмотрел на Опперманна:

— Это огнестрел. Мы, значит, согласны на этот счёт, да? Ликвидация.

Опперманн кивнул.

— Одиночная пуля, похоже на девять миллиметров, — он указал большим пальцем на свою нижнюю челюсть в том месте, куда попала пуля.

— Есть ещё что-то, что ты можешь сейчас сказать?

— Ты же знаешь процедуру, — сдержанно сказал Опперманн. — Кровь покойного отправляется на анализ в Токсикологию. Баллистик смотрит на пулевое отверстие и обследует саму пулю. Образцы из-под ногтей мы также пошлём на анализ, хотя в настоящий момент ничто не указывает на драку с убийцей. На покойном нет шрамов, следов насилия на руках или других признаков самозащиты. — Он пожал плечами. — Поживём — увидим.

«На покойном», — подумал Шефер.

Опперманн как-то заверил его, что никогда не запоминает имён людей, чьё вскрытие проводит. Он делает свою работу, а когда освобождается,

вешает свой медицинский халат на крючок вместе с воспоминаниями о молочно-белых высохших роговицах, в которые заглядывал в течение дня.

Он не брал работу домой. Чувствам там было не место. Уже не место.

Временами Шефер ему завидовал.

И тем не менее...

Сам он помнил имена каждой жертвы в каждом деле об убийстве, которое когда-либо расследовал. Лучше всего ему запомнились те, чьи дела не были раскрыты. Те, чей убийца так и не был пойман.

— Ладно, Йон, — он протянул Опперманну руку, — дай знать, если всплывёт что-то новое!

Ножницы врезались в бумагу как в масло. Острые лезвия в руках Финна тщательно огибали силуэт. Особое внимание Финн уделил контурам волос и ушей мальчика.

Закончив, он поднял газетную вырезку перед собой и посмотрел в голубые настороженные глаза. На редкие, почти незаметные, веснушки на носу. На уголки рта, приподнятые в осторожной улыбке.

Настроение Финна заметно улучшилось.

Ему вспомнилось, как он впервые увидел мальчика в школе. И первый раз, когда тот в одиночку зашёл в магазин. Финну так нравилось больше: пусть приходят одни, без родителей.

Финн предложил ему взять яблоко из пирамиды, и мальчик потянулся за красным в пятнышках. Необычный выбор. Остальные дети всегда выбирали самое блестящее яблоко и всегда зелёное — но не он.

Финн сразу же понял, что этот паренёк особенный. Другой. Прямо как сам Финн. «Только теперь едва ли кто-то об этом узнает», — подумал он и вернул газету в стопку на столе.

Дверь в комнату для персонала распахнулась, и вошла реснитчатая Аня.

Финн молниеносно согнул вырезку пополам и спрятал.

— Перерыв окончен, Финн.

Она нажала на кнопку кофейного автомата. Тот выплюнул белый пластиковый стаканчик и наполнил его струей растворимого кофе.

— Малик говорит, что посетители жалуются на огурцы. Они слишком мягкие, так что пойдёшь, пересортируй их. Живо, понял?

Финн кивнул.

Он поднялся, убрал газетную вырезку в свой личный шкафчик и запер его.

Аня тяжело плюхнулась на стул и потянулась за свежим выпуском газеты «Б.Т.». Первая полоса заманивала шестистраничной статьёй о пропавшем Лукасе Бьерре, обещая скандалы и интриги. Пальцы Ани проворно и целеустремлённо принялись листать.

Потом она замерла.

— Эй, какого чёрта газета порезана? Это ты сделал, Финн?

Финн покачал головой и поспешил в торговый зал.

— А где мама?

Лулу удивлённо подняла голову из-за стоявшего перед ней мольберта. Она рисовала глаз, плачущий серо-зелёными акриловыми слезами, которые капали на пол прямо к её ногам в носочках.

— Маме придётся задержаться на работе допоздна, так что ты сегодня едешь ко мне! — сказала Элоиза и взмахнула руками. — Сюрприз!

— Дааа! — Лулу бросилась ей на шею, так что длинные каштановые кудри взлетели в воздух.

Они взяли верхнюю одежду и рюкзак Лулу из гардероба и, держась за руки, вышли на школьный двор. Миновали баскетбольное кольцо и остановились на пешеходном переходе.

— Как ты? — спросила Элоиза и ласково толкнула Лулу бедром. — Хороший был день?

— Угу, — ответила та.

— Чем ты сегодня занималась?

— Ничем.

— Ничем?

— Не-а.

— Совсем-совсем? Ты провела в школе... сколько? восемь часов и совсем ничегошеньки не делала?

Лулу фыркнула.

— Делала, но не расскажу что.

— Изволь, — кивнула Элоиза понимающе. — Это уже совсем другое дело.

Загорелся зелёный свет, и они начали переходить улицу.

— А ты что делала? — спросила Лулу.

— Ничего.

— Неправда!

— Верно, но я тоже не расскажу что, — сказала Элоиза, с важным видом качая головой. Затем улыбнулась.

Лулу захохотала и уставилась на неё светящимися восторгом глазами.

— Что ты хочешь на обед? — спросила Элоиза.

— Макароны под мясным соусом!

— Хорошо, значит, будут макароны. — Она сжала руку Лулу. — Я думаю, что почти всё, что нужно, есть у меня дома, но надо купить фарш и

кое-что по мелочи.

— А где?

— В «Фётексе».

— Может, тогда сразу купим мясной соус в банке? Так всегда делает мама!

— Что за банки?

— Такие банки с готовой едой. Ну пожа-алуйста! Так намного вкуснее, чем готовить самому!

— Хорошо, — согласилась Элоиза, — но при одном условии!

— Каком?

— Ты насобираешь пакет конфет, пока я буду искать остальные продукты.

Элоиза исподтишка разглядывала девочку, пока они спускались по улице Грённинген. Эту малышку, которую Элоиза знала ещё с тех времён, когда она была розовым новорождённым кусочком плоти, покрытым младенческим пушком и пятнышками. Теперь она стала такой взрослой — такой красивой. Восемилетняя безнадёжная оптимистка, пребывающая в наивной уверенности, что мир — славное место.

«Однажды она разочаруется», — подумала Элоиза и почувствовала укол в сердце, от которого ей захотелось сжаться в комок.

Когда они вошли в торговый зал, Элоиза показала ей стойку с развесными конфетами:

— Развлекайся, милая. Я найду твой мясной соус, и мы встретимся у касс, договорились?

Лулу кивнула и направилась было к сладостям, но вновь обернулась к Элоизе:

— А на сколько я могу набрать?

— Что обычно говорит мама?

— Двадцать крон.

— Значит, сегодня тридцать, — подмигнула Элоиза.

Она повесила магазинную корзинку на руку и направилась в сторону прилавка с охлаждёнными продуктами на другом конце магазина, где заметила полки с готовой продукцией. Она взяла банку соуса болоньезе с верхней полки. Кусочек пармезана, пучок петрушки и упаковка свежей пасты «лингвини» составили ей компанию в корзинке.

В тот момент, когда она доставала бутылку шардоне из холодильника, пришло СМС от Мартина.

Пужинаем вместе? В ресторане «Франк» в 8?

Элоиза нажала кнопку вызова, и Мартин сразу же ответил.

— Со мной Лулу. Где пришлось работать двойную смену, и посидеть с девочкой оказалось некому. Поэтому я забрала Лулу к себе, и мы с ней идём готовить ужин.

— Чудесно, — в голосе Мартина звучала неподдельная радость. — Можно мне заскочить вечером или у вас девичник?

— Конечно, приезжай. Но если Лулу останется ночевать, тебе придётся вернуться домой после ужина.

Она развернулась и поискала глазами Лулу, глядя поверх полок винного отдела. Нашла тёмные кудряшки и полные восторга глаза. Увидев, что та хохочет, Элоиза шагнула в сторону. Теперь проход мимо полок со специями и выпечкой был виден целиком, вплоть до той точки, где находилась Лулу. Девочка собиралась взвешивать свой пакетик с конфетами. Рядом с ней присел на корточки мужчина. Это был тщедушный очкарик с восковой бледной кожей и залысинами на коротких волосах мышинного цвета. Он был полностью поглощён Лулу, совершенно заворожён ей: восторженный, как пёс, чей владелец только что вернулся домой.

От вида такого упоения у Элоизы по спине пробежал холодок.

Она поспешила закончить разговор с Мартином и быстрыми шагами направилась к Лулу и незнакомцу.

Элоиза оказалась перед Лулу как раз в ту секунду, когда мужчина протянул девочке яблоко цвета ликера «Шартрез». Положив ладонь на яблоко, Элоиза резким движением отвела его руку в сторону:

— Нет, спасибо.

Мужчина поднялся и нервно поправил очки в серебристой титановой оправе. Он был одного роста с Элоизой, и хотя они стояли лицом к лицу, его взгляд всё равно был прикован к Лулу.

— Я могу чем-то вам помочь? — Элоиза мрачно посмотрела ему в глаза.

— Я... я просто хотел дать ей яблочко, — сказал мужчина и, взяв яблоко обеими руками, выставил перед собой, как приношение божеству.

— Спасибо, нет, — повторила Элоиза и взяла Лулу за руку. Она подошла к мужчине так близко, что почувствовала его дыхание. — Держитесь от неё подальше, — прошипела она.

Мужчина так и не осмелился встретиться с ней взглядом. Он кивнул со странной покорностью, смущённый и растерянный, и быстро исчез за углом, взяв курс на фруктовый отдел.

— Что случилось? — спросила Лулу, когда они вышли из магазина.

— Ничего. — Элоиза попыталась улыбнуться. — Просто... Не стоит ничего брать у чужих людей. Ты же знаешь это?

— Но мне всегда дают яблоко бесплатно, когда мы ходим в «Фётекс». Мама говорит, что это нормально.

— Он даёт? — Элоиза кивнула в сторону магазина. — Этот дядя?

Лулу утвердительно кивнула. Она вопросительно смотрела на Элоизу широко раскрытыми глазами.

— Хмм... — Элоиза застегнула на Лулу куртку, чтобы она не замёрзла. — Всё равно это не самая лучшая идея...

Она понимала, что переходит границу дозволенного в разговоре с чужими детьми, но ей было всё равно.

— Люди могут казаться добрыми, а на самом деле они совсем не такие. Понимаешь?

Лулу пожала плечами.

— Нельзя доверять всем подряд. Маме и папе, бабушке и мне — можно! На нас ты всегда можешь положиться. Но когда дело касается посторонних, лучше проявить к ним немного подозрительности.

— Подозрительности?

— Да, ну то есть совершенно нормально надеяться на лучшее, но при этом нужно всегда принимать меры предосторожности и готовиться к худшему. Столько сумасшедших вокруг!

Лулу нахмурилась. Потом улыбнулась:

— Ты тоже немножко сумасшедшая.

— Да, — улыбнулась Элоиза. — Что есть, то есть.

— Но ты же знаешь, что мне уже восемь лет?

Элоиза кивнула.

— Я уже не маленькая.

— Прекрасно знаю.

— В следующем году мне разрешат самой возвращаться из школы!

Элоиза закивала, капитулируя:

— Да-да, и совсем скоро ты уедешь из дома, устроишься работать в НАТО и начнешь ходить с тросточкой, но...

Лулу фыркнула.

— Просто не забывай беречь себя, хорошо? — Элоиза убрала с лица Лулу прядь тёмных волос.

Девочка закатила глаза.

— Так ты нашла мясной соус?

Элоиза продемонстрировала ей пакет с покупками.

— Пойдём домой готовить ужин. Ты голодная?

Лулу кивнула, и они пошли.

— Слушай, а что это за Тристан, который тебе нравится? — спросила Элоиза.

— Откуда ты знаешь?

— Слышала от мамы.

— Он в пятом классе, — заулыбалась Лулу. — И играет в баскетбол.

Элоиза впечатлённо присвистнула.

— Он хороший?

— Я не знаю, мы никогда не разговаривали. Но у него такие красивые волосы до плеч.

«Another one bites the dust»^[48], — подумала Элоиза.

Она обернулась и увидела, что мужчина, предлагавший яблоко, стоит в дверях магазина и смотрит им вслед. Она послала ему угрожающий взгляд, который тот даже не заметил.

Он видел только одно. Лулу.

Над каждым из четырёх путей железнодорожной станции Остерпорт было установлено по шесть камер наблюдения. Это означало, что полиции предстояло пробиться сквозь двадцать четыре записи по двенадцать часов каждая, чтобы обнаружить Лукаса Бьерре среди почти ста тысяч человек, сошедших с поезда или садившихся на него в понедельник. Это было всё равно что искать пресловутую иголку в стоге сена.

Микаэль Восс почесал шею кончиком карандаша с ластиком. Покачал головой и измождённо посмотрел на Шефера, который только что вернулся в участок из Института судебно-правовой экспертизы.

— Это абсолютный «Где Волли?»!^[49] — сказал он. — Если, конечно, представить себе чёрно-белое издание со стометровыми страницами. Первые шесть часов записи отсмотрены, так что мы на полпути.

Восс и его команда в Отделе технических расследований работали сутки напролёт с тех пор, как получили записи в понедельник вечером. Почти бесконечный ряд мониторов светился в полутёмной комнате в участке. IT-специалисты сидели рядами и попеременно нажимали на кнопки «play» и «stop», разглядывая кадры в поисках примечательных деталей.

— Что нашли? — спросил Шефер.

— На данный момент ни фига, а времени уже опять чёрт знает сколько. — Он взглянул на наручные часы. — Ночь сегодня в отделе будет длинная.

— Ясно. Свистните, если что-нибудь обнаружите, — сказал Шефер, направляясь к выходу.

— Йоу, Восс! — позвал один из сотрудников, сидевший перед экраном. — Иди-ка глянь!

Шефер замер на полпути и последовал за Воссом. Парень был совсем молодой и больше напоминал ребёнка-переростка, подумал Шефер. Ребёнка, которому не хватает витаминов. Долговязый, неуклюжий и с таким землистым цветом лица, какой бывает только у *геймеров*, живущих на коле и чипсах.

— Да? — Восс скрестил руки на груди и кивнул на экран. — Что у тебя?

— Записи с 16 до 19 часов в понедельник.

— Какого лешего ты их смотришь? — Восс замахнулся, как будто

собирался дать парню по шее в воспитательных целях. — Я не эти записи просил тебя смотреть, бестолочь!

— Не эти, но я уже просмотрел все остальные, там ничего не было, и я подумал, что могу продолжить...

— Думать в твои обязанности не входит. Твоя работа — слушаться предписаний, — сказал Восс. — Что ты нашёл?

— Смотрите. — Парень нажал на кнопку.

Шефер подвинулся поближе к экрану.

— Что мы смотрим? — спросил он.

— Четвёртый путь, понедельник, 18:13.

Запись прокручивалась рывками: люди и поезда в кадре двигались как роботы. Шефер увидел, как поезд подходит к перрону. Чёрно-белая толпа сгрудилась перед дверями. Пассажиры сходили с поезда, новые заходили внутрь. Затем двери начали закрываться.

— Смотрите, вот здесь, — сказал айтишник и показал пальцем.

В правой стороне кадра появился мужчина и засунул руки в просвет между дверями. Те снова распахнулись, и он втиснулся в поезд. Затем двери снова захлопнулись, и поезд тронулся.

Восс пожал плечами.

— Ну и что?

Парень отмотал запись на несколько секунд назад и снова нажал на «play». В этот раз он остановил видео на том кадре, где мужчина держал руками двери, стоя спиной к камере.

Шефер почувствовал, как кровь прилила к щекам, а шею стало знакомо покалывать.

Через плечо мужчины на перроне был перекинут рюкзак. На записи не было видно цвета, но логотип «Lego Ninjago» легко читался. То же касалось и отражателя фирмы «Stormtrooper», который болтался на молнии.

— Чертовщина, — пробормотал Шефер.

— Рюкзак мальчика, — отозвался Восс и удовлетворённо закинул руки за голову. — Я всегда говорю: видеозапись есть — значит, что-нибудь найдётся!

— Можно его приблизить? — спросил Шефер. Айтишник постучал по клавишам, и изображение увеличилось.

— Но это единственный угол, под которым он попал на запись. Лицо нигде не засветилось.

Микаэль Восс нагнулся к экрану и прищурился:

— Что за странные шмотки на нём?

Шефер тоже пригляделся, и кровь застучала у него в висках.

Чёрт!

Он уже был у него в руках. Прямо в руках, и Шефер дал ему улизнуть.

Открыв глаза, он, не отрываясь, смотрел на силуэт на экране.

— Комбинезон, — сказал он.

— УНО!

Лулу держала свою последнюю карту перед самыми губами и победоносно взирала на Мартина, сидевшего по другую сторону стола.

— Какого чёрта, маленькая разбойница? — засмеялся он. — Неужели ты уже избавилась от всех карт?

Мартин взял три новые карты, увидел задание «закажи цвет» на одной из них и вернул её обратно в колоду.

— Меняю на красную!

Лулу бросила красную восьмерку на стол и подняла руки:

— Я выиграла!

— Ты выигрываешь уже третий раз подряд. — Мартин скептически покачал головой. — Мне кажется, ты жульничаешь.

— О нет! — Лулу встряхнула шевелюрой и принялась собирать карты.

— А вот и да! — поддразнивал Мартин.

— Нет же, нет! Элоиза, Мартин говорит, что я жульничаю.

— Он просто не умеет проигрывать, — улыбнулась Элоиза и поставила поднос с тарелками на стол. — Накройте, пожалуйста, на стол. Будем ужинать.

Когда она вернулась к плите, чтобы взять сковороды с макаронами и мясным соусом, до неё донёсся смех Мартина и Лулу. Ей было приятно, что они оба гостили у неё сегодня. Но в то же время это лишь подчеркивало, что ближе всего к настоящей семье для неё будет именно это: Элоиза, её парень и её крестница. Издёвка над понятием нуклеарной семьи, от которой она всегда стремилась держаться на расстоянии.

— Чем ты сегодня занималась? — спросил Мартин, когда они сели ужинать.

— Карен Огорд нагрузила меня статьёй, для которой я сейчас собираю материал, — сказала она и положила гнездо лингвини Лулу на тарелку.

— Что значит «нагрузила»?

— Я готовила статью вместе с Гердой, а Огорд наложила на неё вето, потому что ей хочется, чтобы я покопалась в другом месте.

— В чём же она хочет, чтобы ты покопалась?

— В том, что и так не сходит с первых полос. — Элоиза многозначительно посмотрела на него.

Мартин покосился на Лулу, которая поливала пасту соусом.

— About the missing kid?^[50]

Элоиза кивнула и вытащила пробку из винной бутылки.

— Я тоже умею говорить по-английски, — заметила Лулу, наматывая макароны на вилку.

— Да ты что? — спросил Мартин.

Лулу запихнула в рот полную вилку макарон.

— Угууу.

— И когда ты успела стать такой умной?

— Мне уже восемь лет.

— Я в свои восемь лет тебе в подмётки не годился, — сказал он. — Когда ты успела выучить английский?

— «Нетфликс», — сказала она и проглотила порцию макарон, — а ещё у нас есть английский в школе. Ты будешь писать о Лукасе? — Лулу посмотрела на Элоизу.

Элоиза запустила пальцы в волосы.

— Ну, моя начальница хочет, чтобы я о нём написала, так что...

— Потому что вы думаете, он мёртв?

— Ну, эй, — Мартин положил руку сверху на ручку Лулу. — Никто не думает, что он мёртв. И по-прежнему велика вероятность, что полиция его найдёт. Мы знакомы с тем, кто ведёт расследование, и он безумно талантливый. Он обязательно найдёт Лукаса. Не правда ли, Эло?

Элоиза смотрела в свою тарелку, чтобы не встречаться глазами с Лулу.

— Угу, — кивнула она. — Обязательно найдёт... Так или иначе.

— Всё будет хорошо, вот увидишь, — сказал Мартин и, подмигнув Лулу, набил полный рот макарон.

Элоиза кашлянула и взяла свой винный бокал, не глядя ни на кого из них.

— Или не будет, — пробормотала она. — Никогда нельзя знать наверняка. Мне кажется, правильнее во всём этом быть реалистами, хоть сколько-нибудь.

Элоиза обратила внимание, что челюсти Мартина прекратили работать. Он бросил на неё взгляд, в котором ясно читалась просьба поменьше высказывать мысли вслух.

Элоиза повернулась на стуле.

— В любом случае с тобой всё будет отлично, — обратилась она к Лулу. — Мы все за тобой приглядываем, милая.

Лулу переводила взгляд то на одного, то на другую. Ее взгляд мгновенно стал серьёзным.

— Я думаю, он мёртв.

Элоиза нахмурилась.

— Почему?

— Я не знаю, он просто... странный.

— В чём это выражается? — Элоиза отложила в сторону приборы.

Лулу пожалала плечами, подбирая слова:

— Точно не знаю, но... иногда он довольно весёлый, мы дурачимся вместе, и всё такое. А иногда он так... так *сердится*.

— Как это?

— Ну, мне вообще кажется, я ему нравлюсь, — начала она.

— А кому ты не нравишься, — улыбнулся Мартин.

— Но однажды мы оказались на балконе вместе. На продлёнке, знаешь?

Элоиза кивнула, приглашая её продолжать.

— Я подошла поздороваться, а он вдруг взбесился.

— Почему?

— Не знаю! — Лулу театрально пожалала плечами. — Мы просто разговаривали, и тут он как с ума сошёл. Он кричал, визжал, бил всё подряд. Пришёл Патрик, чтобы его успокоить, но...

— Кто такой Патрик?

— Один из воспитателей на продлёнке. Он просто хотел помочь разобраться, но Лукас его лягнул и попал в живот, и тогда Патрик ужасно рассердился.

— Что же было потом?

— Лукаса очень здорово отругали. Патрик вытолкал его с балкона и вышвырнул на школьный двор. Я никогда не видела, чтобы Патрик был так взбешён.

— Кто, говоришь, этот Патрик?

— Воспитатель.

— И какой он из себя?

Лулу снова пожалала плечами.

— Он вроде хороший. Но он в основном играет с мальчиками. Они разыгрывают что-то и сражаются и всякое такое, они всегда на улице, даже когда холодно. Он не очень хорошо разбирается в девчачьих занятиях.

Мартин взглянул на Элоизу:

— У этого Лукаса никаких диагнозов не было?

Элоиза пожалала плечами. Затем посмотрела на Лулу:

— А ты видела, чтобы Лукас ещё когда-нибудь так выходил из себя?

— Да, у него в классе есть парень по имени Токе. Его все боятся, а Лукас — нет. Однажды они поругались на школьном дворе, и я слышала,

как Лукас говорил Токе, что убьёт его.

Мартин поднял брови и быстро взглянул на Элоизу. Затем он снова обратился к Лулу:

— Убьёт его? Так прямо и сказал?

Лулу кивнула.

— А как на это отреагировали взрослые?

— Никак. Они не слышали, и Токе тоже ничего не сказал, потому что после любой ссоры ругают всегда его. Так что ему бы никто не поверил. Всем взрослым Лукас нравится, потому что он обычно тихо себя ведёт, а ещё он круглый отличник по всем предметам, но... я всё слышала.

— Ты рассказывала об этом маме? — спросила Элоиза.

Лулу покачала головой и снова набила полный рот макарон.

— Правда же, соус ужасно вкусный?

Элоиза задумчиво кивнула, размышляя над тем, что им рассказала Лулу.

Раздался звонок, и она поднялась из-за стола. В животе всё сжалось, когда она увидела лицо Герды на экране домофона. Она впустила её в подъезд и оставила входную дверь открытой.

— Привет, мама, а почему ты уже тут? — спросила Лулу, когда Герда появилась в дверном проёме.

— Привет, милая, ох, как я рада тебя видеть, — ответила Герда, снимая резиновые сапоги армейского цвета хаки. Она прошла вперёд и поцеловала дочь в макушку.

— Привет, но правда: почему нам уже пора домой? Мне что, нельзя остаться у Элоизы на ночь?

— Не сегодня, дружок.

— Ну пожалуйста!

— Не сегодня, Лулу.

— Ну можно хотя бы посмотреть чуть-чуть «Кунг-Фу Панду 3»? Мы купили конфет и хотели немножко поуютиться, может, ты хотя бы выпьёшь кофе до того, как мы уйдём?

— Ладно, — кивнула Герда. — Одну чашку. Тогда ступай в гостиную, а через полчаса пойдём домой.

— Мартин, хочешь посмотреть со мной «Нетфликс»? — спросила Лулу.

Мартин обнял Герду и исчез в гостиной вслед за Лулу.

Герда уселась на освободившийся возле Элоизы стул и положила тёплую руку ей на спину.

— Здравствуй, — сказала она, и от пролежавшей между ними тени не

осталось и следа. — Спасибо тебе за помощь! Хорошо провели время?

Она расстегнула чёрную кожаную куртку и стянула её с плеч.

Элоиза кивнула:

— Очень. А что у тебя, разобралась с делами?

— И да, и нет. Можно глотнуть? — Герда потянулась за бокалом Элоизы.

— Само собой. Я полагаю, ты не хочешь на самом деле пить кофе? — улыбнулась Элоиза.

— Нет, спасибо, — сказала Герда и осушила бокал. — Одного из моих давних пациентов убили.

— В Афганистане?

— Да в Копенгагене, блин.

— Сейчас? Во время учений?

— Нет, в его собственной кровати. Выстрелом в голову.

— Что?! — Элоиза ошеломлённо уставилась на подругу. Она снова наполнила бокалы и протянула один Герде.

— Да, полнейшее безумие, — согласилась Герда. — Так что мы целый день анализировали ход его терапии. Каждый камушек перевернули.

— Мы?

Герда встретила взгляд Элоизы.

— Да. Я и ещё один психолог-реабилитолог. Пациент посещал терапию у меня, но полтора года назад перестал. Помнишь парня, который влюбился в меня и начал преследовать в интернете? *Сталкера*?

Элоиза кивнула.

— Это его убили?

— Да. Он тогда был на грани одержимости, крайне неприятно. Поэтому я уговорила коллегу взять его, пока проблема не приобрела ещё большие масштабы.

— Я помню, — сказала Элоиза. — Но не припомню, чтобы ты его по-настоящему боялась.

— Нет, не боялась, но... Он неприятный тип.

— В чём это выражается?

— Да во всём! Большинство солдат, которые ходят ко мне на терапию, пережили много ужасов на заданиях, и им нужно переосмыслить этот травматический опыт. Нередко мы прорабатываем потерю сослуживцев. Они видели, как друзья подрывались на минах, и им самим приходилось собирать окровавленные останки, чтобы родителям дома было что похоронить. Жуть! — Герда устало потёрла глаза. — Это обязательно требует проработки с психологом. Но их мысли занимает не только это: они

переживают, что убивали сами. В некоторых ситуациях убийство врага не производит на них особого впечатления, и...

— Например, в каких?

— Например, когда член ИГИЛ или талиб стреляет по нашим военнослужащим, то срабатывает инстинкт to kill or to be killed^[51]. После таких событий парни не лишаются сна. Но когда гибнет мирное население, особенно дети, многие впоследствии сильно мучаются.

— А твой пациент? Он страдал подобным?

— Нет. Именно это и было так неприятно. Он почти *гордился* собранными скальпами. Я знаю, например, что в Афганистане он расстрелял целую семью на зачистке дома в деревне. Дети, дяди-тёти, бабушки-дедушки — всех перебил. В «ОБУ» это прошло как «легитимное уничтожение врага», но во время терапии он признался, что они не были вооружены.

— Что такое «ОБУ»?

— Сокращение от «оценка боевого ущерба». Солдаты протоколируют, кого и сколько они убили и при каких обстоятельствах это произошло. Данный эпизод зарегистрирован как соответствующий правилам, но в реальности он заставил членов семьи выстроиться в шеренгу и... — Она изобразила руками автомат и нажала на воображаемый курок. — И он ещё, боже праведный, *улыбался*, когда об этом рассказывал.

Элоиза недоверчиво прищурилась:

— Он и вправду сидел и живописал тебе всё это?

— Нет, именно этот эпизод он описывал не мне, но я знаю об этом от коллеги.

Элоиза заколебалась было, но не смогла сменить тему:

— А кто взял его в работу после тебя?

— Коллега, — уклончиво повторила Герда и глотнула вина, — один из реабилитационных психологов в казармах.

У Элоизы не осталось сомнений, о ком говорила Герда.

— И теперь он мёртв? — спросила она. — Этот пациент?

Герда кивнула.

Элоиза пожала плечами:

— Вот так работает карма. Ты уже рассказала об этом полиции?

— О чём?

— Что твой пациент перебил толпу мирных жителей в Афганистане.

Герда покачала головой:

— За коммуникацию с полицией ответственны Вооружённые силы. Я принимала участие только во внутреннем совещании в казармах. К тому

же, как я уже говорила, эту историю он рассказывал не мне.

— Да, твоему коллеге, — съязвила Элоиза и прикусила губу. — А почему он вообще делится с тобой подобным? Разве смысл терапии не в том, чтобы всё сказанное в кабинете оставалось между терапевтом и пациентом?

Герда долго смотрела на Элоизу в упор, не произнося ни слова.

— Потому что он доверяет мне, — сказала она наконец. — Так же, как я доверяю тебе.

— Хмм. — Элоиза только тогда обнаружила, что положила руку себе на живот, когда инстинктивно её убрала. — Мне тем не менее кажется, что тебе следует рассказать полиции всё, что ты знаешь.

Герда наклонилась вперёд на стуле, явно давая понять, что разговор окончен.

— Лулу, — позвала она. — Уже поздно, дорогая, нам пора домой.

Упрямство Герды наводило на мысли о дверях амбара и о лесе в Рёрвиге, и Элоиза твёрдо решила обо всём рассказать Шеферу. Если шестое чувство её не подводило, нельзя было продолжать скрываться от него.

Они поднялись из-за стола, когда Лулу вошла в гостиную.

— Можно, я возьму с собой остатки конфет?

— Разумеется! — сказала Элоиза и крепко её обняла.

— Ага, тебе купили конфет? — Герда сняла дутую куртку Лулу с крючка в коридоре и подняла её ранец с пола.

— Да, мне можно было набрать на тридцать крон.

— Как тебе повезло. Спасибо сказала?

Лулу кивнула и надела куртку.

— А ещё Элоиза прямо взбесилась, когда увидела яблочника в «Фётексе».

— Взбесилась? — удивилась Герда. — Почему?

— Да не взбесилась я, — запротестовала Элоиза.

— Она сказала, что он может валить подальше со своими гадкими яблоками! — засмеялась Лулу.

Герда снисходительно посмотрела на Элоизу. Та протестующе подняла указательный палец в воздух:

— И я не так сказала.

— Ты так подумала, — сказала Лулу.

Герда промолчала. Просто кивнула и обняла Элоизу.

— Спасибо, что выручила.

— Обращайся!

Элоизе было слышно, как Лулу и Герда смеются, спускаясь вниз по

лестнице. Она закрыла за ними дверь и, заперев её, обернулась.

Мартин уже сидел за кухонным столом и смотрел на неё. Он был похож на кота, который только что полакомился канарейкой.

— В чём дело? — улыбнулась Элоиза.

— У тебя так здорово получается.

— Что?

— Ладить с Лулу. Она тебя обожает.

Улыбка Элоизы стала напряжённой. Этого разговора она предпочла бы избежать.

— А знаешь, что у *тебя* здорово получается? — спросила она.

Она подошла, взяла Мартина за воротник рубашки и медленно притянула его к себе, поднимая со стула.

— Пойдём, — кивнула она.

Она взяла его за руку и увела в спальню.

— Нужно разослать это в СМИ немедленно, — Шефер протянул Лизе Августин фотографию человека в комбинезоне с камер видеонаблюдения на станции Остерпорт.

Он взглянул на настенные часы. Было 20:11.

— Нужно, чтобы фото попало в «ТВ Газету» и десятичасовой выпуск новостей. Возможно, кто-то из зрителей сможет опознать подозреваемого хотя бы по одежде.

Августин отложила телефон и взяла фотографию.

— Компьютерщики нашли что-нибудь ещё?

— Пока нет. Поезд, на который он сел, идёт на запад. Линия В останавливается на четырнадцати станциях между Остерпортом и Хойе Тоструп, так что он мог сойти где угодно. Они сейчас собирают записи с камер на станциях, но на это потребуется время, а пока пускай эта штука покрутится по телевизору и помелькает в газетах. Уже сейчас!

— Только что звонили криминалисты.

Шефер замер.

— Есть новости?

— Они нашли отпечатки пальцев на термостате в квартире на Сельвгаде. И они принадлежат не убитому военному.

— А кому?

— Пока не знаем, они проверяют их. Нужно просто подождать, клюнет ли. Но этот отпечаток мог оставить кто угодно! Его мама, девушка, если она у него была, или уборщица...

— Ты считаешь, эта квартира похожа на дом, куда регулярно приходила уборщица? — Шефер ехидно взглянул на неё. — Скажи, Августин, ты всегда хотела стать следователем? Твоя проникательность поражает!

— Ладно, умник, пускай не уборщица, пускай проститутка, или доставщик пиццы, или кто там ещё, я не знаю.

— Эти варианты уже более вероятны. Ещё есть что-нибудь?

— Да, мы не нашли никого, кого звали бы Кики или как-то похоже.

— Да?

— Я проверила всех членов семьи Лукаса, учителей, сотрудников школы и одноклассников и не нашла ничего, что хоть сколько-нибудь походило бы на Кики. Ближайший вариант — Киссер, бывшая сотрудница

столовой. — Августин зевнула, не прекращая говорить и даже не прикрыв рот рукой. — Но она переехала в Сёндерборг полтора года назад, так что она едва ли нас интересуется.

— А что там семья этого дебошира?

— Токе?

— Да. Ты связалась с его родителями?

— Да, сегодня вечером. Я проезжала мимо их квартиры на улице Клессенсгаде.

— И?

— Похоже, они совсем того. Отец, по всей видимости, в этом доме просто массовка, всем заправляет мать. Она как-то даже слишком обрадовалась визиту полиции. Ей было ужасно интересно побывать на допросе в ходе расследования. Теперь ей будет чем поделиться с другими курицами в салоне.

— В салоне?

— Она женский парикмахер. Работает в одном из люксовых салонов на улице Готерсгаде. Но ничего нужного для расследования она не сказала.

— А что насчёт мальчика?

— Токе?

Шефер кивнул.

— Пока я была там, он чуть не по потолку прыгал. Совершенно очевидно, что у него целая охапка диагнозов. Мать мне все перечислила, но я потеряла нить повествования уже после третьей аббревиатуры. Я попыталась поговорить с ним о Лукасе, но он отвечал совершенно не на те вопросы, что я задавала. Пустая трата времени.

— Думаешь, в этой семье нам ловить нечего?

— Я думаю, в этой семье *никому* ловить нечего, не только нам.

Пришло СМС. Шефер достал телефон из заднего кармана брюк. Это была Элоиза Кальдан.

Мы можем встретиться завтра утром? Это важно!

Шефер щурился, печатая ответ грубыми пальцами.

У тебя всё хорошо?

Да, всё отлично. В «Бистро Роял» в 9? Выпьем быстренько кофе. Это правда важно.

Договорились. Увидимся в 9.

Он убрал мобильный в карман и перевёл взгляд на Августин:

— Отправишь фотографии в СМИ? Прямо сейчас?

— Да, сэр! А ты? Домой?

— Да, но по дороге заскочу к родителям мальчика, — сказал он, направляясь к двери. — Не хотелось бы, чтобы они узнали новые подробности дела из телевизора.

Шефер распахнул дверь старомодного лифта и увидел Анну Софию Бьерре, стоявшую в проёме входной двери.

Она выглядела совершенно измождённой. Мешки под глазами, волосы как безжизненные сосульки. Спортивные штаны висели на исхудавшем теле мешком.

Казалось, будто всего за несколько дней она иссохла, и эта потеря веса делала её одновременно и древней старухой, и молодой девушкой. «Выглядит слишком юной, чтобы быть кому-то матерью», — подумал Шефер, и до него вдруг дошло, что он легко мог бы представить, как она выглядела в детстве. Но с Лукасом они были не похожи.

— Есть новости? — спросила она и вся сжалась.

— Мы его пока не нашли, — поспешил ответить Шефер. — Но в расследовании есть подвижки, которые я бы хотел с вами обсудить.

Анна София Бьерре шире открыла дверь, сделала шаг в коридор и указала, чтобы он шёл за ней.

Шефер прошёл на кухню и огляделся. Большая овальная столешница была завалена фотоальбомами. Некоторые были открыты, с их страниц на Шефера глядел Лукас.

Там были фотографии Лукаса в рюкзаке-кенгуру, Лукаса в «Леголенде», Лукаса в первый день в школе. На летних каникулах. В новогодней шапочке. В новых кроссовках. В костюме на Хеллоуин.

— Я и понятия не имел, что у вашего поколения ещё водятся фотоальбомы. — Он одарил Анну Софию мягкой улыбкой. — Думал, всё давно перекочевало в интернет.

Она попробовала улыбнуться в ответ. Выглядело это скорее как нервный тик.

Он покосился в сторону гостиной:

— Где ваш муж?

— Он последовал вашему совету.

— Какому? — Шефер встретился с ней глазами.

— Вы сказали, что нам следует попробовать выйти на работу: исправлять ошибки в домашних заданиях, сортировать медицинские карты... — Она прислонилась к дверному косяку и уставилась в одну точку над его левым плечом. Потом встряхнула головой и закрыла глаза. — Но у меня не получается.

— Он в клинике?

— Да. Мне кажется, он морально не выдерживает здесь находиться. Мы просто сидим и ждём и... с каждой минутой теряем ещё одну капельку надежды. Ещё одну капельку Лукаса. — Она огляделась. — Он здесь повсюду. Его запах в постельном белье. Его книги, его вещи. Я слышу его голос, когда закрываю глаза. — Она немного гнусавила и глотала гласные. — Я боюсь выходить на улицу, вдруг я вернусь, а он совсем исчезнет?

— Вы пьёте?

Она обернулась к Шеферу. Глаза её внезапно сделались настороженными.

— Что вы хотите сказать?

— Я имею в виду: вы *пьёте*? У вас проблемы с алкоголем?

Она издала гортанный звук и сердито покачала головой:

— Нет!

Мгновение Шефер её изучал. Красные глаза. Нечёткая дикция.

Несложно было понять людей, которые в кризисной ситуации пытались заглушить боль, заливая её спиртным или вкалывая себе в вену всякую гадость, или что им ещё могло прийти в голову. Он и вообразить себе не мог ничего хуже той ситуации, в которой оказалась сейчас Анна София Бьерре. Но от неё пахло алкоголем уже во время их первой встречи — и не только от губ, но и от кожи, от пота.

Шефер был чуть младше Лукаса, когда осознал, что его мать отличалась от остальных. Его товарищей никогда не просили захватить в магазине банку пива или бутылку вина по пути домой. Они не прятали бутылки, когда к ним приходили гости, не подметали битое стекло и не отводили матерей в постель, когда те были слишком пьяны, чтобы добраться туда самостоятельно. Они не жили — как он — в доме, где всё было нарядно снаружи и хаотично внутри.

Шефер знал, какво прятать зависимость, потому что сам делал это многие годы. *Её* зависимость.

— Лукас знает, что вы пьёте? — спросил он.

— Я не пью! — Она оборонительно смотрела на Шефера. Затем глубоко вдохнула и медленно выпустила воздух. — Я... случается, пропускаю по бокалу.

Она была делано спокойна, но Шефер слышал, как в горле у неё зарождается плач.

— Я не пью, — повторила она.

— Вы сейчас пьяны? — спросил он тихо.

— Я не пьяна, я в отчаянии, — ответила Анна София. — Чувствуете разницу?

Шефер кивнул:

— Чувствую, прекрасно чувствую. Но одно не исключает другого.

Анна София Бьерре подошла к столу и стала один за другим захлопывать фотоальбомы. Она помедлила, дойдя до последнего, и долго смотрела на фотографию Лукаса возле песочного замка на пляже. Его глаза светились гордостью. Идеальный день датского лета, семейная идиллия.

Она провела пальцами по лицу сына. Затем обратилась к Шеферу:

— Я правда пытаюсь бросить... — Её взгляд остекленел, а подбородок задрожал. — И я пообещала Йенсу, что завязала, но после всего случившегося...

Слёзы побежали по её щекам.

— Пожалуйста, не говорите ему! — взмолилась она. — Ему сейчас этого всего не вынести!

— А Лукас? Что он говорит?

— Он не знает. — Она качнула головой в подтверждение своих слов. — Я не часто выпивала у него на глазах, и алкоголя в квартире у нас больше нет. Мы условились об этом с Йенсом.

Шефер задумался, стоило ли сообщать ей, что она ошибается.

Большинство алкоголиков не замечают собственной зависимости, даже глядя на себя в зеркало, но дети могут распознать её на расстоянии нескольких километров.

Вместо этого он спросил:

— Но сегодня вы выпили?

Она кивнула один раз.

— Это Марианна, — сказала она. — Свекровь. Она заходила вечером с бутылкой коньяка. Я думаю, она хотела как лучше, хотела дать мне успокоительного. Она не знает, что я... — Она запустила руку в волосы. — Мы выпили вместе пару рюмок, и я... я вылила бутылку в раковину, когда она ушла.

Шефер подошёл к ней вплотную. Интересно, существуют ли другие факты, которые она держит в секрете от мужа?

— Анна София, если вы можете рассказать ещё что-то, что поможет нам найти Лукаса... Что угодно!

Она растерянно покачала головой:

— Я не понимаю, что вы хотите...

— Кто это — Кики?

Она открыла рот, но ничего не произнесла. Снова медленно покачала

головой, не моргая:

— Я... не знаю.

— А мне кажется, знаете.

— Нет, — ответила она, — не знаю!

Она начала собирать фотоальбомы в стопки и убирать их на полку в углу.

— Вы поэтому пришли? — спросила она, бросив стопку. — Я уже говорила вам, что представления не имею, кто это. Так что если вы...

— А что насчёт этого? — Шефер запустил руку во внутренний карман куртки и вытащил фотографию мужчины в комбинезоне. — Вам известен этот человек?

— О боже! — прошептала она. — Это же рюкзак Лукаса!

Шефер кивнул:

— Вы узнаете этого мужчину?

Она впиалась взглядом в снимок:

— Сложно сказать, я... Где это снято?

— На станции Остерпорт в понедельник, в районе шести вечера.

Она подняла округлившиеся напуганные глаза:

— Кто он?

— В этом я рассчитывал на вашу помощь...

Шефер услышал, как в прихожей открылась дверь. Йенс Бьерре вошёл на кухню, не снимая верхней одежды, с двумя пакетами в руках. Его светлые волосы были припорошены снегом. Как только он увидел Шефера, краска моментально схлынула с его лица.

— Есть новости?

— Мы пока не обнаружили Лукаса. Но нашли кое-что другое.

Он взял снимок из рук Анны Софии и протянул его её мужу.

— Это ещё не всё. — Шефер кивком указал на обеденный стол, приглашая их сесть. — У меня есть пара вопросов.

Он положил папку на стол.

Йенс и Анна София Бьерре сидели плечом к плечу, а Шефер разместился с противоположного конца стола, чтобы видеть их обоих.

О чём-то Анна София Бьерре умалчивала, он был уверен. Но в то же время он не знал точно, делала ли она это умышленно или просто сама ещё не поняла, что сидела, вероятно, со всё решающими картами на руках.

Он открыл папку и достал фотографию Томаса Странда, сделанную в провинции Гильменд в Афганистане несколько лет назад. Фото было обрезано там, где камуфляжные штаны Странда доходили до ботинок. На

нём была плотно облегающая чёрная футболка. Сложив руки на груди, он прислонился спиной к пыльной от песка стене здания. По его мускулистым плечам пожаром бежали татуировки в стиле «трайбл», между чётко очерченных грудных мышц висел армейский жетон.

Он выглядел загоревшим. На лице играла самодовольная улыбка, а во взгляде ледяных голубых глаз читалось высокомерие.

Шефер подтолкнул фотографию на середину стола.

Йенс Бьерре взял её. Шефер не заметил по его взгляду, чтобы он узнал человека на снимке.

— Вы знаете, кто это?

Йенс Бьерре покачал головой и взглянул на жену. Та приблизила лицо к фотографии и прищурилась.

— Я точно не уверена...

— Кто он? — спросил Йенс Бьерре.

— Его зовут Томас Странд. Вам что-то говорит это имя?

Йенс Бьерре вопрошающе посмотрел на жену:

— Ты его знаешь?

Она неуверенно склонила голову:

— Нет, не думаю.

Взяла снимок у мужа и всмотрелась внимательнее.

— Но такой тип часто встречается на улице. Бритая голова, татуированные руки... Не могу утверждать, что никогда не встречала его здесь, в Ньюавне. Мне кажется, кафе и бары на том берегу канала полны таких людей...

Она снова подняла глаза на Шефера:

— Почему вы спрашиваете? Какое отношение он имеет к нам?

— Я надеялся, что вы мне это расскажете, — признался Шефер. Он откинулся на стуле и вперил взгляд в Анну Софию, пытаясь спровоцировать её на реакцию.

Она смотрела на него непонимающе:

— Я?

Йенс Бьерре поворачивал голову то к жене, то к Шеферу. Его пустой взгляд выражал замешательство.

— Какое отношение он имеет к пропаже Лукаса? — спросил он. — Фия, скажи мне, что здесь творится!

— Откуда же мне знать?! — всплеснув руками, она посмотрела на Шефера. — Кто он?

— Он военный. Или точнее: *был* военным. Старший сержант Томас Странд.

— Был? — спросил Йенс Бьерре.

— Да. Он мёртв. Его застрелили в его собственной кровати в промежутке между воскресеньем и вчерашним утром.

Йенс Бьерре смотрел на Шефера так, как будто тот перечислял ему случайные числа.

— Но какое отношение это имеет к *Лукасу*? Мы понятия не имеем, кто он, этот... этот человек, — он кивнул в сторону портрета Странда. — Мы никогда не встречали тех, кто...

— Отношение самое прямое. — Шефер указал на фотографию: — На куртке, которую мы нашли в Кастеллет, его кровь. На куртке Лукаса.

Йенс Бьерре прикусил губу, а Анна София закрыла рот руками.

— Его кровь? — прошептала она.

Шефер кивнул.

— Лукас отсутствует с утра понедельника, — он начал загибать пальцы, — Томаса Странда застрелили. Его кровь на куртке Лукаса. Куртку нашли в Кастеллет. Для меня это означает две вещи: во-первых, между этими событиями есть связь, и во-вторых, в них вовлечен некто третий.

Анна София отняла руки от рта.

— Третий?

— Да. Мы не думаем, что Странда застрелил Лукас. Предполагаю, что в этом замешан он.

Он положил снимок мужчины в комбинезоне рядом с фотографией Томаса Странда.

— Так что вопрос звучит следующим образом: мужчина, который в понедельник вечером сел на поезд с рюкзаком Лукаса за спиной, — кто он? И что связывает вашего сына — или вас — с ним и с Томасом Страндом?

— Где он живёт? — Йенс Бьерре кивнул на портрет солдата. — И где бывает?

— Что вы подразумеваете под «бывает»?

— Я имею в виду: ходят ли его дети в школу Нюхольм? Может, я встречал его в юности, когда жил в Роскилле? Что-то в этом роде!

— Он родился и вырос в Южной Ютландии. У него нет ни жены, ни детей, и он жил на улице Сёльвгаде, неподалеку от Нюхольма. Говорит ли вам это о чём-нибудь?

Они оба молча смотрели на Шефера. Анна София вновь покачала головой.

— Он... — казалось, Йенса Бьерре затошнило, и он громко сглотнул, — он педофил?

— На это ничто не указывает, — заверил его Шефер. — В его

биографии подобные эпизоды отсутствуют, и в квартире мы также не нашли ничего, что свидетельствовало бы о его увлечении детьми в этом ключе.

Шефер подумал кое о чём. Обвёл взглядом кухонные полки в поисках сухих смесей для завтрака. Заметил стеклянные банки с изюмом и овсянкой, стоявшие возле тостера.

— Лукас любит «Коко Попс»?

Анна София Бьерре непонимающе подняла брови:

— «Коко Попс»?

— Да, знаете, такой воздушный рис с шоколадом, который дети едят на завтрак.

Она пожала плечами:

— Может, и любит, конечно, но дома у нас такого нет. Почему вы спрашиваете?

Шефер покачал головой, уголки рта у него опустились.

— Просто пытаюсь сложить кубики.

Анна София опустила взгляд и долго всматривалась в лицо Томаса Странда на фото.

Шефер заметил нечто, мелькнувшее в её взгляде. Она что-то заметила.

Он выпрямился на стуле.

— Что вы увидели?

— Этот снимок... Где он был сделан?

— В Кэмп Бастионе, это бывшая военная база Великобритании и Дании в Афганистане. А что?

Йенс Бьерре моментально поднял голову и взглянул на Шефера в упор.

— Когда? — Он забрал у жены снимок.

— Этого я не знаю. Странда посылали в Афганистан несколько раз. А что?

— А ты там когда был? — спросила Анна София, глядя на мужа.

Шефер сдвинул брови.

— Когда вы были... где?

Он уже выяснял, могли ли пути Йенса Бьерре и Томаса Странда пересечься во время их службы в армии, и понял, что это был не тот случай. Йенса Бьерре в своё время освободили от службы, никто в его семье также не служил.

— В Афганистане. Я был там несколько раз, последний — пару лет назад. Вы уверены, что снимок сделан там?

— Да.

— В Кэмп Бастионе?

Шефер выпятил подбородок и изучающе посмотрел на собеседника.

— Я думал, вы не служили?

— Совершенно верно. Но мне доводилось там бывать много раз в составе «Врачей без границ»^[52].

Ладони у Шефера стало покалывать.

— Значит, вы работали в зоне боевых действий?

Утвердительный кивок.

— В каких странах вы побывали?

— Кроме Афганистана я бывал в Судане. Нигерии... Замбии... Один раз ненадолго ездил в Сирию, пока туда не стало сложно добираться по гуманитарным каналам.

— И в Сьерра-Леоне, — вставила Анна София.

— Да, ещё в Республике Сьерра-Леоне.

Шефер мысленно вычеркнул африканские страны. Он знал, что Томаса Странда несколько раз посылали в Афганистан и Ирак, но он не был уверен, что тот бывал в Сирии.

— Давайте остановимся на Афганистане, — сказал он. — Когда это было?

— Я был там несколько раз. Последний раз, кажется, в тринадцатом году. Да? — Он посмотрел на жену. — Во всяком случае, точно до того, как Лукас пошёл в школу, потому что я помню, как он однажды нарисовал меня в военной форме, когда ходил в детский сад. Кто-то из детей постарше услышал, что я ездил в Афганистан, и они внушали Лукасу, что я военнослужащий. Помнишь?

Анна София Бьерре улыбнулась мужу и кивнула.

— Что происходило, пока вы были там? — спросил Шефер.

— Что происходило... — Йенс Бьерре смотрел на него отсутствующим взглядом. — Вы когда-нибудь бывали в зоне боевых действий?

Шефер утвердительно кивнул:

— Да, этого врагу не пожелаешь. Но я имел в виду другое: там могло случиться что-нибудь, имеющее отношение к нему? — Он указал на фото. — Вы бывали в Кэмп Бастионе?

— Да, пару раз. Мы посещали датские подразделения, чтобы просто увидеться с соотечественниками. Но размещались мы в другом месте. У «Врачей без границ» есть больница в городе Кундуз в северном Афганистане, и я работал там.

— И вы не помните, чтобы встречались с этим парнем?

Йенс Бьерре взял фото и вновь стал пристально изучать его.

— Нет, я... ну, все друг на друга похожи в одинаковой одежде, и

многие брили голову или, во всяком случае, носили очень короткие стрижки, у многих были татуировки. Вполне возможно, что мы встречались, но я этого не помню.

— Пока вы были на этой военной базе, происходило ли что-то необычное?

— Как что, например?

Шефер развёл руками.

— Не ругались ли вы с кем-нибудь? Не было ли между вами и кем-нибудь из солдат конфликтов?

— Бывали обычные политические разногласия между нами и ребятами в форме, но они ведь есть всегда. Мы об этом громко не кричим, но они же всё равно всё понимают.

— Какого рода политические разногласия?

— Мы едем в Афганистан спасать жизни, а они едут туда убивать.

Горячая волна возмущения поднялась по горлу Шефера, и старые армейские товарищи, и живые, и погибшие, пронеслись перед его мысленным взором. Солдаты, которых он уважал. Которых любил.

— Я полагаю, что ваша точка зрения многих может спровоцировать, — сказал он, овладев собой.

— Возможно, — Йенс Бьерре кивнул и отложил фотографию Томаса Странда. — Но это не делает её менее верной.

Хотя уже близилась полночь, Элоиза застегнула бюстгальтер и надела джинсы. Ей пришлось пару раз подпрыгнуть, чтобы натянуть их на бёдра как следует и застегнуть. Показалось, будто они уже начали давить — или у неё просто разыгралось воображение? Она нашла серый свитер в шкафу и натянула его через голову.

— Тебе холодно? Закрыть окно? — спросил Мартин.

Он сидел на подоконнике, завернувшись в пуховое одеяло, и выдыхал сигаретный дым в оконную щель, стараясь не загрязнять воздух в помещении.

Элоиза считала, что толку от этого было мало. Вся квартира и так пропахла его сигаретами.

— Нет, всё в порядке, — ответила она. — Я собираюсь сгонять на работу.

Мартин нахмурился и взглянул на часы:

— Сейчас? Я думал, мы уже будем ложиться?

— Оставайся спать у меня. Я забыла ноутбук на пассажирском сиденье машины, которую брала сегодня на работе, его нужно забрать.

— А ты не можешь забрать его с утра?

Элоиза покачала головой:

— Не хотелось бы рисковать: вдруг украдут? И мне в любом случае не спится, так что я лучше поработаю. Ты же меня знаешь: когда слова хотят на свободу, нужно их выпустить.

Правда заключалась в том, что в данный момент никаких слов не было. Обычно они бурлили в ней, как пузырьки в газировке, они стремились к поверхности, наверх. На свободу!

Сейчас же она ощущала себя скорее стоячей водой в болоте. Мёртвой. Неприкаянной. Это было чужеродное чувство, и оно ей не нравилось.

— Окей. — Мартин с щелчком выкинул окурок из окна и поднялся. — Где ты припарковала машину? Я принесу твой ноутбук.

— Так не выйдет.

— Почему?

— Потому что ключ лежит в ящике стола в редакции, сначала нужно забрать его.

— Но ведь ночь на дворе! Ты вообще сможешь пройти в редакцию?

— Да, разумеется. — Элоиза улыбнулась чуть покровительственно. —

В редакции новостей круглые сутки дежурят сотрудники. Или ты думал, что все возвращаются домой к обеду, и бог с ними, с новостями?

Мартин пожал плечами.

— Кто же вас, журналистов, разберёт.

— Тебя просто раздражает, что ты не можешь управлять нами из Кристиансборга.

— Мне *отлично* удаётся управлять теми тугодумами, что толкутся в самом Кристиансборге, — сказал он, прижимаясь к Элоизе. — Только тобой мне не удаётся управлять.

— Тсс! Слышишь? — Элоиза сделала вид, что что-то услышала, и прижала палец к губам.

Мартин отстранился.

— В чём дело?

— Послушай!

Завывающий ветер громыхал навесом, прикреплённым к крыше над балконом.

— Звук такой, будто лисель ^[53] оторвало и он болтается, — сказала Элоиза и изобразила задумчивость. — О, у меня идея! В кухонном ящике лежит несколько пластиковых креплений, и если ты побудешь солнышком и приделаешь парус на место, пока меня нет, нам не придётся слушать этот грохот всю ночь! — Она лучезарно улыбнулась. — Правда, гениально?

Мартин саркастически выгнул бровь.

— Значит, вот на что я гожусь?! На постель и мелкий ремонт, пока ты на работе? А у меня, знаешь ли, тоже есть чувства.

Элоиза рассмеялась, запечатлела поцелуй на его губах и вышла из квартиры.

Конни положила руки на плечи Шефера и уверенными движениями принялась массировать его затёкшую шею.

С момента возвращения из дома Бьерре прошло полчаса, и он сидел за своим маленьким, выкрашенным чёрным лаком рабочим столом и заново просматривал детали дела.

Он откинул голову и закатил глаза.

— Как такое могло случиться, что я уже хочу в отпуск, хотя только что из него вернулся? — вздохнул он.

— Это все здешний сумрак. — Конни поцеловала его в лоб. — Он высасывает из тебя жизнь, малыш.

— Ммм, — пробурчал он. — Давай обратно уедем?

— Мы можем вернуться в октябре. Или ненадолго слетать уже на Пасху.

— Нет. — Он повернулся на вращающемся стуле и обнял её за бедра. — Я имею в виду, давай переедем! Продадим этот дом, наплюём на всё и просто уедем!

Конни села ему на колени и зажала его лицо между ладонями. Когда её нежная кожа касалась его щетины, раздавался шуршащий звук. Она улыбнулась и провела пальцем по его нижней губе.

Шефер ощутил исходящий от неё аромат ванили и эвкалипта. Глубокие, деликатные ноты надёжности. И тепла.

Она быстро его поцеловала.

— Опять наступило это время года?

— Что ты имеешь в виду?

— Рождество позади, зимние каникулы тоже, и в ближайшие пару месяцев — а то и больше — ты повесишь голову и будешь всё ненавидеть.

— Кроме тебя!

— Это взаимно!

— И жили они долго и счастливо и умерли в один день, — улыбнувшись, подытожил Шефер.

Конни прижалась к мужу.

— Мы не можем уехать, ты это прекрасно знаешь, малыш.

— Почему это?

Она кивнула на его папку и прочие рабочие бумаги, раскиданные по столу.

— Вполне возможно, сию минуту тебе и хочется всё бросить... но на самом деле не хочется. At least not yet^[54].

Шефер потёр глаза и зевнул. Добавить было нечего. Оба знали, что Конни права.

— Что это? — она положила руку на стопку фотоальбомов на столе.

— Это снимки семьи Бьерре за последние пять лет.

— Тебе их дали родители мальчика?

— Да, я их одолжил у них.

— Приятные люди?

— О ком ты?

— О его семье.

Шефер пожал плечами.

— Пожалуй что... Сложно составить полноценное впечатление о людях, которые находятся в кризисной ситуации. Но отец крепко держится за своё видение мира, мне кажется.

— В чём это выражается?

— Он занят в «индустрии добра»: он один из тех, у кого, знаешь, правильный взгляд на мир. *Правильные ценности*, — последнее предложение далось ему нелегко, пришлось его почти выдавить. — Это тот тип личности, который не желает признавать, что мир иногда бывает чёрно-белым и что существуют конфликты, которые нельзя разрешить, просто усевшись в круг и затянув «Imagine»^[55]. Сегодня этот парень довольно недвусмысленно дал мне понять, что считает наших военных убийцами, которых финансируют налогоплательщики.

— Неужели?

— Не дословно, конечно, но было ясно, что именно он имеет в виду.

Она обняла Шефера за шею.

— А кем он работает?

— Доктором. Он сотрудничает с организацией «Врачи без границ».

Конни даже не пыталась скрыть улыбку.

— Герой, значит? Тебя раздражает его геройство?

— Безупречный в собственных глазах академик, который — надо воздать ему должное — спасает жизни, и спасибо ему за это! Но это не даёт ему права поливать грязью военных. Они, чёрт побери, жизнью рискуют за эту страну!

— Ладно, ладно, — улыбнулась Конни. — А мама мальчика, она какая?

— Она выпивает. Это для меня как красная тряпка. — Он

многозначительно взглянул на Конни.

Она запустила пальцы в его волосы и ответила не сразу.

— Но её проблемы с алкоголем не делают её обязательно плохим человеком.

Шефер промолчал. Ему не хотелось развивать эту тему. Не сегодня.

— Пойдём ложиться? — спросила Конни, поднимаясь.

— Я приду чуть попозже. Я только что отправил фото подозреваемого в прессу, телефон начал звонить, так что...

— Ключёт? Есть улов?

— Пока нет. На настоящий момент встрепенулись только обычные шизики, так что полезной информации пока нет, но кто нам запрещает надеяться?

Конни поцеловала его на ночь и отправилась в спальню.

Шефер снова сделал пол-оборота на кресле и вперил взгляд в свои записи. Факты не сходились. В течение следующего часа или чуть дольше он пытался собрать пазл. Держа фото ворот амбара в руке, он просматривал фотоальбомы один за другим, сравнивая пейзаж на снимке с тем, что видел в альбомах. Пытался найти совпадения.

Затем открыл ноутбук и вбил в окно поиска «парейдолия». Нажал на ссылку, которая всплыла на экране первой, и прочел:

Парейдолия (парейдолическая иллюзия) — феномен в психологии. Проявляется в том, что случайные зрительные впечатления воспринимаются как определённые. Разновидность зрительной иллюзии — глаз распознает образ там, где в действительности его нет, и формирует иллюзорный образ.

Шефер водрузил локти на стол, опёрся лбом на костяшки пальцев и задумался.

Может, именно это и происходит прямо сейчас?

Он пытается распознать образ там, где его, в сущности, нет?

Он до того поглощён поиском связи, что ищет не там?

Схватив папку, Шефер начал заново.

Элоиза натянула вязаную шапку на самые уши и, надев кожаные перчатки, пешком отправилась в редакцию.

Она повернула направо на опустевшую улицу Стоппе Конгенсгаде, которая тонула в темноте. Лишь одна одинокая машина аккуратно выруливала вниз по скользкой от снега дороге. Каждый раз, когда включались стоп-сигналы, машину заносило в сторону, и она съезжала к краю тротуара. Водитель сбрасывал скорость, останавливался, и всё начиналось заново.

Других автомобилей не было видно. Людей тоже.

По пути она поздоровалась с Мраморной церковью. Нежный кивок старому другу. С самого детства она ходила в эту церковь раз в неделю, но с последнего посещения минуло уже полтора месяца. На Рождественской службе она отдала бутылку портвейна — привычный подарок — старому церковному сторожу Бобо, но на башню не поднималась. С прошлого года — ни единого раза.

Бобо принял её со всей сердечностью и задушевым тоном заметил, что она в последнее время редко появляется в церкви.

— Подумал бы, что ты нас совсем позабыла, если бы не знал, что это не так, — сказал он полушутя и заискивающе улыбнулся.

Элоиза подняла глаза на башенку, которая росла из широкого купола. Где-то там, на потемневшей меди, были нацарапаны их с отцом инициалы как воспоминания о счастливом детстве. Детстве, которое было противовесом взрослой жизни, которая не складывалась.

«Я не забыла», — прошептала она и прибавила скорость.

Свет в редакции «Demokratisk Dagblad» горел, но приёмная стойка пустовала. Элоиза провела карточкой по электронному считывателю и вошла.

Она открыла дверь в редакцию Отдела новостей на втором этаже и оглядела состав ночной смены. Там сидели три журналиста, фотограф и дежурный. Пара человек водрузили ноги на столы, откинувшись на стульях и зажав в руках кофе. Над ними в ряд висели телеэкраны, настроенные на разные каналы новостей: «ТВ2 Новости», «Си-эн-эн», «Би-би-си» и «Аль-Джазира».

Никто из журналистов не обратил на неё внимания — они были

полностью поглощены экранами.

Три канала работали беззвучно, тогда как звук «Би-би-си» был включен на полную. Там передавали *breaking now*^[56] о землетрясении в Пакистане: магнитуда 7,4 балла по шкале Рихтера. Карачи лежал в руинах, покрытые слоем пыли окровавленные жители бежали по улице, тогда как тысячи уже погибли или были погребены под обломками зданий.

Через несколько секунд «Аль-Джазира» прервала эфир ради тех же кадров. Их примеру последовал «Си-эн-эн».

Элоиза покосилась на экран с «ТВ2 Новости». Они продолжали вещать о кронпринце и о какой-то почётной награде, которой тот удостоился за что-то общественно полезное.

Она отсчитала десять ударов сердца.

Эфир прервал очередной выпуск новостей о том, насколько правильным решением было потратить деньги налогоплательщиков на новый медицинский вертолёт в Южной Дании. Пара политиков из разных партий разгорячённо жестикулировали на беззвучном экране, пару слов удалось вставить даже местному фермеру — на всякий случай их снабдили субтитрами, чтобы жители Копенгагена не потеряли нить разговора, отвлекшись на его диалект.

В нижней части экрана землетрясение удостоилось целых семи слов в горизонтальной бегущей строке вместе со второстепенными новостями.

Элоиза покачала головой.

«Страна с открытки, — подумала она, — и проблемы у неё открыточные. Однажды реальный мир постучится к нам в дверь. Вот уж неприглядное будет зрелище».

Она покинула редакцию новостей и поднялась по лестнице на четвёртый этаж, где располагались рабочие места журналистов-расследователей, редакция отделов культуры и стиля жизни.

Она толкнула дверь в оупен-спейс офиса и осмотрелась. Весь свет на этаже был отключен, только свет фонарей на Сторре Страндстредде слабо пробивался сквозь оконные стёкла.

Элоиза привычным шагом подошла к своему письменному столу и включила настольную лампу. Ключ от «Форда» лежал возле её рабочего стационарного компьютера. На столешнице валялось несколько бумаг, а на клавиатуре — жёлтый стикер. Привет от Могенса Бётгера.

Моя история выстрелит уже завтра. В 17 часов будем совершать возлияние шампанского в «Кларродс и Ко». Be there!

[57]

Элоиза улыбнулась.

С годами у них с Могенсом Бётгером появилась традиция звенеть бокалами, когда им удавалось опубликовывать серьёзные статьи. Всегда в «Кларродс и Ко», винном баре напротив редакции, и всегда — с шампанским.

Те дела, которые, возможно, всколыхнут что-то в обществе, разоблачения, которые имели потенциал спровоцировать реформы, всегда отмечались походом в винотеку. Но в последний год стало скорее правилом, чем исключением, что именно Бётгер, а не Элоиза, стоял за этими статьями. А так было не всегда.

Она включила компьютер и вошла в локальную сеть газеты. Там сохранялись статьи на следующий день и свёрстанные развороты. Она нашла статью Бётгера и прочла.

Он не преувеличивал. Это была настоящая бомба.

Элоиза испытала знакомое чувство, которое вспыхивало в ней, когда она читала статьи Бётгера — слепое преклонение с толикой зависти.

Статья напомнила ей, что сейчас она ощущала себя профессионально импотентной. Статья о ПТСР официально была ликвидирована, а о деле Лукаса Бьерре она тоже ещё не написала ни строчки. «Бритни» не было припасено, набросков статьи — тоже. Она несколько раз садилась за монитор, пытаясь выдавить из себя какие-нибудь слова, но ничего интересного на экране так и не возникало. Единственное, что могло считаться попыткой «журналистского расследования», была поездка в Рёрвиге, но и та закончилась провалом.

Она прекратила самоуничижение и выпрямилась на стуле.

Соберись, чтоб тебя. Сдуй с плеч пыль, возьми ноутбук и пиши статью!

Она отправила Бётгеру сообщение, в котором выражала восторг по поводу проделанной работы и заверяла, что тому предстоит купаться в фонтане молодого шампанского, как только статья окажется в печати. Затем вышла из своего аккаунта и положила ключ от автомобиля в карман куртки.

Когда она поднималась со стула, её живот сверху донизу прорезала острая боль. Она согнулась и взялась за живот рукой.

Ощущение было такое, будто что-то боролось с ней изнутри. Что-то было не в порядке.

Несколько мгновений Элоиза просто глубоко дышала. Дождавшись, когда боль утихла, она выключила лампу и направилась к лестнице в другом конце помещения.

Спускаясь вниз и удаляясь от слабо освещённого коридора редакции,

она сбавила скорость. Сделала ещё пару осторожных шагов, прислушалась. Затем остановилась.

Чьё-то присутствие в помещении отозвалось холодком, побежавшим по спине.

Она услышала какой-то звук? Или заметила какое-то движение?

Элоиза повернула голову и оглядела тёмный офис. Она ощущала контуры пустых письменных столов, разделённых низкими простенками и книжными полками.

Никакого движения. Ничто не прерывает струящийся с улицы свет.

— Эй? — спросила она в полный голос. — Есть здесь кто-нибудь?

Сглотнув, она сделала пару шагов в глубину помещения, двигаясь между столов и полок. В ушах стучал пульс, но кроме него она не слышала ни звука — разве что жужжание радиаторов вдоль стены да резкий и навязчивый женский смех на улице.

Быстрыми шагами она преодолела расстояние до выключателя. Просторное помещение редакции осветилось несколькими сотнями галогенных ламп.

Её взгляд блуждал по пустому помещению. Ничего необычного.

А затем она слова услышала звук. Станный, *влажный* звук.

Затаив дыхание, она посмотрела в направлении звука. Он доносился из редакции Отдела стиля жизни в глубине оупен-спейса.

Редакция была частично перегороджена большой магнитно-маркерной доской, и Элоиза не видела, что находилось за ней. Но звук исходил именно оттуда. Журчание, как будто что-то медленно текло.

Элоиза заметила нож для распечатывания писем на столе. Она схватила его и крепко стиснула.

— Эй? — повторила она, продвигаясь в глубь помещения.

Именно тогда она заметила ноги. Две мясистые ступни в тесных кожаных ботинках, которые выглядывали из-под доски. Вокруг них растеклась красноватая лужа, жидкость капала откуда-то сверху.

Элоиза отпихнула доску в сторону, держа оружие наготове.

Перед ней, опершись на стол, лежал ресторанный критик Кай Клевин. Его глаза были широко распахнуты и в ужасе уставлены на Элоизу.

Вне всяких сомнений, он был мёртв. Тем не менее она приложила два пальца к его шее. Кожа ещё была тепловатой, щетинки кололи пальцы.

Пульс отсутствовал.

Она обвела помещение взглядом. Перед Каем было расставлено восемь бутылок красного вина от разных производителей и восемь в большей или меньшей степени пустых бокалов. Пара бутылок были

опрокинуты и зажаты его тяжёлым корпусом. Белая рубашка впитала разлившееся вино, ткань на груди была влажной и красной. Остатки виноградной крови образовывали на поверхности стола небольшое озерцо вокруг Кая и медленно стекали ему на брюки, а с них на пол.

Должно быть, он умер всего за несколько минут до прихода Элоизы.

На экране перед Клевином курсор мигал на открытом документе с ключевыми словами и короткими предложениями, которые описывали разные вина. Последняя строчка, которую он написал, была рецензией на стокроновую бутылку американского «Шираза»:

Вино для свинского праздника с Коста дель Калифорния. Вне всяких сомнений, станет бестселлером среди отребья. Деньги на ветер, жизнь на ветер.

Тыльной стороной ладони Элоиза провела у себя под носом и оглядела редакцию.

Оставалось только одно.

Она нашла свой мобильный.

— Здравствуйте, меня зовут Элоиза Кальдан. Я журналист из «Demokratisk Dagblad». Я только что обнаружила своего коллегу, Кая Клевина, — это наш ресторанный критик. Он мёртв.

Она посмотрела на внушительное тело Клевина.

— Я точно не знаю, — сказала она, — но предполагаю, что у него оторвался тромб.

Она назвала адрес и завершила вызов. Затем села на офисный стул поблизости и, медленно поворачиваясь из стороны в сторону, стала смотреть на мёртвое тело. Ей вспомнился внук, которого он неделей раньше приводил на работу. Элоиза знала, что у Кая четверо взрослых детей. Четыре семьи, и все они получают один и тот же страшный звонок от полиции в течение ночи.

Она снова почувствовала болезненный укол в животе и положила на него ладонь. На этот раз сомнений в том, что это означало, не оставалось.

Элоиза поднялась и подошла к окну, ожидая карету «Скорой помощи».

Когда та остановилась перед зданием редакции, у неё началось кровотечение.

— Ну что, Эрик? Дело движется?

Шефер оторвал взгляд от бумаг и удивлённо приподнял подбородок. Перед ним стояла бывший полицейский психолог Микала Фриис и протягивала ему бумажный стаканчик из «Кофферии». Свободно охватывавший её запястье «Ролекс» соскользнул к самой кисти.

Она как всегда была в чёрном, Шефер никогда не видел её в другом образе. Джинсы сидели на тонких ногах в обlipку, а длинные волосы были заправлены в круглый воротник свитера под тренчем.

— Вот это да! — улыбнулся Шефер. Он поднялся, взял кофе и протянул ей свою большую руку. — Сколько лет, сколько зим!

Микала Фриис улыбнулась в ответ и пожала протянутую руку. Затем прищурилась.

— Ну не слишком уж много, правда?

Он пожал плечами и поправил ремень.

— Зависит от того, зачем ты пришла: просто поздороваться или чтобы совать нос в мои дела.

Она отставила в сторону стакан с кофе, расстегнула пальто и бросила его на пустой офисный стул напротив Шефера.

Августин ещё не приходила. Времени было только начало восьмого утра. Даже для Шефера рановато, но он уже два часа был на ногах. Было более чем удивительно, что Микала Фриис совершенно случайно проходила мимо, прихватив лишнюю чашку кофе. Шефер догадался, что начальник Полицейского управления Пер Карстенсен взял её в оборот, не посоветовавшись с руководителем расследования.

Их взгляды встретились, Микала кивнула.

— Они посчитали, что тебе может понадобиться моё содействие.

Она провела рукой по волосам. «С последней встречи они стали длиннее, — заметил Шефер, — и светлее».

Он приподнял бровь:

— Они? Кто это они?

— Карстенсен.

— Ах вот оно что. Но располагаешь ли ты временем на такую ерунду? Разве какой-нибудь инвестор или спекулянт не испытывает сейчас острой необходимости в твоей помощи?

Микала снисходительно улыбнулась.

Она сознательно позволяла себя поддевать, когда это могло растопить лёд, — и это помогало. Шефер не подпустил бы её к расследованию, не отвесив предварительно несколько вербальных оплеух в качестве приветствия. Но он отнюдь не был против её видеть. Удивлен — о да! — и немного насторожен, но он лучше, чем кто-либо другой, знал, что иметь Микалу Фриис в команде по расследованию убийства было огромным преимуществом.

Она была одним из ведущих экспертов страны по составлению психологических портретов преступников, их жертв, да и любых людей вообще. До недавнего времени Шефер уважал её больше, чем большинство своих коллег в Следственном отделе. За годы работы их пути многократно пересекались, когда она на полную ставку работала аналитиком в полиции, и они сотрудничали во всех громких делах об убийствах, в расследовании которых Шефер принимал участие за последние десять лет.

Но в настоящее время она в основном работала на фрилансе и преимущественно в частном секторе. Она анализировала и составляла психологические портреты для полиции лишь временами, а большую часть пороха тратила на крупные компании, которые по той или иной причине хотели составить себе впечатление о потенциальном клиенте или конкуренте. В частном секторе водились деньги — *большие* деньги, — и, наверное, из-за этого Шефер и ощущал, что ему дают ботинки. Он не мог понять, как женщина с талантами Микалы Фриис может желать тратить свою жизнь на хлещущих шампанское идиотов и уродов, курящих «Коиба»^[58]. Кроме того, её уход из полиции означал, что ему придется довольствоваться второсортным специалистом в ходе большинства расследований убийств, и ему было сложно её не упрекать.

— Ещё что-нибудь хочешь сказать? — осведомилась она с улыбкой и развела руки в стороны, показывая, что готова к удару. — Пару апперкотов? Давай, давай, сделай это! Тебе сразу полегчает.

Он искоса на неё взглянул.

— Неее... Я представляю, что тебе и так дурно спится по ночам из-за карьеры, которую ты выбрала.

— Я сплю исключительно хорошо, спасибо!

— Вот счастливая. А я, как правило, сплю отвратительно.

— Отлично, первый этап мы преодолели. Будем здоровы! — Микала взяла свой кофе со стола и чокнулась со стаканчиком Шефера. — Ну что, начнём?

Шефер махнул рукой в сторону пёстрой магнитно-маркерной доски, которая висела в дальнем конце помещения:

— Mi casa es su casa^[59].

В течение следующего часа Шефер основательно вводил её в курс дела. Он рассказал всё, что знал о Лукасе Бьерре, об обнаружении Томаса Странда, мужчины в комбинезоне, об уликах, которые связывали их, о Яблочнике, парейдолии, «Врачах без границ» — словом, обо всём.

Сейчас Микала сидела на стуле Августин, закинув руки за шею, и всматривалась в заметки на доске за спиной Шефера.

— Что говорят твои инстинкты? — спросил он. — Кто может за этим стоять?

Она помедлила с ответом.

— Сейчас, с наскока, я бы сказала, что мы ищем человека между тридцатью и сорока годами. Кого-то, кто пережил серьёзную травму в той или иной форме...

— Нуу... Это слишком просто, тебе не кажется? — Шефер скептически взглянул на неё. — Разве не у всех бывали травмы?

Она проигнорировала его замечание.

— Возможно, он провёл детство в детском доме. И возможно, жил вдвоём с родителем-садистом или родителем, который над ним доминировал. В любом случае в его жизни была серьёзная проблема.

— Есть ли среди тех, на кого мы смотрим прямо сейчас, кто-то, кто подходит больше остальных?

Микала Фриис встала и подошла к доске, где висела фотография мужчины в комбинезоне. Она долго стояла, сложив руки на груди, и всматривалась в неё.

— Нам доподлинно известно, что в деле есть третий, — сказал Шефер. — Мальчик пропал, кровь Странда обнаружена на его куртке, а на плече мужчины, который сел в понедельник вечером на поезд, был рюкзак Лукаса. И я видел этого же человека в Кастеллет, когда мы нашли куртку. Он наш подозреваемый? Убийца Странда и похититель Лукаса?

Она пожала плечами:

— Безусловно, он может нам подходить, но мне необходимо знать больше о том, кто он и чем занимается, прежде чем высказать квалифицированное мнение.

— А какую роль в этом играет ранец Лукаса? — Шефер кивнул в сторону фотографии. — Почему этот парень вытряхнул содержимое и взял с собой пустой рюкзак?

— А кто сказал, что он пустой? — Микала Фриис посмотрела на Шефера через плечо.

— Учебники лежали в кустах.

— Возможно, он опорожнил школьный портфель, потому что ему потребовалось место для чего-то ещё?

— Например?

— Откуда же мне знать, — она всплеснула руками. — Но я точно знаю, что категорично высказываться о чем-то, чего не знаешь наверняка, — так себе занятие. Ты видишь рюкзак, видишь кусты с валяющимися учебниками и сразу делаешь вывод, что рюкзак пуст. И ты можешь быть прав! Тем не менее я утверждаю: возможно, он *не* пустой. Возможно, у него своя функция. Возможно, там предмет, который нужно незаметно доставить из точки А в точку Б по причинам, о которых мы пока не имеем представления. Знаешь ведь, что говорят о догадках?

— The mother of all fuck-ups^[60].

— Ни прибавить, ни убавить.

Шефер глубоко, всей грудью, вдохнул. Скрестил руки и откинулся назад.

— Не будем забывать о женщине, которую Лукас пару раз встречал на заднем дворе школы.

— Что там с ней?

— Кто она? И почему ты исключаешь возможность того, что преступник — женщина?

— В настоящий момент я ничего не исключаю. Я всего лишь рассказываю тебе о своих первых впечатлениях.

— Ладно. Что ещё тебя удивляет?

Она водила своим длинным указательным пальцем по нижней губе, пока думала.

— Вы исходите из теории, что кто-то забрал мальчика за зданием школы в понедельник утром, верно?

Шефер кивнул.

— Иными словами, вы не думаете, что он мог сбежать сам?

— Как и ты, я ничего не исключаю. Но если некто хочет сбежать из дому, тому должны быть веские причины...

— Как, например, мать-алкоголичка! — предположила Микала Фриис.

— Эээ, нет. — Шефер выглядел крайне скептически. — Я знаю детей, которые росли в семьях с куда более серьёзными проблемами на почве злоупотребления алкоголем — и никто не сбежал. Лично я считаю, что должно произойти нечто посерьёзнее, чем то, что происходит в семье Бьерре.

— Вообще, правда. Что ты ещё хотел сказать? Я тебя перебила...

— Да, ещё одна вещь, которая приковывает мое внимание, это то, что

следов мальчика на станции Остерпорт мы не нашли. Если некто хочет сбежать и ежедневно находится всего в нескольких метрах от места, откуда каждые две минуты отправляются экспрессы на все четыре стороны света, это наиболее очевидный путь побега. Кроме того, копилка в его комнате была доверху набита купюрами и мелочью, на семь-восемь сотен крон. Люди обычно не планируют побег без денег. И последнее: куда ему ехать?

— Я не знаю, но что-то в его исчезновении не стыкуется.

— И это...

— По показаниям свидетелей, Лукас Бьерре невероятно одарённый мальчик. Он не тот, кто по собственному желанию пойдёт куда-то с незнакомцем. Он не маленький, глупый малютка, которого можно выманить из школы пакетиком с конфетами или бесплатными яблоками, как ты предполагал ранее. Всё указывает, что в интеллектуальном плане он сильно опережает сверстников. Он превосходно знает, что ему нельзя никуда ходить с чужими. Так что я просто-напросто не верю, что какой-то незнакомец взял и выманил его со школьного двора.

— То есть его забрали силой?

— На мой взгляд, это тоже маловероятно. Представь себе преступника, который материализуется в школе, куда ходит — сколько, ты говорил, шестьсот? — детей. И сколько там преподавателей и воспитателей? Сорок? Пятьдесят? Если бы кто-то схватил Лукаса и попытался его утащить, он бы закричал, и кто-то бы услышал. Кроме того, он уже перерос диснейлендовский трюк.

— Диснейлендовский что?

— Трюк, — Микала Фриис взмахнула руками так, будто сам жест уже объяснял выражение. — В парках развлечений Америки случалось множество похищений детей среди бела дня. Обычно речь идёт о преступнике, который прячется в общественном туалете, и когда ребёнок заходит туда, его быстро отключают хлороформом или чем-то подобным.

Она описывала процедуру таким тоном, будто зачитывала вслух рецепт пирога.

— Затем они срезают кудряшки и переодевают ребёнка. Иными словами, длинноволосая девочка в красном платье за несколько минут превращается в мальчика в джинсах и белой футболке. Затем они кладут обездвиженное тело в прихваченную заранее коляску и вывозят из туалета прямо мимо папы или мамы, которые ждут своё чадо.

Она снова села на стул Августин и заложила руки за голову.

— Как правило, ребёнка ожидает ничего не подозревающий отец, так как он считает неприличным идти за дочкой в женский туалет.

Шефер помотал головой с отвращением.

— В каком мире мы живём!

Она согласно склонила голову.

— Думаешь, кто-то мог усыпить Лукаса на школьном дворе? Отравить, чтобы он потерял сознание? — Шефер вспомнил пятна варфарина на куртке. А можно ли использовать крысиный яд как одурманивающее средство?

— А что потом? — улыбнулась она. — Увёз его со школьного двора на авто? Едва ли. Он слишком большой для таких выкрутасов. Я убеждена: крайне маловероятно, что кто-то забрал его из школы против воли.

Шефер потянулся за капучино, который она принесла ему, и сделал глоток.

— Он ушёл с кем-то добровольно?

— Возможно.

— Что насчёт Кики, чью записку мы нашли у него? Что думаешь по этому поводу?

— Я вполне могу ошибаться, но у меня есть ощущение, что этот человек не имеет к делу отношения.

— Почему так?

— Потому что ты рассказал, что парень прятал листочек, который вы нашли. Он лежал в дневнике, если я не ошибаюсь?

— В тетрадке. Под матрасом.

— Дети не прячут письма и записки, полученные от людей, которые им неприятны или которых они боятся. Лукас сохранил бумажку, потому что она для него много значила. Потому что *этот человек* для него много значит. И поскольку мы не знаем, кто это — Кики, нам следует задать себе вопрос прежде, чем мы пойдём дальше: кто такой Лукас Бьерре?

Микала Фриис встала.

— Что происходит в его голове? — спросила она.

Шефер вновь подошёл к доске и остановился, уперев руки в бока. Он кивнул на фотографию амбарных ворот:

— Его очень увлекают лица, я тебе уже об этом рассказывал.

— Парейдолия.

— Да. Что думаешь?

— Я думаю, что он действительно любознательный ребёнок и хорошо понимает, как устроен мир вокруг, — и он всегда начеку! Именно парейдолия особенно интересна, так как этот феномен принадлежит к той же семье, что и тест Роршаха: это когда нужно смотреть на случайные пятна чернил и рассказывать о возникающих ассоциациях. Видишь ты

летучую мышь, лицо, женщину с широко расставленными ногами или что-то ещё. Этот тест раскрывает в человеке сокровенные и даже неосознанные мысли. Тайные желания. Величайшие страхи. Мечты.

Шефер внимательно слушал.

— Подобным образом парейдолия выводит на поверхность наши мысли и нашу личность, — продолжала она. — У всех есть способность видеть лица, но то, *насколько хорошо она развита*, варьируется от человека к человеку и зависит от образа жизни, который они ведут. Если ты в целом оптимист, который чувствует себя на своем месте и имеет мало поводов для беспокойства, тебе будет сложнее распознать узоры как лица. Но если ты страдаешь от тревожности или чрезмерно чувствителен, то лица попрут повсюду как сигналы опасности.

— Однако ничто не указывает, что мальчик страдает от тревожного расстройства или чего-то подобного, — возразил Шефер. — Чрезмерно чувствителен — возможно, но и учителя, и родители говорят, что социальные навыки у него хорошо развиты.

Микала Фриис замолчала и погрузилась в свои мысли. Повернувшись спиной к Шеферу, она принялась изучать все снимки Лукаса, висевшие на доске, один за другим. Это были фотографии из семейного альбома Бьерре.

Когда она после долгой паузы что-то произнесла, казалось, она обращается к самой себе. Шёпотом.

— Это отнюдь не счастливый мальчик.

— Извини? — Шефер устремил негодующий взгляд ей в спину.

Она повернулась.

— Он несчастен.

Шефер непонимающе покачал головой.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он указал на доску, сплошь усеянную портретами Лукаса Бьерре со всевозможных ракурсов. На всех них он улыбался.

— Парень как будто с рекламы хлопьев «Келлогс» сошёл! — сказал он. — У нас есть свидетельства людей из его окружения, учителей, членов семьи, друзей и так далее. Все в один голос говорят, что он симпатичный жизнерадостный мальчик. И талантливый. Настоящий всезнайка.

Микала Фриис отошла от доски и указала на одну из фотографий:

— Кто это снимал?

— Насколько я помню, это фотография с семейных каникул.

Он снял магнит и прочитал подпись на обороте: «Дачная жизнь. Клинт, лето 2015».

— Наверное, снимок сделал кто-то из родителей. Или бабушка, —

предположил он.

— Это единственная фотография, где он улыбается, — отрезала Микала Фриис.

Шефер непонимающе уставился на неё. Затем с некоторым раздражением указал на доску, не отводя глаз:

— Ты же видишь фотографии, которые тут висят? Я могу насчитать штук двадцать, где он улыбается.

Она покачала головой:

— Нет, ты считаешь *девятнадцать*, где он изображает улыбку, а эта... — она стукнула ладонью по снимку из Клинта, — единственная, где он улыбается по-настоящему.

— Будь добра развить свою мысль.

— Установлено, что существует восемнадцать видов улыбки, но только один из них свидетельствует о радости.

— Целых восемнадцать?!

— Некоторые являются ответом на боль или выражают страх. Другие говорят о том, что человек находится в дискомфортной ситуации. Многие люди выражают улыбкой возмущение, злость или растерянность. Иногда люди улыбаются, когда врут или когда растеряны.

— Кому придёт в голову выражать злость улыбкой?

— Например, тебе. Когда я вошла, у тебя на губах играла улыбка, которая явно говорила: «Что ты тут забыла, предательница? Я не доверяю тебе, потому что ты зарабатываешь деньги вместо того, чтобы ловить преступников».

— Ну ладно. А что тебе говорит эта улыбка? — Шефер обнажил зубы в искусственной улыбке.

— Что ты нехотя признаешь, что я знаю, о чём говорю, а ты не такой смекалистый, каким притворяешься. — Она указала на доску. — На всех этих снимках Лукас улыбается, потому что постарался улыбнуться. Это улыбка типа «скажите сы-ы-ыр», ненастоящая. Существует только одна настоящая, так называемая улыбка Дюшена.

— Можно поподробнее?

— Это единственный вид улыбки, который выражает искреннюю радость. Её невозможно подделать. Она названа в честь французского учёного, который в конце девятнадцатого века стоял за первыми задокументированными исследованиями улыбки. Его звали Гийом Бенжамен Арман Дюшен де Булонь. Посредством электростимуляции лицевых мышц он обосновал, как распознать настоящую радостную улыбку и отличить её от других.

— И как люди могут увидеть отличие?

— *Люди* видят его крайне редко. Но его вижу я. И другие специалисты, которые знают, что именно ищут.

— И что же *ты* ищешь?

— Во время искренней улыбки уголки рта ползут вверх, приподнимаются щёки. Внешняя часть круговой мышцы глаза, это место между бровью и веком, обращается вниз, тогда как внутренняя часть брови опускается. Именно эти движения создают «гусиные лапки» вокруг глаз, они же морщинки улыбки, — сказала она, указывая на собственные глаза. — Когда человек чувствует искреннюю радость и улыбается, происходит как контролируемое, так и произвольное сокращение двух мышц: так называемой большой скуловой мышцы, или *musculus zygomaticus major* — она поднимает уголки губ, — и круговой мышцы глаза, она же *musculus orbicularis oculi*, которая, в свою очередь, поднимает щёки и образует морщинки от улыбки. Первое управляется лобной долей мозга. Это осознанное движение, происходящее по воле самого человека. А другая мышца управляется лимбической системой. Понимаешь?

Она продолжила после небольшой паузы:

— То есть последний процесс человек не может запустить сам. Он реагирует только на эмоции. Иными словами, сжурьничать не получится. При поддельной улыбке, её ещё часто называют «улыбкой стюардессы», не улыбаются глаза. Только рот.

— Ты хочешь сказать, что невозможно заставить человека продемонстрировать морщинки Дюшена, просто взяв фотоаппарат и попросив его улыбнуться?

— Если тот, кого ты фотографируешь, уже пребывает в хорошем расположении духа, то получится. И если речь идёт о человеке, который в целом часто испытывает чувство радости. Об оптимисте, который считает мир чудесным местом. Тогда, чтобы импровизировать на тему настоящей улыбки, ничего особенного не потребуется. В большей степени это касается детей, которые чувствуют радость жизни в несоизмеримо большей степени, чем взрослые. Но этот мальчик... — она указала на Лукаса Бьерре, — он не счастлив и не радостен.

Шефер задумчиво почесал щетину.

— О чём думаешь? — спросила она.

— Я думаю, что давно не вёл дел, где все улики настолько бы не сходились. У нас тут пропавший ребёнок, мёртвый солдат и неизвестный в комбинезоне. Все они тем или иным образом связаны, но никто не может сказать мне как. И в довершение всего все вокруг утверждают, что мальчик

— это человек, который идёт по жизни смеясь, но вот приходишь ты и говоришь, что его жизнь ужасна.

Микала Фриис бросила взгляд на «Ролекс», и на её лице отразилась досада.

— В чём дело? — спросил Шефер.

— У меня назначена встреча через полчаса, так что мне, к сожалению, пора бежать.

Шефер вспомнил про свой собственный уговор с Элоизой и посмотрел на собственные наручные часы, дешёвые «Касио», которые он носил с начала девяностых.

Она накинула тренкот, собрала ксерокопии, которые Шефер ей распечатал, упаковала их в чёрную кожаную сумку и посмотрела на Шефера:

— Я ещё раз взгляну на это вечером и дам тебе знать, если будет, что добавить.

Шефер протянул руку:

— Спасибо, Микала. Очень ценю. И знаешь, мы по тебе скучаем! И если ты в один прекрасный день решишь вернуться на полную ставку... — Он широко развёл руки, показывая, что ей всегда рады.

Она кивнула:

— Возможно, когда-нибудь...

На пути к выходу она развернулась и посмотрела на Шефера:

— Я же даже не спросила тебя, как дела у Конни?

Шефер удивился:

— Конни? У неё все хорошо... Да, всё своим чередом.

— Still The One^[61]?

Он медленно кивнул, удивлённый вопросом:

— Still The One.

— Увидимся, Эрик. — Микала Фриис слегка улыбнулась.

Шефер смотрел, как удалялась копна длинных светлых волос, и думал про восемнадцать видов улыбки.

Которой из них она только что ему улыбнулась?

Элоиза вернулась домой в районе двух часов ночи, когда сотрудники «Скорой помощи» увезли труп Кая Клевина. Мартин лежал на двуспальной кровати и похрапывал, когда она бесшумно отперла входную дверь к себе в квартиру.

Она долго принимала обжигающе горячий душ, смыла кровь и всем телом почувствовала облегчение. Ощущение струилось, как мелкий морской песок сквозь пальцы.

Всё разрешилось само собой. Даже природа поняла, что в матери кому-нибудь она не годилась.

После душа ощущение было такое, будто ей сделали необходимую инъекцию. Слова вернулись обратно, желание работать забурлило. Остаток ночи она писала статью о деле Лукаса Бьерре, работу над которой откладывала двое суток. Когда Мартин проснулся, она всё ещё сидела за монитором.

Она рассказала ему о Кае Клевине, беззаботно отмахнувшись от его выражений беспокойства о ней.

— Люди умирают, жизнь заканчивается, так устроен мир! Не волнуйся за меня, у меня всё в порядке.

Мартину оставалось только уйти на кухню, покачивая головой. Он вернулся несколько минут спустя, неся поднос с поджаренным хлебом, яйцами всмятку, кофе, апельсиновым соком и свежими газетами.

— Ты же не спала всю ночь. — Он начал накрывать на стол. — И, наверно, умираешь от усталости?

Она посмеялась над выбранными им словами и покачала головой:

— Нет, но кофе выпью с превеликим удовольствием.

Он сел напротив Элоизы, налил кофе и протянул ей чашку.

— Ты уверена, что нормально себя чувствуешь? У тебя наверняка шоковое состояние.

— У меня всё прекрасно. — Она снова повернулась к экрану и продолжила писать. — И я бы не назвала шоком то, что люди, которые в течение жизни не отказывают себе в еде и алкоголе, умирают. Им так на роду написано.

— Всё так, но... Тем не менее. — Он пожал плечами. — А что твои коллеги? Ты разговаривала с другими сотрудниками?

— Я позвонила Миккельсену, и он моментально прилетел. Был

совершенно уничтожен. Они проработали вместе лет тридцать... Он только что прислал мне сообщение, что похороны состоятся в воскресенье.

— В *это* воскресенье? То есть послезавтра?

Элоиза рассеянно кивнула, стуча пальцами по клавиатуре.

— А где?

— В Мраморной церкви. Большой балаган разведут, с канапе и погребальным пивом в «АОС». Это тот ресторан, у которого мишленовская звезда, помнишь? Совершенно в духе Кая! Дашь мне мобильный? — Не отрывая глаз от экрана, она указала на журнальный столик.

— Конечно, — Мартин протянул руку, — держи!

Элоиза подняла глаза и увидела, что Мартин протягивает ей маленькую коробочку для украшений.

Она смотрела на коробочку, но не спешила её взять.

Он открыл её. Внутри было кольцо. Матовый обруч ручной работы. Благородное золото без камней и вычурных деталей, простое и чистое. Именно такое, какое ей бы хотелось, — если бы ей хотелось получить обручальное кольцо.

Элоиза встретила взглядом с Мартином. В его больших глазах светилась надежда.

— У меня не вышло заманить тебя в Барселону, а ждать я больше не могу... — Он поставил открытую коробочку на стол и подтолкнул её к Элоизе. — Что скажешь, Эло?

Элоиза на мгновение закрыла глаза. Когда она вновь открыла их, его взгляд оставался неизменным. Столь же преисполненным ожидания.

— Мартин, — начала она, положив ладонь ему на щеку, — послушай... Я не та, кого ты ищешь. Этого... — она кивнула на кольцо, — этого не будет.

— Нет, Элоиза! — Мартин настойчиво кивнул. — Ты моя единственная! Я знаю!

— Нет. Я... может, если бы мы встретились в другой жизни, то...

— В другой жизни? О чём ты?

— Я имею в виду: нам было весело и...

— *Весело?* — над его переносицей пролегла морщинка.

— Да, нам было весело, и мне бы хотелось так продолжать и впредь, но... мы ищем разных вещей, Мартин. Ты хочешь жениться и завести детей, а я нет. Я всегда это знала, и с моей стороны тоже не совсем верно продолжать с тобой...

— Подожди минутку. — Он непонимающе покачал головой. — Ты никогда не мечтала создать семью?

— Я о многих вещах мечтала, которых сейчас уже не хочу.

— Не понимаю?

— То, что случилось в моей жизни в последние пару лет... Всё изменилось.

— Почему? Что изменилось?

— Так уж вышло. Я изменилась. Меня не хватит на то, чего ты хочешь. Мать твоих будущих детей — не я.

Мартин закрыл коробочку с кольцом и откинулся на стуле.

— Но ты же по-прежнему можешь работать, — его голос звучал ранено и обиженно. — Ты дружишь с Гердой, напиваешься белым вином и спускаешь большие фирмы в унитаз своими статьями на первых страницах газеты, а вот семью ты не можешь осилить? У тебя нет сил на детей после всего того, через что ты прошла, ты это хочешь сказать?

Элоиза кивнула:

— Да, именно так.

Он наклонился и взял её за руку.

— Элоиза, ты одна из самых сильных духом людей из всех, кого мне доводилось встречать. Ты, конечно же, сможешь стать матерью.

Она покачала головой:

— Ты не совсем верно меня понимаешь. Я не говорю, что стала слабее или что события последних лет меня сломали. Но... — она подыскивала слова, — это как пережить внутреннее одиннадцатое сентября.

Мартин смотрел на неё, не понимая.

— Одиннадцатое сентября?!

— Да. Когда самолёты врезались в башни тем утром, что-то изменилось. Что-то незаметное. Нью-Йоркцы отстроили город заново и стали сильнее, несгибаемее. Но... сейчас это уже другой город. На нём всегда будет лежать печать того, что произошло тем утром.

Мартин смотрел на неё, не произнося ни слова. Она видела, что он отчаянно искал новый угол зрения, нащупывал слабое место, на которое можно было бы надавить.

— Раньше у меня была хорошая жизнь, — продолжила Элоиза, чтобы он понял. — Не идеальная, но вполне приемлемая. Но когда я потеряла отца, всё разлетелось на атомы. Сейчас я нашла форму жизни, которая меня устраивает, и... — она повела плечом, — я не хочу раскачивать лодку. И не имею *ни малейшего* желания передавать отцовские гены дальше.

— Но ты не можешь позволить тому, что случилось с твоим отцом, окрасить всю твою жизнь. Он был болен, Элоиза. Но это не заразно. И это *не наследственная* болезнь.

Элоиза промолчала. Слова Мартина рикошетили от неё, как выстрелы от пуленепробиваемого стекла.

Он снова положил свою ладонь на её руку.

— Я видел, как ты разговаривала вчера с Лулу. Как ты её любишь. И если бы у тебя появились свои дети, которые...

— Мир, в котором мы живём, безумен, — огрызнулась Элоиза.

Она внезапно почувствовала раздражение из-за того, что ей приходится прописывать свои ответы громадными неоновыми буквами. Она поднялась и начала убирать со стола, хотя они ещё не успели поесть. Тарелки и стаканы со звоном ударились друг о друга.

— Люди больны на всю голову. Какого дьявола ты-то сам хочешь приводить детей в этот мир?

— А разве не в этом заключается *смысл* всего?! — Мартин повысил голос и пошёл за Элоизой на кухню.

Она поставила тарелки на кухонный остров и встряхнула головой.

— Для тебя — может быть. А для меня — нет.

— То есть ты не хочешь детей, потому что мир — сплошь дерьмо и потому что ты — что? Боишься умереть? — Он возбуждённо взмахнул руками.

— Нет, — она снова покачала головой. Он никак её не понимал. — Я не хочу детей, потому что *не* боюсь смерти. Не сейчас. Не так моя жизнь устроена. Я ни от кого не завишу, и никто не зависит от меня. И сама мысль о том, что появится кто-то...

— Которому что? Которому ты будешь нужна?

Элоиза смотрела на него без выражения.

— Это не та ответственность, которую я собираюсь на себя взваливать. Я даже не уверена, смогу ли я *почувствовать* то, что принято чувствовать в такой ситуации. Внутри меня как будто что-то сломалось. Когда я вчера нашла Кая... меня это не тронуло. Медики уложили его в мешок для трупов и увезли — а я ничего не почувствовала. НИЧЕГО! Понимаешь, что я тебе говорю? Тревожная сигнализация у меня включилась, но я осталась *бесчувственной*. Я думаю, что чувств во мне попросту не осталось.

— Ты сейчас так говоришь, но я знаю, что всё изменилось бы, если бы ты забеременела, — в голосе Мартина кипели чувства. — В ту же секунду, как ты бы узнала, что у тебя внутри жизнь, ребёнок — наш ребёнок! — ты бы тут же его полюбила. Это бы всё изменило...

— Не изменило бы это ни черта.

— Я точно *знаю*, что изменило бы, Элоиза. Если бы ты только дала себе шанс попробовать, открыла своё сердце для...

— Я недавно была у врача, потому что хотела сделать аборт.

Слова вырвались у неё с холодом. Никакого сострадания в голосе, никакого желания прийти к компромиссу.

Мартин выглядел так, будто она только что рассказала, что смертельно больна.

— *Что ты сделала?* — прошептал он.

— В понедельник, — кивнула Элоиза. — Я была у врача в понедельник, потому что хотела сделать аборт.

Мартин сделал шаг к ней. Окинул её взглядом и остановился на животе.

— Ты беременна?

Десятую долю секунды она взвешивала слова, затем покачала головой:

— Больше нет. Но была, и я пытаюсь тебе объяснить, что это ничего не изменило. Я не хочу детей.

Мартин весь съёжился, опустил голову и вытянул шею вперёд. Затем он устремил на Элоизу взгляд, не поднимая головы.

— Ты поехала к врачу делать аборт, не поговорив со мной?

— Да.

Элоиза почувствовала, как её затылок коснулся косяка двери раньше, чем до неё дошло, что произошло.

Она сползла на пол, левый глаз моментально начал опухать. Каждый нерв дрожал, как один большой комок боли.

Мартин возвышался над ней, сжав кулаки. Выражение его лица было отсутствующим, но глаза почернели от злобы.

— **ТЫ УБИЛА НАШЕГО РЕБЁНКА?** — заверещал он. В его глазах блестели слёзы. — *Как ты могла?!*

Элоиза попыталась подняться, но он снова прижал её к полу. Она подняла руку и, защищаясь, загородила лицо.

Мартин ухватился за эту руку, его пальцы впились в кожу.

— Как ты, мать твою, можешь быть такой холодной, Элоиза?

— Отпусти меня, Мартин! — её голос дрожал от ярости и шока. — **ОТПУСТИ МЕНЯ!**

Она почувствовала тошноту, взгляд затуманился, как будто она смотрела сквозь запотевшее стекло.

Мартин смотрел на неё долго, не ослабляя хватки, совершенно окаменев. Но почерневший стеклянный взгляд исчез.

Он её отпустил.

— **ПОШЁЛ ВОН!** — заорала Элоиза и стала отползать, отталкиваясь ногами.

Левый глаз болезненно пульсировал, череп был готов взорваться. Она почувствовала привкус крови во рту.

— ИСЧЕЗНИ!

— Из-из-извини. — Мартин упал перед ней на колени. — Прости, Элоиза, прости меня, я... — Он облизывал губы, подыскивая слова, и пытался понять, что натворил. — Я не знаю, что на меня нашло. Я не хотел...

— Если ты не свалишь отсюда сию же секунду, я позвоню в полицию, — отрезала Элоиза и стала неуклюже подниматься на ноги.

Мартин сделал шаг в её сторону. Она потянулась за телефоном.

— Элоиза, подожди, я...

— Алло? Полиция? — голос Элоизы дрожал, злые слёзы текли по щекам.

Мартин бессильно уронил руки. Свет в его глазах погас.

— Элоиза... — прошептал он.

— Последнее, мать твою, предупреждение, — произнесла Элоиза и указала на входную дверь.

Мартин растерянно кивнул и повернулся.

Кольцо так и осталось лежать на обеденном столе, когда дверь за ним закрылась.

— Один кофе, пожалуйста. С молоком.

Шефер приветливо кивнул улыбчивой девушке, которая принимала его заказ.

Ему предложили столик у окна в бистро на площади Конгенс Нюторв, и он обозревал в окно стройку станции метро на другой стороне улицы, где здоровенный красно-коричневый кран выделялся на фоне городского пейзажа, как туловище длинношеего брахиозавра.

Грузовики с огромными металлическими цилиндрами и странного вида пластиковыми агрегатами сновали туда-сюда, обдавая туристов — ибо кому ещё придёт в голову болтаться возле стройки? — мокрым снегом. На южной стороне площади по-прежнему были установлены ограждения, но посреди хаоса впервые за много лет можно было вновь разглядеть конную статую.

Сколько лет, сколько зим.

Красивый и величественный, как старый друг, город целую вечность стоял перерытым.

Этот вид вызвал у Шефера улыбку. Как будто Атлантида поднимается из морских глубин.

Официантка поставила перед ним кофе и протянула меню.

— Нет, спасибо, — сказал он и придержал её руку. — Только кофе.

— Ждёте кого-то?

Шефер кивнул и перевёл взгляд на часы. Они показывали 9:08, а Элоизы всё не было. Опаздывать без предупреждения — это было на неё не похоже. К тому же она сама подчеркнула, что встреча была важной.

Он позвонил ей, но включился автоответчик. Он попросил перезвонить.

Когда он допил кофе, а время было уже 9:21, в Шефере червячком зашевелилась интуиция — она нашёптывала ему, что что-то было не в порядке.

Он попробовал снова набрать номер, ответа не последовало.

Шефер попросил счёт.

Калитка во двор на улице Олферта Фишера стояла незапертой, и Шефер выругался себе под нос. Он не раз говорил Элоизе, что замок нужно починить, чтобы всякие мутные типы не шастали туда-сюда, когда им вздумается. Иногда создавалось впечатление, что у Элоизы был иммунитет против доводов здравого смысла.

Он начал подниматься по старой скрипучей лестнице и, добравшись до квартиры Элоизы на шестом этаже, совсем запыхался. Прокашлялся, унял кашель курильщика и постучал.

Ждать пришлось долго. Он постучал снова. Затем крикнул:

— Элоиза? Ты там?

Дверь чуть приоткрылась. Элоиза выглядела так, будто только что проснулась: джинсы и чёрная футболка, босые ноги и всклокоченные волосы.

— Привет, — сказала она. Голос дрожал и звучал отстранённо.

Шефер раздражённо взмахнул руками.

— Я прождал тебя полчаса! В чём дело? Ты заболела?

— Прости, — сказала она и отступила на шаг, чтобы пропустить его внутрь. — Я совершенно забыла про наш уговор. Извини меня, пожалуйста.

Шефер открыл дверь в гостиную, и утреннее солнце осветило лицо Элоизы. Кожа вокруг одного глаза распухла и покраснела, из брови сочилась кровь.

— Дьявол! — воскликнул Шефер. — Что с тобой стряслось?

— Ничего. — Она смотрела в сторону.

— Что значит «ничего»?! Ты же... — он осёкся. Затем прищурился. — Это дело рук Мартина?

Элоиза отмахнулась:

— Он не хотел.

— Я убью этого уродца! — закипел Шефер. Он зашагал туда-сюда по гостиной. — Я знал, что однажды это случится! Я *знал!*

— Он не хотел, — повторила она. — Я его оттолкнула, и он потерял самооблада...

— Ты сама-то себя слышишь?! — Шефер разъярённо показал пальцем на своё ухо. — Ты говоришь то же, что все эти женщины, на чьи вызовы мы выезжаем, когда какой-нибудь ублюдочный муж избил их до полусмерти!

— Но я — это не все эти женщины, — отозвалась Элоиза раздражённо.

— Но ты его защищаешь?! — проревел Шефер. — Тогда в чём разница?

— Я его прогнала, понял? Конец! Вышвырнула отсюда.

— Тебе нужно заявить на него, — Шефер упёрся руками в бока. — Его нужно наказать.

Элоиза повернулась к нему спиной. Ушла на кухню и заложила капсулу в кофеварку, которая выплюнула чёрную струйку в маленькую фарфоровую чашечку.

Затем снова повернулась лицом к Шеферу, скрестила руки и стала ждать его следующей фразы.

— Тебе необходимо написать официальное заявление в полицию, — продолжил он, овладев собой.

— Нет, я не хочу.

— Это ещё с какой стати?!

— Потому что у меня просто нет сил на весь этот цирк и потому что... — она слегка пожала плечами, — потому что я его спровоцировала. Я сознательно пыталась сделать ему больно, чтобы не оказаться «плохой». Так что сама виновата.

Шефер уронил челюсть и уставился на Элоизу, не в силах закрыть рот.

— Как тебе в голову могло прийти, что твои поступки — что бы ты ни сделала! — оправдывают такое поведение? Это никогда не нормально. НИКОГДА! Да ты *посмотри* на себя! — Он подошёл ближе и взволнованно осмотрел её лицо. — У тебя левый глаз вообще видит?

Элоиза отстранилась и села к Шеферу боком, чтобы ему не была видна распухшая бровь.

— Я не утверждаю, что его поведение приемлемо, но я не была с ним честна. Он с самого начала наших отношений сказал, что хочет семью — и что для него это *жизненно важно*. И последние полтора года я позволяла ему думать, что, возможно, он мог бы воплотить это в жизнь со мной...

— И что же? — несентиментально спросил Шефер.

— А потом я наговорила гадостей. Я его ранила.

— Ага. И это самая маленькая в мире скрипка, которая играет в честь Мартина Дюваля, — он сложил большой палец с указательным. — Такова жизнь, и что? Мы не всегда получаем то, что хотим. Нам разбивают сердце, а потом раны зарастают. Мы же не начинаем все ни с того ни с сего размахивать кулаками.

Он кипел от ярости. Он упрекал себя, что не следил за Элоизой лучше. Он с самого начала знал, что Мартин Дюваль непредсказуем — чёртов волчара со стрелками на брюках.

Конни могла поддаваться чарам его белых зубов и длинных ресниц, сколько ей заблагорассудится, — но он, в свою очередь, так и не смог

успокоить своего внутреннего неандертальца.

Его рука задела висящие на ремне наручники. Руки чесались защёлкнуть их на запястьях Дюваля. И снисходительность Элоизы только провоцировала его.

— Мартину всегда было сложно умерить свой пыл, — продолжила она. — Но на самом деле он хороший человек.

— Да очнись уже, Элоиза!

— Ладно, ХВАТИТ. — Она выставила вперёд руку. — Очень мило с твоей стороны, что ты так горячишься из-за меня, и я ценю, что ты приехал, действительно ценю. Но ты мне не отец, понятно? Я сама со всем разберусь.

— Нет, не отец, но если бы им был, то ты бы у меня села под домашний арест!

— Ты сердишься?

— А как ты думаешь? Тебе нужно проверить глаз, он совсем неважно выглядит.

— Непременно.

— Пойдём, отвезу тебя к врачу.

— Нет, спасибо, сама справлюсь.

Она взяла полную чашку кофе из кофемашины и протянула её Шеферу.

Он мгновение помедлил, затем взял её, сделал глоток и попытался дышать ровнее.

Воцарилось продолжительное молчание. Элоиза села за стол.

— Ну что ж... — Шефер сел рядом с ней. — Что такого важного произошло, о чём ты предлагала вчера поговорить?

Он рассматривал её глаз, красный от кровоизлияния. Он поморщился и аккуратно взял её за подбородок, чтобы лучше осмотреть ушиб.

Левое веко заплыло и покраснело, бровь была рассечена ближе к переносице. К счастью, это была всего лишь небольшая ссадина, скрытая бровью. «Уродливого рубца не останется, — подумал он, — во всяком случае, на лице».

— Зачем ты вчера мне написала? — повторил он свой вопрос. — Что ты хотела рассказать?

Элоиза подняла на него глаза и пару раз моргнула.

Шефер видел, что она медлила, что бы там ни было у неё на сердце. Он выжидающе смотрел на неё.

Он узнавал этот взгляд. Ему уже доводилось видеть его раньше.

— Элоиза, — сказал он, отчаявшись, и закрыл глаза. — Что ты *на этот раз* натворила?

Она поднялась и, не говоря ни слова, вышла в гостиную. Вернувшись, она положила перед ним на кухонный стол два листа. На первом была распечатка из Google-карт с обзором просёлочных дорог, троп и лесного массива в посёлке муниципалитета Одсхерред. Один из районов был обведен красным маркером. На втором листе была фотография амбарной двери из «Инстаграма» Лукаса.

Шефер пристально посмотрел на неё:

— И что это?

— Это место, которое вы ищете, — она указала на фото, — амбар. Он находится где-то здесь.

Она подтолкнула к нему карту.

Шефер ничего не ответил. Он просто смотрел на неё, и комок ярости рос у него в животе.

— Я знаю, что была там, — сказала Элоиза, — и стояла перед этим амбаром не так давно. А в последнее время я нигде, кроме Рёрвиге, не была. Я точно не помню где, но в этом районе. Я обвела его красным, — она кивнула на карту.

Шефер покусывал нижнюю губу, раздумывая. Затем поднял фото ворот амбара. Его голос был сдержанным, но он буравил Элоизу взглядом.

— Откуда у тебя эта фотография?

— А ты как думаешь? — Она встала и отошла к окну, повернувшись спиной к Шеферу.

— Я думал, что могу на тебя полагаться, — в его тоне слышалось разочарование.

— Ты можешь! — Элоиза резко обернулась. — Я же рассказываю тебе сейчас всё, правда? И, как видишь, в газете об этом ни слова. Я никому ничего не сказала. Самое главное — это найти мальчика, не так ли? Вот я тебе и сообщаю, что амбар находится где-то в Рёрвиге. Спасибо за доверие!

— Почему я постоянно вынужден тебе напоминать, что ты работаешь в газете? — устало спросил Шефер. — А не в полиции!

— Я журналист-расследователь. Разница между нашими профессиями не так уж велика: в наличии или отсутствии пистолета.

Их прервал звонок на мобильный Шефера.

— Тема закрыта, — отрезал он и ответил на вызов.

Резкость в голосе Нильса Петера Бертельсена заставила Шефера наострить уши.

— Что такое? — спросил он и вышел в другую комнату, чтобы Элоиза никак не могла их услышать.

— Мы получили ответ от криминалистов по поводу отпечатков на

батарею в квартире на Сёльвгаде.

— И?

— Они принадлежат Салаху Ахмеду.

— Кто это?

— Подданный Дании, родился в Ираке, тридцать восемь лет, — ответил Бертельсен. — Приехал в Данию в девяносто третьем году. Работает таксистом, проживает в муниципалитете Видovre с женой и новорождённым ребенком.

— Что у нас есть на него?

— Не очень много. В прошлом году обвинён в хранении оружия в связи с конфликтом местных преступных группировок. Его такси остановили во время рейда на улице Блогордгаде, когда он высаживал пассажира, который по стечению обстоятельств был членом «Loyal to Familia», помнишь таких? Полицейские обыскали его автомобиль и обнаружили нож. Его отвели в участок, зарегистрировали и допросили, но на том всё и кончилось.

— Это всё, что у нас есть на него?

— Да.

— Понял. Давайте его возьмём и посмотрим, что он нам скажет, — сказал Шефер. — Я сейчас пришлю тебе кое-что, попроси Бро или кого-нибудь из ребят проверить информацию. Район летних коттеджей к северу от города. Мы получили сведения, что амбар, который мы ищем, возможно, находится там.

Элоиза стояла в дверном проёме и наблюдала за Шефером, когда он повесил трубку.

— Ну что? — спросила она.

Шефер красноречиво взглянул на неё, но на вопрос не ответил. Подойдя к кухонному столу, он сфотографировал карту и, отправив её Бертельсену, убрал телефон в карман.

— Если явится Дюваль, звонишь мне немедленно, ясно? — Он указал на раненое лицо Элоизы. — И не вздумай его оправдывать!

Она послушно кивнула.

Уходя, Шефер изо всех сил хлопнул дверью.

Шефер остановился около тротуара и указал на серебристую «Ауди», которая была припаркована перед многоэтажкой в Видовре:

— Не такая ли «Ауди» числится у нас?

Нильс Петер Бертельсен перепроверил номер, связавшись с дежурным.

— Совершенно верно. Транспортное средство зарегистрировано на имя некоего Салаха Махмуда Абу Аль-Фадль Ахмеда, — Бертельсен прочёл имя, карикатурно изображая восточный акцент. — Ни больше ни меньше!

— Хорошо, — кивнул Шефер. — Значит, он дома.

Он нагнулся вперёд на сиденье, чтобы разглядеть верхнюю часть дома через лобовое стекло, безобразное нагромождение пятнадцати этажей посреди района Ребек Сёпарк. Здание населяли самые разные жильцы, одна судьба горше другой: попрошайки и наркоманы, эмигранты и молодые студенты, у которых не хватало денег на жильё в Копенгагене. Уже далеко не в первый раз Шефер наведывался по этому адресу, чтобы отвезти подозреваемого на допрос. И явно не в последний.

— На каком этаже он живёт?

— На тринадцатом. Квартира сто двадцать четыре.

— Отлично. Погнали!

Шефер и Бертельсен оставили автомобиль у входа и вошли в здание. В лифте пахло карри и мочой, а ботинки Шефера прилипали к полу, где лужа красной жидкости неопределённого вида глазурью покрывала линолеум.

Двери лифта открылись на тринадцатом этаже, и в то же мгновение пепельно-серый человек-гора начал втискиваться в лифт. Мужчина тащил за собой кислородный концентратор, а его рот и нос были скрыты кислородной маской. Руки у него были до того толстые, что казалось, он вытягивал их в стороны, хотя они были просто опущены.

— Прошу прощения, — сказал Шефер. Он втянул живот и проскользнул мимо незнакомца, умудрившись не коснуться ни его, ни стен лифта.

Он оглядел длинный мрачный коридор, который тянулся по обе стороны от лифта.

— Похоже на жилой дом в Рио-де-Жанейро, — сказал Бертельсен, — из тех, которые, знаешь, строители оставили, не достроив. Там люди живут

на тридцать третьем этаже, а внешних стен нет. Надо быть специфической личностью, чтобы здесь жить.

— У многих нет выбора, — сказал Шефер. — Но чудных здесь действительно хватает. В прошлом году мы с Августин допрашивали подозреваемого, который жил на несколько этажей ниже. В Рёдове пропала почтальон, её не было трое суток, и свидетель утверждал, что видел её в «Макдоналдсе» с одним из местных, — Шефер указал на ресторанчик быстрого питания через дорогу. — И мы, естественно, зашли поболтать с парнем, прощупать его. Знаешь, что мы нашли у него в ванной?

— Почтальона?

— Нет. Двенадцать обезглавленных кур.

Бертельсен сдвинул брови:

— Что-что?

— Двенадцать кур, которых он купил в разных районах Копенгагена, чтобы не вызывать подозрений — хотя понятия не имею, какие подозрения он имел в виду, — и которым потом оторвал головы голыми руками. Одну за другой, — Шефер изобразил, что по очереди срывает пробки с пивных бутылок.

Бертельсен приподнял одну бровь:

— Какого чёрта он это делал?

Шефер пожал плечами:

— Хотел прочувствовать, каково это. Его явно это возбуждало.

— *Курица?*

— Верно. Существует явление под названием «ависодомия». Слышал о таком?

Бертельсен покачал головой. Судя по взгляду, не очень-то и хотел слышать.

— Вот и я раньше не знал. А потом узнал, что это сексуальное влечение к птицам, вид фетишизма. И я не знаю, что хуже: сам факт существования людей, которых возбуждают птицы, или количество этих случаев. А ведь их должно быть немало, раз у этой дряни даже есть название.

— Ты шутишь, что ли! — Бертельсен прищурился и посмотрел на Шефера взглядом, полным скептицизма.

— Не-а.

— Фетиш! На птиц!

— Ага.

— То есть этот парень... — Бертельсен поднял бровь и кивнул, — с

курами?

— Именно.

— Фу ты чёрт! — его передёрнуло от отвращения. — А что же почтальон? Вы её нашли?

Обнажённое женское тело, покрытое пятнами, предстало перед мысленным взором Шефера. Светлые длинные волосы, плотно обмотанные вокруг шеи. Посиневшие губы, перекошенные от страха. Полоски пластика, впившиеся в тонкие запястья.

— Да. Нашли в мусорном контейнере в Вальбю. Её изнасиловали и задушили.

— А преступник? — спросил Бертельсен.

Шефер покачал головой и зашагал по коридору.

— Всё ещё на свободе.

Они увидели квартиру сто двадцать четыре в самом конце коридора и остановились у двери. Перед ней высилась пирамида поношенной обуви всевозможных размеров. На придверном коврик стояли чёрные резиновые сапоги большого размера, их как будто только что сняли.

Шефер приложил ухо к двери и прислушался. До него доносились приглушённые звуки беседы, но слов вычленить не удавалось, как и распознать язык. Он прикинул, откуда именно могли доноситься голоса: он знал планировку квартиры по предыдущим рейдам. Все квартиры в здании были одинаковы: однушки со спальным уголком и балконом, с которого открывался вид либо на Копенгаген, либо на Брэндбюэстер, ещё один пригород. Он знал, что слева от входа находится небольшая длинная ванная и что единственная полноценная комната в квартире, объединявшая гостиную, кухню и спальню, была продолжением коридора.

Он достал свой табельный пистолет из наплечной кобуры и дал сигнал Бертельсену встать справа от двери, вне обзора из дверного глазка. Затем передумал и просто закрыл стёклышко ладонью.

Он постучал в дверь рукоятью пистолета.

В квартире послышалось движение. Заплакал младенец. Шефер услышал женский голос. Она говорила на арабском, голос был громким и агрессивным, как будто она кого-то отчитывала.

Он снова постучал.

Было слышно, как кто-то подошёл к входной двери. Послышался скрежещущий звук, как будто кто-то двигал ключ или другой острый предмет с внутренней стороны.

Затем на мгновение стало тихо, и снова раздался женский голос:

— Кто там?

— Мне нужно поговорить с Салахом, — сказал Шефер. — Он дома?

— А кто его спрашивает? Мне нужно знать, кто вы, — она говорила по-датски с заметным акцентом. Слова выходили толчками, гласные звучали резко, интонация была совершенно неправильной.

— Мне нужно поговорить с Салахом. Это важно, — повторил Шефер.

Женщина на мгновение умолкла. Ему было слышно, как она что-то шепчет. Другой голос — мужской — шептал в ответ. Это продолжалось несколько секунд.

И тут Шефер вытащил старого облезлого кролика из цилиндра:

— Передайте ему, что я принёс деньги, которые ему должен.

Он покосился на Бертельсена и пожал плечами. Это был неоригинальный приём, но зачастую он срабатывал. Человеческая потребность контролировать ситуацию улетучивалась в тот же миг, как слышался звон монет.

— Хорошо, — сказала женщина. — Положите их в почтовый ящик.

Шефер улыбнулся.

— Лучше я зайду в другой раз. Передавайте привет Салаху и скажите, что я приходил.

— Нет, ладно. Подождите!

В то же мгновение, как дверь приоткрылась, Шефер навалился на неё плечом. Он вошёл в комнату, держа перед собой свой надёжный «хеклер и кох». Худая женщина в платке тут же закричала, и Шефер взял её за плечо свободной рукой.

— Полиция, — сказал он и подтолкнул её дальше в коридор.

Бертельсен пролетел в гостиную мимо них.

— Руки вверх! — крикнул он. — Лечь на пол. Руки за шею. *За шею*, я сказал.

— Сколько вас в квартире? — спросил Шеффер, переводя взгляд с женщины на приоткрытую дверь ванной за её спиной.

Она не ответила на вопрос. Вместо этого с вызовом посмотрела на него густо подведёнными глазами и выплюнула фразу, похожую на арабское проклятье.

Шефер не понял ни слова, но посыл был предельно ясен.

Он выбил дверь ванной ногой с такой силой, что она слетела с петель и врезалась стену.

— Какого чёрта вы творите?! — крикнула женщина. — Вы мне дверь выломали! Будете платить за ремонт.

Шефер её проигнорировал. Он осмотрел белую плитку на стене и открытую белым налётом дверь душевой кабины. Обвёл ванную взглядом.

Пусто.

Затем посмотрел на женщину и указал ей на стул:

— Сядьте.

— Покажите мне ордер, — слегка откинув голову, она указала на Шефера подбородком. — Вы не имеете права просто так вламываться сюда без ордера.

— Вы пересмотрели фильмов, — не смог сдержать улыбку Шефер, — это Дания. Так что будьте любезны сделать то, о чём я вас прошу. Присядьте в гостиной.

Женщина строптиво отвернулась. Она обошла мужчину, который лежал на полу, заломив руки за шею, и приблизилась к колыбели. Взяла рыдающего младенца на руки и принялась убаюкивать.

Шефер огляделся.

Для однокомнатной квартиры мебели было слишком много, и на всех горизонтальных поверхностях были расставлены декоративные статуэтки и другие украшения. Большинство вещей выглядело то ли как наследство, то ли как находки с блошиного рынка. Изящные вещицы с благородной патиной вперемешку с потёртым барахлом. Одна стена была оклеена фотообоями, которые изображали пляж с пальмами. Наверное, задумка была в том, чтобы квартира казалась более просторной — или чтобы Дания казалась менее датской.

Шефер кивнул Бертельсену, который схватил мужчину за руки и поставил на колени. Шефер взглянул на его лицо и нахмурился. У коленопреклонённого, как в молитве, мужчины было широкое лицо и кустистые брови, сросшиеся над переносицей.

Шефер перевёл взгляд на Бертельсена:

— Не похоже на фото из архива?

Бертельсен обратился к мужчине:

— Салах Ахмед?

Мужчина плюнул вместо ответа и попал Бертельсену на штанину. Тот схватил его за воротник обеими руками и поднял резким сердитым движением.

— Прекратите! — крикнула женщина и попыталась встать между ними. — Это мой младший брат, он ничего плохого не сделал. Мы ничего не сделали, так что уходите!

— Где Салах? — спросил Шефер.

— Я не знаю. На работе, может быть? Не знаю!

— Его машина стоит внизу...

— Валла^[62], я понятия не имею, где он, говорю же!

— Кем вы ему приходитеесь? Подруга? Жена?

— Я его жена.

Младенец снова захныкал, и женщина механически продолжила его качать.

— Это ваш ребёнок? — спросил Шефер.

Она кивнула и крепче прижала младенца к себе.

За её спиной Шефер заметил фото в рамке. Фотография улыбающейся семьи, человек двенадцать-четырнадцать, все иноземцы.

Мужчины, женщины и дети. Братья и сёстры, бабушки и дедушки, дяди и тётки. Шефер узнал Салаха Ахмеда в правом углу.

— Ладно, — сказал он и указал на стоявшее в углу кресло. Обивка давно протёрлась, из-под неё выглядывал жёлтый грязный поролон. — Сядьте, будьте добры. У нас есть вопросы касательно вашего мужа.

Шефер и Бертельсен допросили жену и шурина Салаха Ахмеда, но происхождение отпечатков на радиаторе было по-прежнему неизвестно.

Никто ничего не знал, и едва ли причиной тому было простое нежелание сотрудничать. Жена не врала. У неё был по-настоящему опустошённый взгляд — полное неведение, — когда он показал ей фотографию Странда. Она никогда о нём не слышала, в этом Шефер был уверен. Мысли шурина распознать оказалось сложнее, но и его ответы ни на что не навели.

Шефер и Бертельсен вышли из квартиры и направились к лифту.

— Давай попробуем отправить его автомобиль на обыск, — сказал Шефер, — может, что-то обнаружится.

На другом конце полутёмного коридора они увидели мужчину, который заворачивал за угол. Он был одет в толстовку с капюшоном, который закрывал его голову, спускаясь до глаз. Фигура была типично мужская, с широкими плечами и узкими бёдрами, он шёл спокойно, чуть откинувшись назад. В одной руке он нёс пакет из «Макдоналдса» и размахивал им туда-сюда в такт ходьбе.

Шефер запустил правую руку под куртку и взялся за рукоять пистолета.

Когда мужчина их заметил, его походка мгновенно изменилась. Он сбросил скорость, но двигаться не перестал.

Зазвонил мобильный. Звук исходил от мужчины, и Шефер быстро сообразил, что это звонит жена, которая хочет предупредить мужа.

— Салах Ахмед? — позвал он.

Мужчина тут же бросил пакет на пол, развернулся и бросился наутёк.

Шефер и Бертельсен побежали за ним. Они завернули за угол около

лифта и толкнули дверь на лестницу. Там было темно, хоть глаз коли. Бертельсен стукнул по выключателю — ничего. Окон также не было.

Было слышно, как беглец несётся вниз, громко топая по бетону.

— Ты на лифт, я по лестнице, — скомандовал Шефер.

Даже когда бежишь вниз, тринадцати этажей достаточно, чтобы ты запыхался. Салах Ахмед был моложе Шефера и явно в лучшей физической форме. Шефер выругался сам на себя, когда ему волей-неволей пришлось сбавить скорость.

Держась одной рукой за перила, а другой сжимая пистолет, он на ощупь добрался до четвёртого этажа, когда где-то внизу увидел свет. Донёлся стук двери. Затем снова стало темно.

— Блин, — пробормотал он и заставил себя прибавить шаг.

На первом этаже он осторожно открыл дверь, из которой выбежал мужчина. Та вела на противоположную сторону дома. Слева Шефер увидел велосипедную стоянку. Справа была покрытая снегом детская площадка с качелями. Людей не было видно, детей на площадке — тоже. Скрипучие проржавевшие качели покачивались на ветру туда-сюда. Единственным посторонним звуком был шум дороги, которая находилась вблизи дома.

Шефер пошёл по свежим следам на снегу. Они огибали дом и вели к парковке. Как только он завернул за угол, следы смешались с сотнями других отпечатков подошв, которые люди оставляли по дороге на парковку и обратно.

Взгляд Шефера заскользил по территории.

Он заметил тень за припаркованным грузовиком и направился к машине. Он был всего в нескольких метрах от неё, когда Салах Ахмед выскочил из укрытия и побежал прочь.

— СТОЯТЬ! — закричал Шефер. — Полиция!

Он выстрелил в воздух, но выстрел не возымел действия.

Когда мужчина был уже на полпути к серой «Ауди», откуда ни возьмись материализовался Бертельсен и регбийным захватом повалил его на землю.

Казалось, что ноги ещё продолжали бежать, когда туловище уже остановилось. Он сделал полусальто назад и со стоном приземлился на бетон.

Бертельсен прижал его коленом и защёлкнул на нём наручники.

Нагнавший их Шефер наклонился, упершись руками в бёдра, чтобы отдышаться.

Мужчина на земле чертыхался и шипел.

— Время тринадцать ноль восемь, — сказал Бертельсен и поднял

задержанного на ноги. — Вы арестованы.

Лиза Августин сидела на полу по-турецки и барабанила пальцами друг о друга. Она посматривала поочерёдно то на стену, то на разложенные перед ней распечатки.

Телефон на рабочем столе не умолкал весь день: звонили люди, считавшие, что располагают важными сведениями. Но до настоящего момента ничего действительно ценного так и не прозвучало.

Вновь раздался звонок, и Августин рывком вскочила на ноги. Дежурный перевёл на неё звонок, и на другом конце провода раздался жизнерадостный женский голос, звучащий со среднеюотландским акцентом.

— Здравствуйте. Меня зовут Аня Кристенсен. Я звоню, потому что на первой странице «Экстра Бладет» увидела, что вы разыскиваете человека, подозреваемого в похищении мальчика.

— Совершенно верно, — ответила Августин и, переключив телефон на громкую связь, вновь устремила взгляд на бумаги. — Чем вы можете нам помочь?

— Тот мужчина на фотографии. Тот, что на поезде, — ответила девушка. — Я практически уверена, что это человек по имени Финн Вайнрих, я с ним работаю.

Августин зубами сняла колпачок с маркера и записала имя.

— Так... Но на снимке не видно лица, почему вы считаете, что это именно Финн Вайнрих?

— Положение тела. И одежда, — сказала девушка. — А вообще само дело наводит меня на мысли, что это Финн. Он легко мог похитить мальчика.

— Почему вы так считаете?

— Потому что он неровно дышит к детям. *Неприятно* неровно.

— Что вы имеете в виду?

— Каждый раз, когда в магазине появляется ребёнок, он чуть ли не прыгает на него с разбегу. Многие посетители жаловались на него, потому что считают, что такое поведение неприемлемо.

— Где вы работаете?

— В «Фётекс Фуд» на углу площади Эспланаден и улицы Бредгаде.

— Этот тот, что напротив Парка Черчилля? У Кастеллет?

— Верно.

— И там работает этот Финн?

— Да, — ответила девушка. — Я работаю в хлебном отделе и иногда на кассе, а он — в овощном. Он получил работу через «Клапджоб».

— Клапджоб?

— Да, это организация, которая занимается социально-трудоустройством людей с особенностями развития.

— А что с ним?

— Я не в курсе. Но он не вполне обычный. Что-то у него не в порядке.

— Вы не знаете, выходил ли он на работу в понедельник?

— Нет, но могу проверить график смен.

Августин слышала, как пальцы застучали по клавиатуре.

— Так, посмотрим... Понедельник, понедельник... Мы вместе были на смене, нашла. Да, я помню. Я работала с семи до пяти. Финн тоже начал в семь утра, но он работал до шести, у него была длинная смена в тот день.

«Это не он, — подумала Августин, — Лукас Бьерре исчез около восьми».

— Но я знаю, что несколько раз за смену он уходил на перерыв.

— Перерыв?

— Да, у нас длинный перерыв на завтрак и много перекуров.

— А вы не припомните, у Финна Вайнриха был перерыв с утра в понедельник?

— Да они весь день. Его не было довольно долго, потому что я помню: в магазин зашли дети и спрашивали его, пока его не было.

— Какие дети?

— Просто местные ребята. Иногда кто-нибудь приходит и спрашивает Финна, потому что он бесплатно раздаёт детям яблоки. Начальство постоянно его ругает за это, но стоит отвернуться, как он опять принимается за своё.

«Бинго», — пронеслось в голове у Августин.

— Вы знаете, где он живёт?

— Не точно, но я знаю, что он живёт с матерью на старой ферме где-то за городом. У меня на языке вертится Рёдовре или что-то в этом духе.

— Но в Рёдовре нет ферм, — ответила Августин.

Она родилась и выросла в том районе, и единственным, что хотя бы отдалённо напоминало ферму, была выставка животных за банкетным залом «Дамхускроен» — да и то в девяностые. Тогда Лиза Августин в первый и единственный раз увидела, как доят корову, и с тех пор больше не брала в рот молока.

Девушка на другом конце провода коротко засмеялась.

— Ну не знаю тогда... Я сама из Вайле и живу в Копенгагене только пять месяцев, так что...

— Ничего страшного, — ответила Августин. — Вы знаете, сколько ему лет?

— Предполагаю, что лет тридцать — тридцать пять. Около того.

— Он сегодня работает?

— Сегодня нет, — ответила девушка. — Его смена теперь послезавтра.

Августин поблагодарила девушку за звонок и повесила трубку. Она тут же открыла Регистр идентификационных номеров подданных Дании и отыскала номер Финна Вайнриха. На экране появился его личный идентификационный номер и адрес. Это было в Глострупе, практически у самого шоссе, неподалёку от школы верховой езды, которую Августин знала. Девушка была права. Это была старая заброшенная ферма, зарегистрированная на шестидесятисемилетнюю Кирстине Вайнрих. Также с ней проживал Финн Вайнрих, тридцати одного года.

Взгляд Августин скользил по экрану.

«Кирстине Вайнрих, — думала она, — Кирстине. Кики».

Она встала и быстро пошла в Отдел компьютерных исследований. Просунув голову в полутёмное помещение, искала глазами Шефера, но ничего, кроме неоновых-голубых экранов, видно не было. Она включила свет, и галогеновые лампы на потолке лениво замигали, разгораясь. Целая команда компьютерщиков недовольно подняла взгляд от экранов.

Вдалеке маячила лысая макушка Микаэля Восса.

— Кто-нибудь знает, где Шефер?

— Он уехал вместе с Бертельсеном около часа назад. Не знаю, вернулись ли они, — ответил Восс.

Августин кивнула головой в знак благодарности и повернулась к выходу.

— Не забудь выключить свет перед...

Дверь захлопнулась за Августин прежде, чем Восс успел закончить фразу.

Она попыталась дозвониться до Шефера, но тот не ответил. Она обыскала весь участок и в комнате отдыха столкнулась с напарником Бертельсена, который стоял в верхней одежде и наливал себе кофе в термокружку.

— Привет, Бро! — она постучала по косяку двери, привлекая его внимание. — Ты не знаешь, куда поехали Шефер с Бертельсеном?

— Они поехали задерживать подозреваемого из Видовре.

Августин сдвинула брови:

— Подозреваемого? Почему Шефер ничего мне не сказал?

Ларс Бро насмешливо улыбнулся:

— Может, пытается от тебя отделаться? Но ты можешь поехать со мной, если хочешь. Я собираюсь в Рёрвиге, чтобы проверить одну наводку.

Августин подняла бровь и фыркнула:

— Нет, спасибо.

Она вернулась к своему рабочему столу и накинула куртку, висевшую на спинке стула. Затем засунула пистолет в наплечную кобуру, вбила адрес Финна Вайнриха в мобильный и вышла из участка.

Шефер вошёл в комнату для допросов и закрыл за собой дверь. Он стоял на небольшом расстоянии от стола и рассматривал человека напротив. Тот был высок и атлетичен и, судя по объёмной мускулатуре, много тренировался. Голова была гладко выбрита, макушка блестела. Впалые щёки покрывала щетина.

Салах Ахмед смотрел на Шефера в упор.

Что-то в его взгляде Шеферу не удавалось расшифровать. Все виновные, кому доводилось сидеть на этом стуле, смотрели либо с упрямством, либо, наоборот, в их глазах горело желание сотрудничать. Но в этот раз всё было иначе.

Что это, гордость? Чувство собственного достоинства?

Шефер подошёл к столу и, выдвинув стул, вновь зачитал мужчине его права. Затем достал из папки с бумагами снимок и подвинул его к собеседнику. Это был портрет Томаса Странда в Кэмп Бастионе — тот же, что он ранее показывал чете Бьерре.

— Я исхожу из того, что презентация излишня, — сказал он.

Салах Ахмед посмотрел на фото. Проворчал несколько слов на арабском. Затем снова поднял глаза на Шефера.

— Вы не говорите по-датски? — спросил тот.

— Я превосходно говорю по-датски, — ответил мужчина с чистым копенгагенским выговором. В его произношении был лишь намёк на иностранный акцент.

— Прекрасно. Так нам будет легче вести диалог.

Шефер выложил следующий снимок. Он был сделан полицейским фотографом в Институте судебно-правовой экспертизы и являл пулевое отверстие на лице Странда. Оно было увеличено в десять раз и походило на кратер от метеорита.

— Что вы можете мне о нём рассказать?

— Выглядит мёртвым, — сказал Салах Ахмед, встретившись взглядом с Шефером.

— Вы наблюдательны. Мы знаем, что за этим стоите вы, Салах, — его тон был мягким, почти братски тёплым. — Так что окажите сами себе услугу сотрудничать с нами. В таком случае вы окажетесь в куда более выгодном положении, когда мы передадим доказательства по делу в прокуратуру и вам предъявят обвинения. Потому что, поверьте, они это

сделают!

Салах Ахмед молчал.

Шефер откинулся на стуле и сложил руки на животе. Замер в терпеливом ожидании.

Кроме отпечатков пальцев на батарее в квартире убитого, у него не было улик против Ахмеда. Если Шеферу не удастся добыть чего-то ещё, парня отпустят через двадцать четыре часа, в течение которых позволено задерживать подозреваемого до доказательства его виновности или до освобождения.

Ему было необходимо вытянуть из мужчины признание, а значит, необходимо было его разговорить.

— Вы из Ирака? — спросил он.

— Я подданный Дании. Такой же, как вы.

— Но вы родились в Ираке?

— Да.

— И что вы думаете о Дании?

Салах Ахмед фыркнул.

— О Дании или о датчанах?

— А есть разница?

Он слегка улыбнулся и кивнул:

— Да, разница есть.

— Ладно, — сказал Шефер. — Что вы думаете о датчанах? Или могу сформулировать поточней: что вы думаете об этом датчанине? — он указал на фото Томаса Странда.

— Я хочу поговорить с адвокатом. — Салах Ахмед откинулся на стуле, явно давая понять, что уже сказал всё, что хотел. — Я знаю свои права. И мне нужен адвокат. Сейчас.

— Это всё замечательно, — ответил Шефер, — но, в отличие от С.S.I., N.V.A. или как там это называется в Голливуде, в нашей стране всё работает иначе. Вы увидите адвоката, когда я закончу с вами. Ни минутой ранее, и если вы не...

Дверь за их спиной открылась, и Шефер раздражённо обернулся.

В дверном проёме стоял Бертельсен и знаками показывал, что Шефер должен выйти.

Он поднялся и покинул комнату. Повернулся к Бертельсену сразу, как дверь за его спиной захлопнулась, слегка раздражённый тем, что его прервали в самом начале допроса.

— В чём дело?

— Мы прогнали семью Ахмеда по системе.

— И?

— У него есть двоюродный брат.

— У них у всех обычно есть братья, — не удивился Шефер.

— Брата зовут Карим Хуссейн Аль-Фадль Ахмед. И он работает в Вооружённых силах.

У Шефера загудело в груди. Он кивнул, чтобы Бертельсен продолжал.

— Он психолог-реабилитолог в казармах Сванемёллен. Работает с солдатами.

— А Томас Странд?

— Его пациент.

Шефер удовлетворённо кивнул:

— Отличная работа, Нильс Петер.

Он развернулся и собрался обратно в комнату для допросов.

— Это не всё, — остановил его Бертельсен. — Семья Салаха переехала в Данию в девяносто третьем. Родители с бабушкой и дедушкой, а также старшая и младшая сёстры. Но в документах написано, что был и младший брат. И он не поехал.

— Он остался в Ираке?

— Об этом сведений нет. Написано только, что семья насчитывала восемь человек, но в девяносто третьем приехали только семеро.

— Понял.

Он открыл дверь и поймал взгляд Салаха.

— Значит, так, слушайте... Карим тоже у нас, и он готов сотрудничать. — Подойдя к столу, Шефер тяжело опустился на стул и раздосадованно уронил перед собой руку. — Поэтому без вашей помощи мы вполне обойдёмся, но сейчас я найду вам адвоката, как вы просили. И мне только останется пожелать вам удачи в будущем.

Он вытащил мобильный из кармана и принялся листать список контактов.

— Я исхожу из того, что никакого постоянного адвоката у вас нет, как и финансовой возможности заплатить хорошему частному адвокату, так что вам его назначат. Они почти такие же способные, как частные, ну, или... — Он покачал головой. — Всё равно это лучше, чем ничего.

— Он это заслужил, — пробормотал Салах Ахмед.

Шефер оторвался от телефона.

— Извините? Вы что-то сказали?

— Эта свинья, — он кивнул на фотографию Странда со стола для вскрытия, — он это заслужил.

— То есть теперь вы *хотите* сотрудничать? Я правильно истолковал

ваши слова?

Мужчина ничего не ответил.

— Сейчас или никогда, — сказал Шефер. — Если вы дадите чистосердечное признание, наказание вне всяких сомнений будет мягче, чем...

— Мне безразлично ваше наказание.

«Раз он заговорил, — подумал Шефер, — далеко не безразлично». Он обернулся к зеркальному стеклу и кивком попросил принести бланки для чистосердечного признания.

— Мне безразлично наказание, — повторил Салах Ахмед. — Как и вам плевать на таких, как я.

Шефер встретился с ним глазами.

— Что-что?

— Вы спросили, что я думаю о датчанах, — ответил тот, — и я думаю, что вам всё равно. Пока дело вас не касается — не касается ваших семей и ваших детей, — вам всё равно. И вы посылаете таких свиней, как этот... — он ткнул пальцем в фотографию пулевого отверстия, — посылаете их в Ирак. В Афганистан. И вам неинтересно, что они там творят. Вам всё равно, кого они убивают.

— Разумеется, нам не всё равно, — сказал Шефер. — Если бы это было так, мы бы не вмешивались и предоставили вам возможность беспрепятственно аллах-акбарить друг друга в фарш.

Салах фыркнул.

— После теракта в Манчестере, где на концерте погибла молодёжь, вы все говорили друг другу: «Дети! Они уже не щадят и детей?!» Помните такое?

Шефер промолчал.

— По всем каналам крутили кадры с места теракта, — продолжил Салах. — Кадр за кадром, кадр за кадром, да? Там ещё была девушка в джинсах, которой оторвало ноги. Она выползла из концертного зала на четвереньках вся в крови. Помните? Все СМИ показывали её фото. День за днём. Неделями!

Шефер очень хорошо это помнил.

— Вы устраивали концерты памяти жертв, и зажигали свечи, и чего только не делали... — Салах Ахмед посмотрел в никуда, как будто видел всё это прямо перед собой. Затем снова перевёл глаза на Шефера. — Через неделю после теракта я сидел и читал газету. И среди новостей, где-то ближе к концу, была втиснута новость о том, что в Сирии бомбой убило сорок детей. Всего четыре строчки. Самолёт американской коалиции

бомбил мирное население. Семьи членов ИГИЛ.

— Война есть война, — мрачно кивнул Шефер.

— Да ладно? — Салах безрадостно улыбнулся. — Вы плевать хотите на мёртвых детей, пока это не *ваши* дети. Мой брат погиб так. При американской бомбёжке. Была ночь, и он спал у нас дома, в Багдаде. Язид лежал на своей кровати, которая стояла рядом с моей. А потом... — он щёлкнул пальцами, — раз — и его нет. Но в ваших газетах не было фотографий. Ни тебе памятных речей, ни слёзных статей. Вам чертовски всё равно. А ему было шесть лет, вот так, — он пожал плечами, его взгляд стал совершенно пустым, — но он не был одним из вас.

Шефер молчал. А что он мог сказать?

— Теперь у меня самого родился ребёнок, — сказал Салах, — маленький сын. И знать, что он вырастет в мире, где будет на одного Томаса Странда меньше... — Он кивнул своим собственным мыслям. — Мне это по душе. Так что отвечу на ваш вопрос: да! Я отомстил за Язида и таких, как он, и мне это по душе. Ваш солдат убивал невинных детей — сами спросите у Карима! Он перебил невинных людей просто *для развлечения* — и никто в этой стране и бровью не повёл!

Шефер пристально на него посмотрел:

— Об убийстве каких детей вы говорите?

— На Рождество я подобрал пассажира где-то на Амагерброгаде. Он был говорлив и сболтнул мне, что служит в армии и как-то связан с казармами на Остербро. Сванемёллен, знаете?

Шефер кивнул.

— Я ответил, что мой двоюродный брат там работает, и оказалось, что этот человек знает Карима. И сказал, что я, мол, должен передать ему привет от Томаса Странда. «Приятный парень», — подумал я и высадил его на Сёльвгаде. Потом празднуем мы с Каримом Новый год, я рассказываю ему о поездке и по-доброму отзываюсь об этом Странде, а Карим внезапно весь краснеет. Я сразу понял, что что-то не так. Но он сказал, что не имеет права ничего разглашать, что это служебная тайна. Я донимал его расспросами, пока уже совсем к ночи он не сдался... — Салах яростно подался на стуле вперёд, — и не рассказал мне, что эта свинья убивала женщин и детей в Афганистане. Что он убивал беззащитных — детей! — *ради забавы*.

Всё тело Салаха Ахмеда вытянулось от возмущения, как один большой средний палец. Он откинулся назад и покачал головой:

— Я так и не смог это забыть, и я знал, где он живёт... Так что он получил по заслугам.

Дверь открылась, и Бертельсен протянул Шеферу бланк чистосердечного признания и ручку.

Шефер положил их перед Салахом Ахмедом и смотрел, как тот ставит свою подпись. Затем пару раз кивнул и прикусил щёку.

— Нда... — сказал он. — То, что вы сейчас рассказали о своём младшем брате, действительно ужасно, и нужно быть бесчувственным ублюдком с каменным сердцем, чтобы не испытывать к вам симпатии. Тем не менее есть проблема, которую мы ещё не успели обсудить...

Салах встретился взглядом с Шефером.

— Лукас Бьерре.

Салах замер.

В его взгляде что-то сверкнуло, однако гримаса мученика тут же вернулась. Это длилось лишь долю секунды.

Но Шеферу этого было достаточно.

Автомобиль Лизы Августин завернул налево на улицу Юллингевай, и пригородный ад закусовых и строительных супермаркетов сменили частные земельные участки и фермы. Она съехала с главной дороги, которая пересекала снежно-белые поля, и остановилась там, где брусчатка уводила направо.

Августин отключила GPS-навигатор и посмотрела, куда вела дорога, — в конце виднелся дом. Она достала из бардачка бинокль и внимательно осмотрела здание.

Амбарная дверь была открыта. Внутри был припаркован чёрный грязный пикап, а слева от амбара располагался двухэтажный фермерский дом. Белая краска на фундаменте облупилась и выглядела так, как будто её много лет не подновляли. Фрагменты кровельной черепицы отсутствовали, а сама крыша прогнулась: чихнёшь — развалится. На фоне промёрзших голых полей под свинцовым небом ферма смотрелась как-то по-чернобыльски.

Обветшало. И брошено.

«Трудно представить, что кто-то и впрямь тут живёт», — подумала Августин.

Она заметила в глубине амбара какое-то движение и направила бинокль в ту сторону. За пикапом появилась фигура. Человек стоял спиной, и Августин было не видно, мужчина это или женщина.

Затем он развернулся и вышел из амбара.

Это был мужчина, одетый в светло-голубой комбинезон. Колени перепачканы землёй, за плечо закинут чёрный мусорный мешок. Он пересёк участок быстрыми шагами, оглядываясь по сторонам.

Августин узнала его лицо: она видела его, когда искала подозреваемого в Регистре.

— Здравствуй, здравствуй, Финн Вайнрих, — пробормотала она. Достала мобильный и набрала номер дежурной части. — Это Августин. Я опознала подозреваемого, и мне нужно подкрепление.

Она продиктовала адрес и взвесила, стоило ли ей дожидаться коллег или пойти сразу.

Никогда не знаешь, какие минуты в такой ситуации являются решающими. Может, Лукас Бьерре по-прежнему жив и находится в доме. Может, Финн Вайнрих как раз избавляется от важных улик. А она сидит

сложив руки.

Августин вышла из машины и осмотрелась, проверяя, можно ли попасть на участок другим путём. Прошла по главной дороге, по обеим сторонам которой шеренгами стояли порыжевшие карликовые сосны. Как стены из мёртвых ветвей.

Она перешагнула канаву и, скрываясь за деревьями, направилась к амбару. Холод кусал за щёки.

Дойдя до здания, она спряталась за ним и прислушалась. С другой стороны дома до неё доносился металлический звук от лопаты, врезающейся в землю. Выставив пистолет перед собой, Августин двинулась на звук.

Когда она появилась из-за угла, участок был пуст.

Августин оглядела амбар, ища глазами плотно сжатый рот из «Инстаграма», но здание отличалось и формой, и цветом — окна на двери тоже отсутствовали. Она вновь попыталась локализовать звук ударов по промёрзшей земле, но он прекратился.

Она уже собралась идти к хозяйскому дому, как из глубины амбара послышалось шуршание. Держа пистолет обеими руками, она вошла внутрь. Другая сторона пикапа была не видна, и Августин осторожно и бесшумно двигалась вдоль автомобиля.

Затем снова услышала звук и затаила дыхание.

В то же мгновение из перевернутого мусорного ведра выскочила перепуганная крыса и стрелой метнулась через холодный бетонный пол.

Августин тяжело выдохнула.

— Чёрт бы тебя, — прошептала она и опустила пистолет.

Она успела заметить возникший за спиной силуэт до того, как лопата врезалась ей в скулу.

— Лукас Бьерре, — повторил Шефер. — Что вы с ним сделали?

Салах Ахмед покачал головой, уголки его рта поползли вниз.

— Я не знаю человека с таким именем.

Шефер выгнул бровь:

— Забавно.

— Что забавно?

— Ну, понимаете... — он демонстративно пожал плечами, — ваша речь о том, что Томас Странд заслуживал смерти за убийство безвинных детей... Забавно, что этот рассказ, вне всяких сомнений, будет использован против вас, когда выяснится, что вы сделали то же самое. Что вы — такой же, как он.

Глаза у Салаха Ахмеда сузились до тонких щёлочек.

— Я не такой, как эта свинья.

— Но ведь ваш аргумент: жизнь всех детей священна?

— Да, так и есть, — сказал он упрямо. — Томас Странд убивал невинных детей в Афганистане. И гордился этим.

— А теперь вы убили датского ребёнка, так что... — Шефер растерянно помотал головой, как будто пытался собрать кубик Рубика силой мысли, — в чём же отличие?

— Я хочу поговорить с адвокатом, — сказал Салах Ахмед.

Шефер бросил ломать комедию.

— Я знаю, что вы похитили мальчика.

Салах Ахмед посмотрел в сторону от Шефера и скрестил руки.

— Понятия не имею, о чём вы.

— Где он? Он здесь? — Шефер взял из папки фотографию амбарной двери и бросил её на стол. — Где это место?

— Я бы очень хотел поговорить сейчас с адвокатом.

— А я бы хотел лежать в шезлонге с холодным пивом, но вот так несправедлива эта жизнь. Расскажите, что вы сделали с Лукасом Бьерре? Он мёртв?

Салах Ахмед молчал.

— Я могу вам открыть, что ваша «Ауди» уже готова уехать в Национальный экспертно-криминалистический центр, где её как следует изучат эксперты, которые не уймутся, пока не найдут улики, — сказал Шефер. — А когда найдут — уж поверьте, найдут! — вы проклянете тот

день, когда ступили на датскую землю.

Ахмед заёрзал на стуле.

— Вы освещения в СМИ хотели, так? Ну теперь вы его получите, дружище. Я уже вижу заголовки, — Шефер вскинул руки, как будто разворачивал газету, — «Детубийца из Багдада». Добро пожаловать на первые полосы!

— Вы чёртова понятия не имеете, о чём говорите! — рявкнул Салах Ахмед. — Я никогда не делал детям ничего плохого.

— Но оставили куртку мальчика во рву у Кастеллет, и это было довольно глупо. На ней были следы. Следы крови с ДНК Странда. Видите? — Он помахал листочком с чистосердечным признанием перед носом Салаха. — Вы только что оставили здесь автограф, так что, когда мы передадим в прокуратуру улики, подтверждающие связь между убийством Странда и исчезновением Лукаса Бьерре, вам будет несколько сложно доказать кому бы то ни было, какой вы арабский Зорро.

— Я ему ничего не делал.

Шефер считывал язык его тела.

— Но знаете, что с ним произошло?

— Это... — взгляд Салаха Ахмеда неуверенно блуждал, — это сделал не я.

Шефер затаил дыхание.

— Это был не я, — продолжал Салах. — Я стоял на вершине крепостного вала после того, как разобрался со Страндом, и увидел, как мальчика скинули в воду. Но это был не я. Я бы никогда не причинил ребёнку вреда.

Шефер медлил и продолжал, нахмурившись, смотреть на Салаха.

— Вы видели, как кто-то скинул мальчика в ров у Кастеллет?

Тот кивнул один раз.

— Его сбросил в воду не я, ясно? Это был не я. Я снял с мальчика мокрую куртку и выкинул её... Потом мы положили его в машину и включили обогреватель на полную, обтёрли и дали ему...

— Мы? — перебил Шефер.

Рот Салаха Ахмеда несколько раз открылся и закрылся.

— Я, — ответил он, немного погодя. — Я положил его в машину.

Шефер задумался, кто бы мог быть вовлечён в убийство Томаса Странда. Кто-то раздобыл Салаху Ахмеду девятимиллиметровый пистолет. Кто-то затем подобрал его на машине. Шефер подумал о шуринах, мысли которого было так трудно прочесть, и о семейной фотографии на стене в квартире в Ребек Сёпарк. Но решил погодить с этим.

— Почему вы не отвезли его в больницу? — спросил он вместо этого. — Или к нам?

— Потому что у вас ему было бы небезопасно.

Шефер снова нахмурился.

— Что за ерунда? Конечно, у нас он был бы в безопасности. — Он медленно наклонился вперёд на стуле. — Салах, что вы с ним сделали?

Салах Ахмед не отвечал. Казалось, он взвешивал свой следующий шаг. Затем указал на шариковую ручку и блокнот, лежавшие на столе перед Шефером.

— Дайте мне это, — сказал он.

Лиза Августин лежала, съёжившись от боли, на бетонном полу амбара. По ощущениям нижняя челюсть была вывихнута и как минимум один зуб шатался. Она повернулась на бок и сплюнула кровь. Обвела глазами помещение и увидела Финна Вайнриха.

Он сидел на корточках в паре метров от неё и держался за щёки, тщедушный и напуганный. Он странно раскачивался вперёд-назад, не отрывая от неё глаз.

Августин потянулась было к плечевой кобуре, но на полпути заметила пистолет. Он лежал перед ней на полу.

— Извините, — забормотал Финн Вайнрих и принялся бить себя по лицу. — Извините, извините, извините.

До Августин донёсся шорох шин по щебёнке и звук захлопнувшейся двери. Она схватила пистолет и направила его на Финна.

— Лечь на живот, — скомандовала она. — Руки за голову!

— За домом, — промямлил Финн. — Я выкопал яму. Похоронил его. Извините. Я не хотел...

— На живот ложись, я сказала. На пол. ДАВАЙ!

Трое полицейских показались за пикапом.

— АВГУСТИН? — позвал один из них.

— Я здесь, — ответила она.

Один из прибывших полицейских, размером с гору, мгновенно подлетел и схватил Финна Вайнриха. Он аккуратно сложил его пополам, как оригами, и выволок из амбара. Другой присел на корточки перед Августин и бережно положил руку на её пистолет, выставленный вперёд.

— Всё в порядке, — сказал он. — Его тут уже нет.

Августин кивнула.

— Я думаю, он похоронил мальчика. Он сказал, что где-то за домом выкопал яму.

Она, шатаясь, поднялась на ноги. Из рта текла кровь и капала на светло-серый бетонный пол.

— Для начала нужно вызвать тебе «Скорую», — сказал полицейский и поддержал её.

Августин оттолкнула его руку и пошла, пошатываясь, к выходу. Она увидела полицейскую машину, где лицом на капоте с заломленными за спину руками лежал Финн Вайнрих.

Она подошла к нему и щёлкнула пальцами, намекая коллеге, чтобы тот поднял Финна.

— Где Лукас? — спросила она. — Где ты его похоронил?

Мужчина дезориентированно замотал головой из стороны в сторону. Затем увидел через плечо Августин что-то, что заставило его залиться отчаянным скулящим плачем.

Она повернулась и увидела красный, насквозь проржавевший «Ситроен ВХ», который, кашляя, ехал по щебёнке. Автомобиль остановился возле дома, и из него вышла женщина мощного телосложения и довольно грубого вида.

— Что здесь происходит? — спросила она рассерженно.

— Кирстине Вайнрих? — осведомилась Августин.

— Что вам нужно? — громыхнула та. Она остановила взгляд на Финне и покачала головой: — Что ты *на этот раз* натворил, маленький олух?

— Полиция, — сказала Августин и пошла в её сторону. — Стойте, где стоите.

Женщина проигнорировала её требование и прибавила скорость. В глазах, буравящих Финна, сверкали молнии.

— Что ты сделал, Финн? Украл что-нибудь?

— Стоять, — повторила Августин.

Женщина продолжила двигаться к сыну.

Августин схватила её за правую руку. Женщина сразу оттолкнула её левой.

Августин пригнулась и подставила женщине подножку, и та рухнула на землю с гневным воплем.

— Мик, — обратилась Августин к одному из полицейских, — успокой её, пока я побеседую с подозреваемым.

Коллега занялся женщиной, а Августин подошла к Финну Вайнриху.

— Пойдём, — сказала она. — Теперь покажи мне, что ты похоронил за домом.

Финн Вайнрих повёл Августин и одного из полицейских через сосны за домом и указал на маленький холмик, который он попытался замаскировать парой сосновых лап.

— Оно там, — сказал он, указывая на холмик.

— Оно? — переспросила Августин.

Он кивнул.

Августин украдкой переглянула с коллегой, который стоял за спиной Финна.

— Что ты там похоронил, Финн?

— Сумку, — ответил он. На колючем зимнем холоде у него текло из носа. — Сумку мальчика.

— А где похоронен мальчик?

Финн Вайнрих в замешательстве уставился на Августин и медленно покачал головой:

— Я не знаю... Я не...

Августин аккуратно ткнула ногой в верхушку холмика, и оранжевый ремешок рюкзака показался на свет. Она натянула латексную перчатку и одним рывком вытащила рюкзак.

Она приподняла его и изучила. Это был оранжевый рюкзак «Ninjago», который они разыскивали. Замызганный брелок «Stormtrooper» по-прежнему болтался на собачке молнии.

Она повернулась к Финну Вайнриху. Тот выглядел растерянным и напуганным.

— Откуда у тебя рюкзак, Финн?

— Я его нашёл.

— Нашёл?

— Извините. Мне не нужно было его брать.

— Где ты его нашёл?

— В Кастеллет.

— Ты нашёл рюкзак в Кастеллет, — повторила Августин. — Это ты выкинул учебники в кусты?

— Извините.

— Всё в порядке, Финн. Так ты нашёл рюкзак и опустошил его?

Он кивнул.

— Зачем ты взял его с собой?

— Потому что... он там просто лежал и...

— Ты подумал, что он... Что? Красивый?

— Да, красивый, — кивнул он. — Можно, я его оставлю?

Августин покачала головой:

— К сожалению, нет, нам нужно его забрать. Он принадлежит маленькому мальчику по имени Лукас. Ты его знаешь?

Финн Вайнрих кивнул:

— Я видел его у нас в магазине. И в газете.

— Ты видел Лукаса в «Фётекс Фуд»?

— Ему больше нравятся красные яблоки, — улыбнулся Финн. — Мало кому они нравятся.

Августин тяжело вздохнула и огляделась. Дотронулась до скулы и застонала. Потом повернулась к коллеге:

— Нужно опломбировать рюкзак и отвезти его в НКЦ. И вызвать сюда команду, чтобы на всякий случай всё здесь обыскать.

Затем вернулась к Финну:

— Ты здесь живёшь вдвоём с матерью?

Его взгляд остекленел. Он кивнул.

Она снова обратилась к полицейскому:

— Ладно, отвези их в участок, чтобы их могли официально допросить, но позаботься о том, чтобы с матерью их везли отдельно. Мне не нужно, чтобы эта женщина находилась поблизости от сына.

Августин поймала взгляд Финна. Он благодарно улыбался.

— Извините.

Элоиза вежливо кивнула молодому невысокому мужчине, выходя из гардероба клиники. Вообще-то это он толкнул её локтем, когда набрасывал дорогое кашне.

Мужчина не ответил.

Он начал застёгивать куртку и бросил взгляд на израненное лицо Элоизы в зеркале возле вешалок.

Она остановилась и демонстративно уставилась на него.

— Я сказала «извините».

Тот повернул к ней голову и ответил вопросительным взглядом.

— Э... окей.

— Окей? Вы всего лишь сказали *окей*?

— Да, окей. Всё в порядке.

Элоиза сощурилась.

— Вы шутите, что ли?

Мужчина уставился на неё так, будто увидел душевнобольную.

Он быстро оглянулся, чтобы убедиться, что она и вправду обращается к нему.

— Извините?

— Да, долбаный придурок. В следующий раз не забывай это слово!

— Скажите, что здесь происходит? — за её спиной раздался резкий голос.

Она обернулась на звук. Седая секретарша стояла в проёме двери в гардероб, изогнув острую нарисованную бровь.

— Что здесь творится? — повторила она. — Всё в порядке, Юнас?

Мужчина в кашне кивнул и прошёл мимо Элоизы.

Секретарша приветливо ему улыбнулась.

— Позвоните в понедельник после девяти, к этому времени результаты уже должны прийти.

Он поблагодарил и покинул клинику. Затем секретарша повернулась к Элоизе и посмотрела на неё с укоризной:

— Не знаю, кто вы и что здесь делаете, но в нашей клинике принято общаться вежливо. К тому же мы уже закрываемся, так что будьте любезны...

— Это я, Элоиза Кальдан. Я пациентка доктора Бьерре.

Женщина изменилась в лице, её накрашенные розовые губы приоткрылись от удивления.

— Боже милостивый, да вас не узнать! — Она подошла к Элоизе вплотную и надела очки, которые висели у неё на шее на длинном ремешке с жемчужинками. Она обеспокоенно осмотрела лицо Элоизы:

— Что стряслось?

Элоиза издала звук — нечто среднее между фырканьем и смехом.

— Если я скажу, что врезалась в дверь, вы же мне не поверите?

Женщина посмотрела ей прямо в глаза. Снова сняла очки.

— Кто с вами это сделал?

— Я просто хочу узнать, сможете ли вы меня починить.

— Мы можем наложить шов здесь, — женщина указала на разбитую бровь, — так рана не будет открываться шире.

— Чудно! Спасибо.

— Но Йенса сейчас нет, так что это будет Пелле Лаурсен. Сейчас у него последний на сегодня пациент, но если вы присядете и подождёте... — она указала в сторону комнаты ожидания. — Выпейте пока чашку кофе или чаю, если хотите.

Элоиза прошла в комнату. Вставила капсулу в кофемашину и посмотрела в окно, ожидая, когда будет готов кофе. На башне Мраморной церкви виднелись туристы. Маленькие игрушечные люди ходили вокруг купола и показывали руками на город. Чужие люди сидели на её скамейке.

Она взяла чашку с кофе и села на то же кресло, где сидела несколько дней назад. Прислонила голову к подголовнику и тяжело вздохнула.

Какого чёрта всё пошло так безобразно?

Пульсирующая боль в левом глазу прекратилась. Бровь онемела, кожа была как чужая.

Она достала мобильный и посмотрела на экран. Ни пропущенных вызовов, ни сообщений. От Мартина не приходило ничего с того момента, как он покинул её квартиру, и она не думала, что он вновь позвонит или напишет.

А если Шефер прав? Следует и впрямь на него заявить?

Она злилась на Мартина, но и на саму себя тоже. Нужно было закончить эти отношения намного раньше.

Она потрогала бровь. Сразу же снова пошла кровь. Выругавшись про себя, Элоиза огляделась в поисках чего-нибудь, чем можно было бы её промокнуть.

И замерла.

Она долго не могла сделать вдох.

На стене — среди аккуратно развешанных литографий и живописных плакатов — висела маленькая фоторамка. На снимке была амбарная дверь.

Она узнавала узор на дереве. Два круглых окошка... железную ручку... линии, которые складывались в сердитое лицо.

Это место находилось не в Рёвиге. Оно было здесь. В комнате ожидания. Лукас Бьерре сделал снимок в клинике своего отца.

Элоиза вздрогнула, когда в приёмной зазвонил телефон. Быстро оглянулась через плечо, и сердце в её груди заколотилось ещё быстрее. Она снова посмотрела на фотографию. В её голове роились вопросы.

Чего она не заметила? Что неправильно истолковала?

Она вспомнила историю солдата, которую рассказывала Герда: о красной лампочке, которую тот принял за лазерный прицел снайперской винтовки.

...он видит нечто знакомое и делает выводы на уровне рефлексов. Но проблема в том, что, если идти на поводу у рефлексов, дважды два не всегда даёт четыре.

Солдат увидел привычный шаблон и превратно его истолковал. В него не целился лазерный луч. Это было его предположение. *Неверное предположение.*

Дважды два не всегда даёт четыре.

Мысль начала обретать форму.

Йенс Бьерре отвёл сына в школу в понедельник, это она точно знала, и тем не менее...

Как точно звучала та фраза Герды? *Кого* она видела на школьном дворе?

Дважды два не всегда даёт четыре.

Элоиза широко распахнула глаза, адреналин пульсировал уже по всему телу.

Она встала и вышла в гардероб. Сорвала куртку с крючка так резко, что пустые вешалки ударились друг о друга, и поспешила к выходу. Перепрыгивая ступеньки, сбегала вниз по лестнице и, оказавшись на улице, набрала номер Герды.

— Привет, Элоиза! — ответила Герда. Голос звучал жизнерадостно.

— Герда, послушай, это важно, — быстро заговорила Элоиза. Её тон был серьёзен, и она ощутила, как напряглась Герда.

— Что стряслось?

— В то утро на школьном дворе, — Элоиза посмотрела через плечо, пока спускалась по улице Амалиегаде. — В понедельник. Ты *абсолютно* уверена, что видела, как Лукаса отвели в школу?

— Да, — ответила Герда. — А в чём дело?

— Что именно ты видела?

— Я... я поздоровалась с Йенсом на школьном дворе после того, как попрощалась с Лулу, и...

— Это я знаю, ты говорила. Но ты видела Лукаса?

Герда долго молчала.

— Ты видела Лукаса? — повторила Элоиза. — Или ты видела только его отца и *заклЮчила*, что Лукас уже в школе?

Герда медлила.

— Так... Я видела, как Йенс помахал Лукасу, — сказала она. — Я вышла со школьного двора и двигалась к перекрёстку... и увидела, как Йенс машет Лукасу, который пошёл в школу.

— Так ты видела мальчика или нет?

— Блин, я уже сама сомневаюсь, Элоиза. Йенс же махал рукой?! Кому же он мог махать? Что ты пытаешься донести до меня?

— История с твоим пациентом повторяется, Герда. Он увидел в темноте красную лампочку и принял её за оружие. Ты увидела, как Бьерре махал рукой на школьном дворе, и решила, что он отвёл сына в школу.

Воцарилась тишина.

— Это *он*, — сказала Элоиза. — Я думаю, он убил своего сына.

Шефер почувствовал, что во внутреннем кармане вибрирует мобильный. Он припарковался и достал телефон, чтобы посмотреть, не Августин ли это.

Полчаса назад она позвонила из Глострупа и сообщила, что Яблочник, он же Финн Вайнрих, едет в участок на допрос. Сейчас она придерживалась мнения, что речь идёт об отстающем в развитии инфантильном бедолаге, который случайно нашёл рюкзак Лукаса Бьерре в Кастеллет, а вовсе не о хладнокровном убийце.

Шефер посмотрел на экран. Там высветилось «КАЛЬДАН».

Он отклонил вызов и взял себе на заметку, что нужно не забыть перезвонить ей.

Убрав телефон, он поехал дальше, внимательно всматриваясь в номера домов. Когда он, наконец, обнаружил нужный, то отъехал немного в сторону и осмотрел коттедж. Это был красный деревянный дом с белыми окнами с раскладкой и большой верандой белого цвета, которая опоясывала весь дом. Он был похож на деревенский домик в Швеции, в таком мог жить Эмиль из Лённеберги^[63]. Архитектура не самая типичная для окраин Кёге, городка неподалёку от Копенгагена.

Шефер перепроверил адрес, который Салах Ахмед написал в его блокноте. Это было то место.

В Регистре значилось, что дом принадлежит ветеринару по имени Камилла Люнг. Перед входной дверью был припаркован универсал «Вольво» небесно-голубого цвета. Багажная дверца была поднята, и он видел переполненный багажник. Между свёрнутыми одеялами были втиснуты чемодан и сумка-холодильник. Рюкзак, туристические ботинки. Синяя, доверху набитая сумка из «Икеи».

Краем глаза он увидел силуэт и вновь посмотрел на дом. Из него вышла женщина с красной спортивной сумкой и быстро зашагала к автомобилю.

Шефер смотрел на неё в изумлении.

Она выглядела чуть старше — на пару лет, может, на три года, — но как две капли воды походила на Анну Софию Бьерре. Светлые волосы, собранные в хвост на затылке, размеренно ударялись о куртку в такт шагам. Лицо было напряжено, голова втянута в плечи.

Шефер вышел из машины и направился к ней.

Увидев его, она резко остановилась и быстро оглянулась на дом. Затем встретила взглядом с Шефером.

— Я могу вам чем-то помочь? — спросила она лихорадочно.

Она напоминала человека, который поставил все свои деньги на чёрное и теперь глаз не отрывал от маленького белого шарика, скачущего и пританцовывающего на колесе рулетки.

Он приблизился к ней на два шага.

— Камилла Люнг?

Сжав спортивную сумку обеими руками, она осведомилась:

— А кто её спрашивает?

— Полиция.

Её лицо опало, как неудавшееся суфле. «Её фишки вот-вот сгребут, — подумал Шефер, — заведение всегда выигрывает».

Он следил за её руками и сумкой, которую женщина крепко сжимала. Кивнув на «Вольво», он спросил:

— Собираетесь куда-то?

Она не ответила.

— Вы одна? — спросил он и бросил взгляд на коттедж, из кирпичной трубы которого вилась тонкая струйка дыма. — В доме есть ещё кто-нибудь?

— Я одна. — Она подошла к багажнику. — А сейчас извините меня. Я уезжаю.

— Куда едете?

— У меня встреча.

— Многовато багажа для встречи, — он указал на забитый багажник.

— Мне нужно ехать. — Она втиснула сумку среди других вещей. Затем с силой захлопнула багажник.

— Вы никуда не поедете, пока мы не побеседуем.

Женщина проигнорировала его слова и открыла дверь автомобиля.

— Стоять, — он схватил её за руку.

Скрипнули старые петли: за их спинами отворилась входная дверь.

Шефер быстрым скольльзящим движением выхватил пистолет и прицелился на звук.

Стеклянная бутылка вдребезги разлетелась, ударившись о пол веранды, и красная газировка потекла по выкрашенным в белый цвет ступенькам.

На верхней ступени стоял Лукас Бьерре.

Поленья горели ровно и атмосферно потрескивали в камине. Гостиная была обставлена, как охотничья комната в усадьбе: на всех горизонтальных поверхностях располагались чучела лис и диких птиц. На кафельном полу с узором «рыбья кость» была расставлена громоздкая мебель, обитая коричневой кожей. Камилла Люнг тяжело села на диван перед Шефером.

Её лицо выражало облегчение и страдание одновременно.

Лукас Бьерре сидел рядом. Он смотрел на неё так, словно опасался, что она сейчас растворится в воздухе, если упустить её из виду.

— Я хочу поговорить с твоей тётёй наедине, Лукас, — сказал Шефер успокаивающим тоном и кивнул мальчику. — Ты позволишь?

Лукас будто не видел Шефера. С отчаянием в глазах он схватил её за руку.

— Не уезжай от меня, Кики!

— Я никуда не уеду. — Она пожала его руку. — Я здесь. Выведи Джека на прогулку, ему нужен свежий воздух.

Свернувшийся в плетёной корзине в углу чёрный лабрадор поднял уши на звук. «Слепой», — пронеслось в голове у Шефера. Глаза собаки были похожи на стеклянные шарики, молочно-белые, мраморные.

Лукас Бьерре нехотя поднялся с дивана, не отводя глаз от Камиллы.

— Всё в порядке, — сказала она. — Я сейчас поговорю с полицейским, а потом выйду к тебе.

Мальчик подошёл к собаке. Почесал её по спине, и она затрусилась за ним прочь из гостиной.

Шефер посмотрел на Камиллу Люнг. Как только Лукас вышел из комнаты, из неё будто выпустили воздух. Она сидела неподвижно и смотрела в окно.

— Кики? Уменьшительное имя от «Камиллы»?

— Нет, не поэтому.

— А почему тогда?

— Просто он меня так называет.

Шефер попросил её развить мысль.

Она устало пожала плечами.

— Я была в Новой Зеландии несколько лет назад по работе и там купила Лукасу детскую книгу о маори, коренном населении. В этой книге было много слов из языка маори, и среди них «waehe keke», которое значит

«тётя». Я объяснила Лукасу, что прихожусь ему «waehe keke», но у него не получалось это выговорить — он говорил «Кики». Так и повелось. — Она грустно улыбнулась.

Шефер услышал, как закрылась входная дверь, и увидел Лукаса в окне. Он стоял на веранде и тайком поглядывал на них через оконное стекло. Шефер снова перевёл взгляд на Камиллу.

— Я знаю, что Лукаса отвезли к вам сюда в понедельник.

Она кивнула.

— Почему вы сразу же не связались с полицией, когда узнали, что его объявили в розыск?

Она долго смотрела на него в упор, прежде чем ответить.

— Потому что тогда пришлось бы вернуть его Йенсу и Фии. И всё началось бы сначала.

Шефер прищурился:

— Что именно?

— Йенс. Он бьёт его. Регулярные побои. Но в понедельник он зашёл ещё дальше. Они поругались по дороге в школу и... — Она закрыла глаза и закачала головой. — Я не могла отправить Лукаса обратно домой после того, что случилось.

Шефер нахмурился.

— Вы утверждаете, что Йенс Бьерре скинул Лукаса в ров? Что он пытался убить собственного сына?

— Если бы они его не спасли, то... его бы уже не было на свете. Это совершенно точно.

— Они?

— Да, мужчины, которые его ко мне привезли.

Шефер взял на заметку, какие именно слова она употребила.

— Сколько это уже длится, говорите? Сколько времени Лукаса бьёт отец? — Шефер посмотрел на мальчика, который тут же отвёл глаза и повернулся к окну спиной.

Камилла Люнг устало провела рукой по лицу.

— Всё началось, когда Йенс поехал работать за границу. Вы слышали про «Врачей без границ»?

Шефер кивнул.

— Поездки с этой организацией совершенно его переменили. Это случилось не за один день, но постепенно он становился всё более и более агрессивным. Он начал употреблять наркотики: выписывал сам себе рецепты на морфин, «для пациентов». — Она пожала плечами. — Совсем невыносимо стало, когда он вернулся из Сирии. Что-то он там увидел...

Его как будто подменили. — Она глубоко вдохнула и задумалась, вспоминая. — Это началось, когда Лукас пошёл в первый класс. Именно тогда Йенс стал его бить.

— Почему вы не заявили в полицию?

— Я это, чёрт побери, *делала!* — В её взгляде сверкнула молния. — Почему, вы думаете, они вычеркнули меня из своей жизни?

Шефер сдвинул брови.

— Вы *заявляли* на него? Вы абсолютно уверены?

— Ну конечно, *заявляла!*

— У нас ничего не зарегистрировано. В системе нет ни специальных пометок, ни возбуждённого дела.

Камилла Люнг только молча покачала головой:

— Даже не знаю, почему я ещё удивляюсь. Вы совершенно ни за чем не следите!

Шефер приподнял подбородок и посмотрел на неё пристально, однако промолчал. Раз её заявления не было во внутренних рапортах, значит, какой-нибудь консультант или советник облажался — и не впервые. Ошибки случались всё время, в том числе и в полиции, это он знал. Дети, чьи родители пренебрегали своими родительскими обязанностями, или подвергавшиеся насилию не попадали в поле зрения радара. Такое случалось даже слишком часто.

— Кто-то ещё об этом знал? — спросил он. — Жестокое обращение с ребёнком едва ли останется незамеченным. Кто-то должен был обратить внимание.

— Йенс — врач. У него всегда найдётся объяснение. Алиби. «Врачи без границ» хорошо его вымуштровали во время поездок. К тому же Лукас сам изо всех сил старался скрывать всё от внешнего мира. Он мне рассказывал, что заверил учителей, будто все его синяки и ссадины — из-за фехтования и ролевых игр.

Шефер печально кивнул. Через его руки прошло множество дел, где дети упрямо защищали своих родителей, которые жестоко с ними обращались. Маленькие дети, которые, не задумываясь, отпускали грехи отцу с окровавленными кулаками.

Камилла Люнг поднялась с дивана и подошла к стоявшему в углу столику на колёсиках со стеклянной столешницей и латунными ножками. Она вытащила заострённую стеклянную пробку из графина, плеснула себе виски и сделала быстрый глоток. Затем снова села перед Шефером.

— Вы утверждаете, что «Врачи без границ» вымуштровали Йенса. В чём?

— Всех врачей, которые едут в горячие точки, обучают справляться с кризисными ситуациями. Их учат, что именно они должны говорить и делать в случае похищения или в другой опасной обстановке. Йенс рассказал мне об этом перед отправкой в Судан. Это была его первая поездка.

— Что именно он рассказал?

— Что их тренировали быстро ориентироваться в неожиданных ситуациях и за несколько секунд выдумывать убедительную ложь, алиби, объяснение. Для отвода глаз! Они должны были выкручиваться из ситуаций, где на кону стояла их жизнь. И у Йенса это отлично получалось. Он может обдурить кого угодно.

— А мать? Какую роль она играет в этой истории?

Камилла Люнг фыркнула.

— Фия всегда молчала, когда Йенс бил Лукаса. Не предпринимала ровным счётом ничего! Когда это случалось, она просто сидела и смотрела в пустоту, чтобы избежать зрительного контакта со мной. И заливала это всё спиртным. Она алкоголичка, — сказала Камилла, поднимая бокал с виски. — Единственное, что волнует Фию, есть ли в бутылке водка.

Шефер выглянул в окно и увидел мальчика, бродившего по заснеженному двору. Чёрный лабрадор послушно следовал за ним, виляя хвостом и восторженно лая всякий раз, когда мальчик опускался перед ним на колени в снег и клал ему руки на шею.

— Но *вы* решились об этом заговорить?

Она кивнула.

— В какой-то момент я почувствовала, что сыта по горло поведением Йенса, и заявила на него в службу соцзащиты. Но они изучили семью и пришли к выводу, что Йенс — серьёзный, хорошо исполняющий свои обязанности врач и что я ошибаюсь. — Она сложила руки на коленях. — С тех пор я не видела ни его, ни Фию.

Шефер подумал о реакции Анны Софии Бьерре, когда он задал ей вопрос об имени на листочке в тетради. На десятую долю секунды она изменилась в лице.

— Ваша сестра сказала, что не знает никого по имени Кики.

Брови Камиллы Люнг поползли вверх.

— Она врёт! Они оба знают, что Лукас зовет меня Кики. Но я не могу себе представить, чтобы они захотели вывести вас на меня.

— Вы думаете, ваша сестра знает, что ваш зять сбросил Лукаса с моста в понедельник?

— Вовсе не обязательно. — Она пожала плечами. — Может быть,

Йенс скрыл это и от Фии. Чтобы было удобнее разыгрывать роль жертвы, как часть алиби.

Шефер вдруг осознал, что Йенс по-прежнему не имел понятия, что Лукас выжил. Его удивление, когда он услышал о крови Томаса Странда на куртке Лукаса, было искренним.

Он посмотрел на Камиллу Люнг:

— Вы встречались с Лукасом тайно возле школы. Не так ли?

Она кивнула:

— Последний год ему приходилось особенно тяжело. Фия начала пить по-чёрному. Она не смеет перечить Йенсу, поэтому, завидя его в дурном настроении, сразу исчезает в прачечной.

— В прачечной?

— Да, в подвале их дома стоит стиральная машина. Фия прячет в этой комнате водку. Йенс сказал, что запрещает ей пить, и в квартире с тех пор нет алкоголя, но Лукас видел, как она прятала бутылку среди белья. — Камилла запустила пальцы в волосы и посмотрела на мальчика. — Что теперь будет?

— В каком смысле?

— Что будет с Лукасом? Он не хочет обратно к Фии, даже если Йенса посадят. Это я знаю. Звучит, может быть, странно, но... хотя бил его Йенс, в первую очередь он ощущает предательство матери. Он не хочет с ней жить.

Шефер понимающе кивнул. Ему это ничуть не казалось странным. Если бы у него в детстве была такая тётя, как Камилла Люнг, он бы тоже предпочёл жить у неё. Но осуществить такое, к сожалению, было не очень-то просто.

— Сложно сказать, как пройдёт суд. Это не моя область, — сказал он. — Но правда, к несчастью, такова: скорее всего, Лукаса отправят к матери.

Камилла закрыла глаза.

— Но Фия абсолютно ни на что не годится! Она не смогла защитить собственного ребёнка. И она пьёт!

Шефер бросил быстрый взгляд на её бокал и кивнул:

— Да, но этого недостаточно, чтобы у неё забрали ребёнка.

— Почему?

— Потому что они будут рассматривать картину в целом и наверняка придут к выводу, что, пока Лукас находится вне досягаемости отца, он вне опасности. Возможно, службы опеки сочтут полезным для Лукаса провести небольшой промежуток времени вне дома, чтобы ваша сестра разобралась

со своей жизнью. Но пока она имеет работу, содержит дом в приличном состоянии и обещает, что бросит пить, они не так уж много могут сделать. — Его взгляд упал на припаркованный «Вольво». — Куда вы с Лукасом собирались, когда я пришёл?

— Мы просто хотели уехать. Подальше от газет, — сказала она и с подавленным видом откинулась на спинку дивана. — У меня есть подруга в Германии, и я думала, что мы сможем немного пожить у неё...

Шефер поднялся и жестом пригласил Камиллу сделать то же самое.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь мы едем в Копенгаген, все втроём. Лукаса ждёт допрос и осмотр врача, и вы будете нужны ему сейчас как никогда.

— Пристегните ремни, — сказал он и перекинул свой через плечо.

Лукас Бьерре с тётёй сидели на заднем сиденье, оба с посеревшими лицами, но готовые мужественно встретить всё, что их ждёт.

Шефер завёл мотор одной рукой, а другой нащупал в кармане телефон. Он увидел, что Элоиза звонила ему восемь раз. И прислала целую кучу СМС.

Он открыл первое сообщение и прочёл:

*Амбарная дверь находится в медицинском центре.
Перезвони!*

Всего за несколько часов тонкий туман окутал Копенгаген призрачной дымкой. Ни ветерка. Температура поднялась до шести градусов, и на фоне морозов последних дней воздух казался почти душным.

Элоиза топталась на заднем дворе полицейского участка на улице Отто Мёнстеда около входа, которым обычно пользовался Шефер. Она наблюдала за проезжающими в тумане автомобилями и каждые полминуты проверяла мобильный. Часы показывали 16.11, она пыталась дозвониться до Шефера с тех самых пор, как покинула клинику, но он не отвечал, и никто из коллег не имел понятия, куда тот направился.

Когда чёрный «Опель» подъехал к зданию, она поймала взгляд Шефера через грязное лобовое стекло и всплеснула руками.

— Я тебе звонила сто раз! — Она прижала руку к уху, изображая телефонную трубку, и принялась отчаянно жестикулировать.

Шефер опустил боковое стекло и попытался от неё отмахнуться:

— У меня сейчас нет времени, Элоиза.

— Но разве ты не получил моих сообщений? Фотография из папки висит в медицинском...

Он оборвал её, подняв руку:

— У меня сейчас нет времени. Поезжай домой, а я позднее тебе перезвоню.

Элоиза нахмурилась. Она заметила двух пассажиров на заднем сиденье и кинула на них быстрый взгляд. Затем посмотрела на Шефера, открыв рот.

Шефер плотно сжал зубы и стиснул руль так, что костяшки пальцев побелели. Затем кивнул:

— Ладно! Иди к дежурному и попроси проводить тебя на третий этаж. Сядь возле моего кабинета и жди меня. Никому не звонишь, ничего не пишешь, понятно? Сидишь тихо, как мышь, и не пикнешь.

Элоиза кивнула, потеряв дар речи.

Шефер покачал головой и закрыл окно.

* * *

— Вот сюда.

Шефер придержал дверь для Лукаса и попытался поймать его взгляд.

Взгляд мальчика настороженно блуждал по комнате. Помещение было предназначено для допросов несовершеннолетних, которые подверглись насилию того или иного толка, и в противовес другим комнатам для допросов было обставлено в жизнеутверждающих, вызывающих доверие пастельных тонах. В пластиковой корзине лежали игрушки, детские книги и мишки. Вещи, из которых Лукас — судя по выражению его лица — уже вырос.

— Если ты присядешь здесь, моя коллега подойдёт через минуту, — сказал Шефер. — Она приятная, и ей можно доверять. Очень важно, чтобы ты рассказал ей свою историю максимально подробно и честно. — Он доверительно кивнул мальчику. — Чем больше мы узнаем о том, что произошло, тем лучше сможем тебе помочь. Понимаешь?

Лукас Бьерре в первый раз ответил взглядом на взгляд Шефера.

— Я не хочу домой, — сказал он. Резкий, сдержанный тон не располагал к дальнейшей дискуссии. — Что бы она ни сказала, домой я не поеду.

Шефер не ожидал увидеть в глазах мальчика холод. Во взгляде читалась железная воля. «Это взгляд не десятилетнего мальчика», — подумал он. В такие глаза он заглядывал в комнатах допросов этажом выше. Гораздо более скромно обставленных, с мрачными стенами.

— Ты говоришь: «Что бы она ни сказала...» Кто она?

— Моя мать. Если вы заставите меня снова жить с ней, вы пожалеете.

В комнате воцарилась звенящая тишина. Шефер прищурил один глаз, пристально рассматривая паренька другим. Мальчик стоял прямо, с высоко поднятым подбородком. Его слова повисли в воздухе недвусмысленной угрозой.

Шефер сделал серьёзное лицо и кивнул:

— Как скажешь. В любом случае расскажи моей коллеге всё, что у тебя на сердце, и посмотрим, что будет дальше. Окей?

Не дожидаясь ответа, он вышел из комнаты и оставил мальчика одного.

Микала Фриис уже ждала его в коридоре. Они пожали руки.

— Спасибо, что приехала так быстро.

— О чём речь, — она кивнула. — Ну что? Что нам известно?

— Пфф, ну, всё указывает на то, что виноват отец. Речь идёт о регулярном физическом насилии, а также о попытке убийства в понедельник. Тётя мальчика считает, что Йенс Бьерре страдает от посттравматического синдрома или чего-то в этом роде. Он пережил какие-

то события в зоне военных действий, которые разрушили его психику и привели к агрессивному поведению.

Микала Фриис внимательно слушала Шефера.

— Мы поедem и немедленно заберём родителей, а пока мне нужно, чтобы ты поговорила с мальчиком и всё подробно разузнала. Он кажется очень ожесточённым. Холодным! Заставь его рассказать свою часть истории, — он пожал плечами. — Просто делай то, что у тебя отлично получается.

— Принято, — она кивнула и направилась к комнате для допросов.

Он сделал пару шагов в противоположном направлении. Затем резко повернулся к Микале.

— Признай это! — сказал он.

— Что именно? — Она обернулась и приподняла одну бровь.

— Что ты из наших! Ты получаешь от работы в полиции кайф, который в других местах тебе недоступен.

Микала Фриис улыбнулась:

— Может быть.

Он втянул щеки и удовлетворённо кивнул:

— Угу. Я же знаю.

Микала засмеялась, но когда она открывала дверь в комнату допросов, улыбки на её лице уже не было.

* * *

Шефер обнаружил Элоизу рядом со своим кабинетом. Она сидела на стальной скамейке, намертво прикрученной к полу, и сосредоточенно смотрела в экран ноутбука, стоявшего у неё на коленях. Пальцы порхали по клавиатуре.

— Кальдан, — окликнул Шефер.

Элоиза вздрогнула и подняла глаза. Бровь была заклеена пластырем.

— Ну что там? — спросила она возбуждённо. — Я видела Лукаса. Где ты его обнаружил? Что он говорит? Кто сидел с ним в машине?

— Закрой ноутбук и пошли, — сказал Шефер и отпер дверь в кабинет. Он указал на стул посреди комнаты: — Садись!

Элоиза сделала, как ей велели.

Шефер заходил по комнате взад-вперёд; он глядел на журналистку как на бомбу, которую нужно было деактивировать.

— Тебе пока нельзя ничего писать.

— Что произошло? — повторила она с любопытством.

— Дай мне пару часов и получишь свою историю.

— Это отец?

Шефер не ответил, и Элоиза выпрямилась на стуле.

— Я была права! За всем стоит Йенс Бьерре, да?

Он поднял руку.

— Кальдан, закрой рот. Мне нужна пара часов, говорю же. И ты получишь свою историю.

Лиза Августин просунула голову в комнату и посмотрела на Шефера.

— Мальчик здесь, как я понимаю? — Она улыбнулась с облегчением. — Блин, я уже думала, что мы не увидим его в живых.

Шефер кивком обратил её внимание на то, что они были не одни.

Августин заметила Элоизу.

— Привет, о, ты здесь?

— Вы просто два сапога пара! — сказал Шефер, качая головой. — Даже не знаю, каким словом вас описать...

Женщины переглянулись и оглядели раны на лицах друг друга.

Шефер жестом пригласил Августин войти.

— Элоиза, — сказал он, показывая на дверь большим пальцем. — Я позвоню тебе вечером, и ты получишь те слова, за которыми охотишься. Но сейчас — брысь отсюда. Ноги в руки!

Элоиза нахмурилась.

— Но ты же сам сказал, чтобы я тебя дождалась?

— Да, тем не менее у меня сейчас нет на тебя времени. И чрезвычайно важно, чтобы ничего из того, что ты сегодня видела, не попало в интернет. Пока рано. Ты слышишь, что я говорю?

— Вы сейчас поедете арестовывать родителей?

Шефер промолчал.

— Можно мне с вами?

Он ошарашенно посмотрел на неё:

— Нет, разумеется, с нами тебе нельзя!

— Если вы разрешите поехать с вами, я не буду публиковать статью, пока ты не позволишь.

— Ты не будешь публиковать статью. И ТОЧКА, — он посмотрел на неё с угрозой. — И тебе *нельзя* с нами.

Элоиза выдержала его взгляд несколько секунд, затем кивнула:

— Ладно. Но я подожду твоего возвращения.

Шефер указал на металлическую банкетку в коридоре:

— Тогда седи там.

Два наряда полиции с включенными сиренами маневрировали в послеобеденном трафике, несясь мимо Чёрного Диаманта^[64] и площади Конгенс Нюторв. Бро и Бертельсен поехали дальше по улице Бредгаде, взяв курс на медицинский центр на Амалиегаде, тогда как Шефер и Августин свернули у Шарлоттенборга, здания Академии изящных искусств.

Автомобильные шины прогремели по брусчатке, и они с визгом затормозили перед зданием на улице Хайбергсгаде. Туристы на набережной Нюхавн обернулись на звук, вытянули шеи и повытаскивали мобильные.

— Думаешь, он вооружён? — спросила Августин, отстёгивая ремень безопасности.

— Возможно, — ответил Шефер и вышел из машины. — Мне так и не удалось понять, что у него на уме, так что будем осторожны.

Они позвонили в домофон другому жителю дома и быстро поднялись по узкой лестнице вместо того, чтобы поехать на лифте. Когда они добрались до последнего этажа, оказалось, что дверь в квартиру открыта. Шефер и Августин переглянулись.

Подняв пистолеты, они вошли в коридор. Из открытой двери дул холодный ветер. Шефер предупредительно поднял руку, и они оба остановились и прислушались. Из квартиры не доносилось ни звука.

Разделившись, они обыскали комнаты одну за другой. Шефер подошёл к приоткрытой двери в конце длинного коридора и беззвучно толкнул её ногой.

Дверь медленно со скрипом отворилась. Он заглянул внутрь.

Йенс Бьерре сидел за письменным столом посреди комнаты. Балконная дверь за его спиной была широко распахнута. Тишина. Он отсутствующе глядел в пустоту, не реагируя на появление Шефера.

— Йенс, — сказал Шефер. Он держал пистолет в вытянутой руке, направляя его вниз, — встаньте.

Йенс медленно повернул голову.

— Есть... есть новости? — слова прозвучали неразборчиво и глухо. Как шёпот под водой.

— Встаньте, — повторил Шефер. — Давайте! Поднимайтесь!

Он бросил взгляд на стол. Столешница была усеяна открытыми пузырьками из-под таблеток и коробками. Около стакана с прозрачной жидкостью лежала канюля и венозный жгут.

Йенс Бьерре поднялся не без труда. Его взгляд был устремлён в

бесконечность, как будто он смотрел сквозь Шефера. Затем он резко сфокусировался на пистолете в руке Шефера и медленно кивнул.

— Ага, понял, — сказал он и положил ладони на письменный стол, — вы его нашли...

— Отойдите от стола, — сказал Шефер. — Развернитесь. Руки за голову!

Йенс Бьерре развернулся.

— Я никогда не хотел причинить ему вреда, — сказал он медленно.

Он заложил руки за шею и сделал пару шагов к балкону. Его силуэт был очерчен светом уличных фонарей, сиявших через распахнутую дверь.

— Не двигайтесь, — сказал Шефер, направив пистолет на Йенса. — Стоять!

Тот сделал ещё один шаг.

— СТОЯТЬ! — Шефер бросился вперёд, чтобы схватить его.

Руки Йенса Бьерре были по-прежнему закинута за шею, когда он перегнулся через перила и исчез.

— ЧЁРТ!!! — крикнул Шефер и выскочил на балкон. Схватился за перила и посмотрел вниз.

Йенс Бьерре приземлился на велосипедную стойку пятью этажами ниже.

Его ноги лежали на раме белого женского велосипеда, а вокруг головы начала растекаться лужица крови, подобно нимбу.

— Проклятье! — прокричал Шефер и пнул балконную дверь.

Августин появилась в дверном проёме, подбежала к балкону и взглянула вниз. Затем медленно кивнула и осмотрела кабинет:

— А где его жена?

— Не знаю. Но её необходимо срочно найти. — Шефер повернулся к таблеткам на письменном столе и поднял первую попавшуюся коробку.

— Что это? — спросила Августин.

— Морфин, — он стал перебирать коробки и читать этикетки, — снотворное. Успокоительное. Дрянь на любой вкус.

— Дёшево отделался, — сказала Августин. — Выбрал самый лёгкий выход.

Шефер снова посмотрел вниз с балкона и покачал головой:

— Не очень-то это похоже на лёгкий выход.

— Мёртв? — повторила Анна София Бьерре, растерянно качая головой.

Шефер пристально смотрел на неё.

Они ждали её у входа в квартиру на Хайбергсгаде, пока она не появилась, шурша пакетами из продуктового магазина. Теперь она сидела в комнате для допросов в полицейском участке. Её глаза расширились, и в них блуждало почти блаженное выражение. Оно возникло в ту секунду, как Шефер сообщил ей, что Лукас жив, и новость о самоубийстве мужа совершенно не омрачила её эйфории. Напротив, чувство, казалось, обволокло её дешёвой сатиновой простыней.

— И вы утверждаете, что это Йенс... что он пытался убить Лукаса? — Она растерянно покачала головой. — Никогда не могла себе представить, что он на такое способен.

— Совсем мимо вас это вряд ли прошло, — сухо сказал Шефер. — Вы знали, что Йенс избивает сына. И оставались в стороне.

Анна София Бьерре молча смотрела на него. Затем осторожно спросила:

— Где сейчас Лукас?

— Он здесь, — ответил Шефер, — в участке.

— Можно его увидеть? — Её глаза засияли.

Он обратил на неё пустой взгляд.

— Он не хочет вас видеть.

Её лицо застыло. Затем она медленно кивнула.

— На это нужно время, — сказала она, — ему предстоит научиться снова мне доверять.

— Но вы должны перестать пить!

Она согласно кивнула:

— Да! Разумеется.

— *Полностью* перестать, — подчеркнул Шефер. — Если вы продолжите выпивать, я не могу гарантировать, что власти не отберут у вас Лукаса силой. Вы это понимаете?

— Я притронулась к алкоголю в последний раз. Я вам обещаю.

— Это вам не *мне* нужно обещать, а Лукасу.

— Да. Конечно. Больше никогда! — Анна София подняла правую руку, как будто была готова принести присягу. Она помолчала, затем с надеждой

улыбнулась. — Когда мне можно будет его увидеть?

— Данный вопрос вам нужно обсудить со службой соцзащиты, это не в моей компетенции. Но я думаю, у вас будет неделя или две, чтобы подготовить квартиру и уладить дела в связи со смертью мужа.

Она кивнула и сложила руки перед собой.

— А где будет Лукас до этого момента?

— У вашей сестры.

Она отвела взгляд от Шефера и погрузилась в грёзы.

— Когда Лукас вернётся домой, всё будет по-другому, — кивнула она. — Я знаю, всё снова станет хорошо.

Шефер не выглядел особо впечатлённым. Он поднялся и скользнул взглядом по её фигуре.

— Вы получили ещё один шанс, Анна София. Спросите меня — вы его не заслужили, но... вы его получили. Так что оправдайте ожидания!

Он вышел из комнаты прежде, чем у него вырвались все те слова, которые ему никогда не удавалось высказать.

Он взял курс на свой кабинет и порывисто зашагал, но остановился, увидев Элоизу Кальдан на банкетке перед кабинетом.

Он покачал головой и устало потёр глаза.

— Ты всё ещё здесь?!

Элоиза посмотрела на него снизу вверх и пожала плечами:

— Да. А ты на что рассчитывал?

— Чем же ты занималась все эти часы?

— Тем же, чем и ты: работала! Я написала большую часть статьи, и теперь мне нужен только ты, чтобы заполнить оставшиеся пробелы. И пара цитат не помешала бы. Что сказал отец в ответ на обвинения?

Шефер перевёл дыхание и глянул на часы.

— Если я расскажу тебе то, что ты просишь, ты уйдёшь и оставишь меня в покое?

Элоиза улыбнулась и осенила себя крестом.

— Ладно, — сказал Шефер. — Но нам понадобится ведро кофе. Вечер обещает быть долгим.

Главный редактор Миккельсен постучал по микрофону подушечкой пальца, и раздался звук, похожий на выстрел. Люди на лавках испуганно вздрагивали и смотрели на алтарь.

Миккельсен откашлялся и меланхолично поприветствовал присутствующих:

— Дорогие друзья, дорогие коллеги и — в первую очередь — дорогая семья Клевин...

Элоиза украдкой покосилась на семью Кая Клевина, которая сидела в первом ряду в Мраморной церкви, ближе всего к большому белому гробу. Гроб, в котором покоилось бездыханное тело Кая, был украшен роскошным венком из английских роз, гипсофил и лилий, а по всему проходу внизу лежали букеты с шёлковыми лентами и цветистыми словами прощания.

Взгляд Элоизы блуждал по церкви, пока Миккельсен, не скупясь на пышные обороты, вещал о жизни и смерти — долгой неизведанной сказке. Мраморная церковь была полна людей, которые встретились, чтобы проводить старого Клевина в последний путь. Большинство коллег из газеты были здесь, а вместе с ними предприниматели и газетные критики из других газет.

— Смотри, — прошептала Элоиза Могенсу Бётгеру, — ресторанные царьки.

Она указала большим пальцем на скамью в четырёх рядах от них, где плечом к плечу с почтительными лицами сидели ведущие рестораторы города, облачённые в чёрные костюмы.

Ни о ком из них Клевин не отзывался положительно, и чем больше денег они вкладывали, тем обильнее он поливал грязью их уважаемые рестораны в своих статьях. «А они всё равно пришли, чтобы выразить ему своё уважение», — подумала Элоиза.

Бётгер хохотнул:

— Помяни моё слово! Они сюда явились только ради одного: убедиться, что идиот и впрямь скончался.

Элоизе пришлось плотно сжать губы, чтобы не улыбнуться.

Служба длилась мучительно долго. Уже на половине проповеди то тут, то там лица осветились сине-голубым светом мобильных, и когда представление наконец завершилось и гроб увезли, люди устремились на

дождливую улицу, как при эвакуации из самолёта.

— Идешь, Голливуд? — Бётгер кивнул на тёмные очки Элоизы. — Мои источники сообщают, что на поминках в «АОС» подают запечённые устрицы, так что надо бы поторопиться, пока Миккельсен не засосал всё со стола, как пылесос.

Она поднялась и бросила взгляд на выход из церкви.

И застыла.

В дверях стоял Мартин. Его руки были безвольно опущены. Мокрые волосы прилипли ко лбу, пальто из верблюжьей шерсти насквозь промокло на плечах.

Он умоляюще смотрел на Элоизу.

— Мне нужно кое-что уладить, Могенс, — сказала она, не отрывая глаз от Мартина. — Ты поезжай, а я догоню.

Она подошла к алтарю и подождала, пока церковь опустела.

Мартин направился к ней по центральному проходу. Лицо было искажённым и измученным, страдальческим. В паре метров от неё он замер и помедлил, пока не услышал, как захлопнулась дверь за последним человеком.

— Я знал, что ты будешь здесь, — сказал он. — Мне нужно было тебя увидеть.

— Чего ты хочешь? — спросила Элоиза. Голос звучал отстранённо, но не враждебно.

Мартин огляделся. Затем он снова посмотрел на неё, его подбородок дрожал.

— Я в аду, Эло.

Она кивнула один раз:

— Я знаю.

— Что я могу сделать? Что я могу...

— Ничего не поделаешь. Это конец. — Она грустно улыбнулась. — Вообще-то конец начался с самого начала, и мне следовало тебе об этом сказать. — Она сдвинула солнечные очки на лоб, обнажив рану.

При виде этой раны Мартин весь сжался.

Он подошёл на шаг ближе, и Элоиза инстинктивно отступила.

Он в отчаянии покачал головой:

— Невыносимо знать, что ты меня ненавидишь.

— Я тебя не ненавижу.

— Нет?

Элоиза покачала головой и чуть улыбнулась. Как отпущение грехов.

Между ними надолго воцарилась тишина. Они уже сказали друг другу

всё, что могли.

— Лучше иди, — сказала Элоиза.

Мартин продолжал стоять, долго. Он пытался отсрочить неизбежное.

— Мартин... — она кивнула в сторону выхода, — тебе нужно идти.

Когда он ушёл, Элоиза осталась в Мраморной церкви. Она села на скамью в первом ряду и откинула голову. Взгляд блуждал по изображениям апостолов на перекрытиях потолка, пока она вдыхала запах старой древесины, хрупких гобеленов и духовности. Запах детства.

Она закрыла глаза, позволив покою опуститься на неё и поглотить происшествия последней недели.

Минувшую ночь она провела у Герды.

Герда заверила её, что разорвала отношения с Каримом, коллегой из казарм. Она узнала, что Карим был замешан в убийстве её бывшего пациента. Шурин Карима проходил по делу обвиняемым, так же как и ещё один родственник. И Герда не знала, какова была его роль. Передал ли Карим содержание разговоров с пациентом своей семье и дальше они действовали сами, без его согласия? Или он участвовал в планировании убийства?

Герда не могла знать наверняка, но в деле фигурировала полиция, и она больше не хотела иметь ничего общего ни с расследованием, ни с ним. Что произойдёт между ней и Кристианом — и расскажет ли она ему об этом романе — она тоже не знала.

В ответ Элоиза рассказала ей о беременности, выкидыше и разрыве с Мартином.

Герда слушала, кивала и посылала Мартина подальше. Затем поднялась с решительным видом и достала из ящика письменного стола какие-то бумаги.

— Вот! — сказала она и протянула их Элоизе. — Мы с Кристианом вообще-то хотели спросить тебя вместе, но я не могу представить себе более подходящего момента, чем сейчас. Так что...

— Что это?

— Это документы об опеке. Кристиан договорился с нашим адвокатом несколько месяцев назад, чтобы тот запустил процедуру, но поскольку Кристиана с тех пор и дома практически не было, то спрашиваю тебя я.

Элоиза нахмурилась и стала листать бумаги. Затем посмотрела на Герду округлившимися глазами.

— Как ты знаешь, родители Кристиана умерли. У меня жива только мама — и ни у одного из нас нет братьев или сестёр. И если нас — боже

упаси! — собьёт автобус или ещё что-нибудь в этом роде, я хочу, чтобы ты взяла на себя родительские обязательства по отношению к Лулу. Чтобы она жила у тебя.

— Но... — Элоиза растерянно покачала головой. — Разве ты не слышала, что я только что рассказала? Я не смогу позаботиться о ребёнке, Герда, я... я сломленный человек!

— Нет, слава богу, это не так. И в этом вся суть. Ты считаешь, я бы оставила тебе свою дочь, если бы это было действительно так? Жизнь тебя потрепала, это правда. Но это — в противоположность тому, что ты думаешь прямо сейчас, — не определяет тебя как личность. Ты пару лет лежала на дне омота, но вновь движешься вверх, Элоиза, я это вижу. К тому же ты одна из самых замечательных людей, которых я знаю; я не могу себе представить, кто сможет позаботиться о Лулу лучше, если случится беда.

Элоиза молчала.

— Ладно, давай я спрошу по-другому, — сказала Герда. — Если бы мы с Кристианом погибли, *не попросив* тебя подписать этот документ, что бы ты сделала, когда служба защиты детей пришла бы за Лулу?

— Я бы за неё кому угодно горло перегрызла.

Герда улыбнулась, словно говоря: I rest my case^[65].

— Я понимаю, сейчас тебе кажется, что если сидеть в норке, жить будет проще. Что всё будет проще, если ни о ком не заботиться и не волноваться. Но, милая моя... — Герда протянула ей ручку, — ты уже это делаешь.

Элоиза открыла глаза и улыбнулась апостолам на потолке. В тот самый момент она решила провести черту на песке. Отныне она будет помнить хорошее и оставлять плохое позади. Герда была права: случившееся не определяло её как человека. Жизнь по-прежнему была открыта перед ней.

Она вздрогнула от звука СМС. Вытащила мобильный из внутреннего кармана кожаной куртки и прочла сообщение. Оно было от Бётгера.

Куда ты пропала? Всё веселье пропустишь. Миккельсен уже так надрался, что начал лапать официанток, его жена в ярости. Приезжай СРОЧНО, Кальдан!

Элоиза улыбнулась и положила телефон обратно в карман. Затем поднялась и направилась к комнате церковного сторожа в глубине зала.

Постучав, она просунула голову внутрь:

— Здравствуйте, Бобо, отвлекаю?

Сидящий в кресле старик взглянул на неё и улыбнулся:

— Элоиза? Нет, ты меня никогда не отвлекаешь. Могу чем-то помочь?

— Я смогу вас уговорить отпереть дверь на лестницу?

Бобо, кряхтя, поднялся со стула и нашёл связку ключей в кармане куртки.

— Хочешь на колокольню? — спросил он.

Элоиза улыбнулась:

— Да.

— Ума не приложу, как я могла это упустить.

Лиза Августин снимала фотографии с доски в полицейском участке. Дело Лукаса Бьерре было официально закрыто, и сейчас все материалы расследования собирались и упаковывались, листик за листиком.

Шефер ответил взглядом, который говорил: *Сомневайтесь!*^[66]

— Что? — спросила она, вздёрнув подбородок.

— Ты отлично знаешь, что произошло, — сказал он. — Ты не задала правильных вопросов, потому что тебя заворожила эта психологиня. И ты ошиблась. Нам это дорого обошлось. Точка!

— Но она *сказала*, что видела, как отец отвёл мальчика в школу! — запротестовала Августин.

— Да, и тебе следовало спросить, что именно она имела в виду. Ты знаешь, что показания свидетелей бывают ненадёжными. Тебе следовало проверять и перепроверять! А вместо этого ты написала в отчёте, что у нас есть свидетель, который видел мальчика на школьном дворе. Не отца, а *мальчика!* Ты осознаешь, сколько ресурсов мы могли бы сэкономить, если бы алиби Йенса Бьерре было бы подвергнуто сомнению с самого начала?

Августин не ответила.

Она опустила глаза и принялась собирать документы с письменного стола. Открыла картонную коробку, стоявшую на полу, и стала складывать в неё бумаги.

— Три страйка, и ты вылетишь, Августин, — предупредил Шефер. — Это был первый. — Он раздражённо почесал щетину и почувствовал себя уже несколько спокойнее. — Но я тоже совершил ошибку.

Августин взглянула на него, не поднимая головы.

— Мне нужно было попросить свидетелей подтвердить все показания. Я вёл расследование. В конце концов, это была моя ответственность. Так что счёт один-один, и в следующий раз мы будем внимательнее. Договорились?

— Договорились, — кивнула Августин.

Шефер повернулся к доске и решительно сорвал с неё карту Зеландии. Он смял её и бросил в корзину для бумаг. Затем подошёл к развешанным по стене материалам расследования: там были фотографии из «Инстаграма» Лукаса Бьерре, результаты тестов ДНК от Руда Йохансена, показания учителей и воспитателей, фотографии куртки подо льдом в Кастеллет.

Он снял всё со стены и аккуратно положил в коробку.

— А что со ними? — Августин указала на фотоальбомы, стоявшие на полке за стулом Шефера. — Куда их девать?

— Мы вернём их семье. Матери. Отнеси их вниз в почтовый отдел для отправки.

Августин кивнула.

— Лукаса оставили у тёти?

— На месяц, потом он снова вернётся домой.

Августин выглядела скептически.

Он пожал плечами:

— Да, хреновый вариант, конечно, но так заведено. Не наша задача чинить поломанные семьи, мы не социологи. Мы сделали то, что в наших силах, а теперь мальчик возвращается в систему.

— В систему, которая однажды его уже предала, — сухо заметила Августин и взяла фотоальбомы с полки. — Что-нибудь ещё нужно отправлять, чтобы мне не ходить несколько раз?

Шефер покачал головой, и она унесла альбомы.

Он провёл ладонью по шее и оглянулся в поисках ещё чего-нибудь, что следовало сдать в архив. Подошел к стеллажу и начал собирать документы, которые они получили от Микаэля Восса. Распечатки кадров с камер наблюдения станции Остерпорт, на которых был запечатлен Финн Вайнрих, лежали сверху в стопке.

Вайнриха допрашивали и Августин, и Шефер, и, несмотря на его болезненную страсть к детям, причиной которой было отставание в развитии и инфантильность, ничто не подтверждало его связи с Лукасом Бьерре. Мужчину вычеркнули из дела и отправили домой. Шефер видел, как мать увозила своего взрослого сына, как будто тот был дворняжкой на поводке. Ещё один ребёнок, отправленный к никуда не годному родителю.

Он собрал документы и отнёс к картонной коробке. Быстро просмотрел их, как будто это была стопка новеньких купюр, и убрал.

Затем закрыл коробку, надел куртку и покинул кабинет.

Шефер достал из внутреннего кармана пачку «King's» и вытащил сигарету. Он засунул её в рот, не зажигая, и сердечно кивнул коллегам, проходя мимо них расслабленной походкой по коридору к выходу на улицу Отте Мёнстеда.

Он уже дошёл до лестницы и взялся за дверную ручку, когда что-то заставило его остановиться. Шею покалывало.

Шефер тихо стоял и пытался расшифровать это ощущение.

Что было не так?

Развернувшись, он быстро пошёл обратно в кабинет.

Подошёл прямо к картонной коробке на письменном столе и открыл её. Он смотрел внутрь, и в голове у него мельтешили вопросы.

Что вызвало это ощущение в шее?

Он поднял толстую стопку из коробки и выложил на стол. Это была история поисковых запросов мальчика. Сайты, которые он посещал. Приложения с играми, фильмы «Нетфликс», запросы в Google... Августин прошерстила всю стопку в тот же вечер, когда они её получили, и отчиталась, что ничего интересного там не было.

Пальцы Шефера работали быстро, а взгляд скользил по страницам:

Warcraft... War lords...

Он остановился.

Вытащил лист из стопки и поднял его перед собой дрожащими руками. Это был поисковый запрос, который Лукас Бьерре сделал шесть дней назад. Одно слово в поисковой строке Google:

Warfarin.

Его глаза бегали вверх и вниз по странице. Какого дьявола мальчик искал крысиный яд?

Поиск дал результаты, и Шефер увидел, что мальчик открыл статью из северо-ютландской газеты с заголовком: «Директор банка убил жену при помощи крысиного яда».

Шефер включил компьютер и нашёл эту статью. Это был текст двухлетней давности, где говорилось об убийстве в маленьком городке Сеннельс. Он быстро её прочёл, прыгая взглядом от подзаголовка к подзаголовку.

Глава филиала в местном отделении «Юске банка» был осуждён за то, что подмешал крысиный яд жене в водку. Жена умерла от обширного внутреннего кровоизлияния после того, как выпила алкоголь.

Шефер поднял глаза и уставился в пустоту.

Как на куртке Лукаса Бьерре оказался варфарин? И почему Шефер увидел поисковый запрос только сейчас?

Он стиснул зубы и обругал Августин последними словами.

Второй страйк.

Послышался громкий «вжуххх», когда Анна София Бьерре отмотала матовую клейкую ленту. Она перевела взгляд на открытый платяной шкаф, где часть, отведённая Йенсу, теперь опустела. Вешалки одиноко позвякивали на металлической перекладине, полка для обуви была пыльной и пустой.

Она замотала скотчем последний мусорный мешок, отнесла его в коридор к другим пакетам, нажала на кнопку лифта и вошла в квартиру, чтобы надеть ботинки.

В прихожей она улыбнулась себе в зеркале.

Ещё один шанс.

Полицейский так и сказал. Что у неё появился ещё один шанс.

Она полностью осознавала своё предательство. Она знала это слишком хорошо. Все те разы, когда Йенс горячился, все те разы, когда Лукас испуганно плакал, молил её о помощи...

Она должна была прекратить это. Должна была защитить своего ребёнка!

В мыслях она уже прижимала к себе его маленькое тельце и обещала, что всё отныне будет иначе. Больше никакого Йенса. Больше никакого алкоголя. Больше никакой лжи и секретов. Отныне они будут семьёй — она и Лукас. В конце концов, она любила сына. Она любила его больше всего на свете.

Теперь всё будет иначе.

Она вышла в коридор и отодвинула решётку лифта в сторону.

Анна София Бьерре вытащила мешки с одеждой на задний двор дома, к мусорным бакам. Она чувствовала себя легче с каждым новым мешком. Очищенной. Свободной.

Захлопнув крышку последнего контейнера, она сдула с рук невидимые пылинки и вернулась в дом.

В коридоре она чуть не столкнулась со Старой Евой. Старушка, жившая в квартире под ними, с трудом поднималась по лестнице из прачечной в подвале, неся дырявый пакет в одной руке и держа палку под мышкой другой. Она сварливо покачала головой, когда увидела Анну Софию Бьерре.

— Они всё там, тварюги, так что придётся снова ему звонить.

— Кому? — с улыбкой поинтересовалась Анна София Бьерре.

— Крысолову, — ответила старушка. — Эти звери всё ещё здесь. Я в нашей прачечной чуть на одну из них не наступила.

Старая Ева продолжала брюзжать, а Анна София отсутствующе кивала.

Она больше не слушала. Её мысли крутились вокруг бутылки в подвале.

Она нажала на кнопку лифта. Стальные тросы скрипели, пока лифт медленно приближался к первому этажу. Когда он опустился, звякнул звоночек, и Анна София Бьерре отодвинула дверь.

Секунду она стояла, не двигаясь. Затем повернулась на каблуках и пошла в подвал.

Войдя, она включила свет и быстрыми шагами направилась к раковине возле сушилки. Открыла нижний шкафчик и присела на корточки.

Ближе всего к ней стояли ополаскиватель и стиральный порошок. Во втором ряду были более ядовитые жидкости. Средство для прочистки труб. Технический спирт. Хлорка.

Она отодвинула бутылки в сторону и нащупала водку в глубине шкафа. Бутылка была обернута кухонным полотенцем в синюю клеточку и спрятана за сливную трубу.

Анна София Бьерре достала бутылку из шкафчика и поднялась. Быстрым решительным движением вытащила пробку из бутылки и занесла её над сливным отверстием в раковине.

«Вылить всё», — подумала она.

Они с Лукасом начнут сначала. Теперь всё изменится. Так она ему сказала. *Пообещала.*

Она медлила и рассматривала бутылку.

Водки было полбутылки — и она была прозрачная, холодная.

Завтра, кивнула она сама себе. Завтра она станет хорошей матерью. Она сделает всё, что в её силах, — и всё изменится.

Завтра...

Она закрыла глаза и поднесла бутылку к губам.

Благодарность

Я должна сказать огромное спасибо всем читателям, которые приняли Элоизу и Шефера с распростёртыми объятиями в книге «Трупный цветок» в прошлом году. Это превзошло мои самые смелые ожидания. Я по-прежнему преисполнена радости и благодарности.

Большое спасибо, профессор судебной медицины Ханс Петер Хоуген, за то, что ваша дверь всегда открыта для меня. Спасибо за ваше тепло, улыбку и таланты. Я бесконечно вас уважаю.

Большое спасибо старшему сержанту Бенедикте Вевер Ярнойе и бывшему начальнику Медкомиссии, Бенту Исагеру-Нильсену, за неоценимую помощь в работе над деталями расследования. Тёплая благодарность моему дорогому другу, психологу-реабилитологу Метте Арфф Риммен, за то, что познакомила меня с ходом работы в казармах Сванемёллен.

Спасибо Хане Рёнберг и Агнете Эвад, которые принимали участие в большом конкурсе читателей, где мы выбирали имена персонажей для книги. Я не представляю, что *Руда Йохансена* и *Томаса Странда* могли бы звать иначе. Также выражаю благодарность Лисе Лотте Йохансен за то, что она предложила *Патрика Йоргенсена*, и слушателям радио «Go'Morgen P3» за множество занятных и креативных предложений.

Большое спасибо моему редактору, феноменальной Лене Виссинг. Я ценю вашу наблюдательность и всегда чувствую себя услышанной и уверенной в нашем сотрудничестве. Спасибо моему невероятно крутому агенту, Нюе Гульдберг, благодаря которой серия книг о Кальдан и Шефере продаётся за границей. И спасибо всей «команде Ханкок» в издательстве «Lindhardt og Ringhof» за то, что они все за меня горой.

И под конец спасибо той горстке людей, благодаря которым и для которых я дышу: моему любимому мужу Тиму, нашим детям, Веге и Кастору, всему клану Огорд-Йенсен, моему свёкру и свекрови и моей подруге Катрине Энгберг: СПАСИБО за то, какие вы люди, и за то, что вы делаете. *Я люблю вас.*

И к слову: данная книга — вымысел. Это значит, что я всё сочинила. Герои повествования, так же как и школа Ньюхольм, «Демократиск Дагблад» и медицинский центр на улице Амалиегаде, являются не чем иным, как продуктом моей фантазии.

notes

Примечания

1

Ханс Вегнер (Hans Wegner, 1914–2007) — датский дизайнер мебели.

Добро пожаловать в джунгли. У нас здесь веселье и игры (*англ.*).
Цитата из песни американской группы «Guns N'Roses» «Welcome to the
Jungle».

3

Словно увернуться в последний момент (*англ.*, идиом.).

Кварк (Quark) — маленький йотун, нарисован датским художником Петером Мадсенем, герой комикса «Валгалла» («Valhalla») и снятого по его мотивам одноимённого мультфильма.

«Nordea» — крупный скандинавский банк.

Арчибальд Хэддок — персонаж серии комиксов «Приключения Тинтина» бельгийского художника Эрже. Капитан знаменит своим сарказмом и использованием необычных ругательств.

7

Не меняйся (*англ.*).

Голливудский актер и продюсер.

Премия Кавлинга (дат. «Cavlingspris») — наиболее престижная награда Дании в области журналистики. Названа в честь Генрика Кавлинга, третьего почётного редактора газеты «Политикен».

10

Какого чёрта? (*англ.*)

Андерс Фог Расмуссен (*дат.* Anders Fogh Rasmussen) — датский политик, с 2009 по 2014 год генеральный секретарь НАТО. В 2001–2009 гг. возглавлял правительство Дании.

Heckler & Koch — марка огнестрельного оружия.

Клаус Мейер — знаменитый датский шеф-повар, ведущий кулинарных программ.

Человек в жёлтой шляпе — добрый и отзывчивый друг обезьянки Любопытного Джорджа (в Дании — Любопытного Нильса) из американского мультфильма «Любопытный Джордж».

Знаменитая набережная в норвежском городе Берген.

16

Не очень (*англ.*).

Боже мой (*англ.*).

Ну что ж (*англ.*).

Владзю Валентино Либераче (Wladziu Valentino Liberace, 1919–1987) — американский пианист и певец. В 1950–1970 гг. — самый высокооплачиваемый исполнитель в мире.

West Point — Военная академия США.

KVISA (*dam.* konflikt, væsentlighed, identification, sensation, aktualitet) — ставшие классическими в Скандинавии критерии отбора материала для статей, разработанные датским журналистом Могенсом Майлбю (Mogens Meilby). Непонятный на первый взгляд пункт «идентификация» указывает на то, сможет ли потенциальный читатель идентифицировать себя с героями истории и почувствовать, что тема ему близка.

Foodie (*англ.*) — любители вкусно поесть.

И так далее (*нем.*).

Автор не совсем прав: знаменитая фотография пачки масла сделана женщиной из штата Миссури.

Деньги, дорогая! (*англ.*)

Традиционный рождественский напиток в Скандинавии.

Да что ты говоришь (*англ.*, ирон.).

«Жизнь в розовом цвете» (*фр.*), знаменитая песня французской певицы Эдит Пиаф.

«Мужчина, за которого стоит держаться» (*англ.*, сленг).

Было не суждено (*англ.*).

Нет секрета, девочка (*англ.*).

Мы мастурбируем. Вот и все! (*англ.*)

Но он настоящий мужчина (*англ.*).

Кристиансбург — датский королевский дворец с 1740 года; после 1849 года до настоящего времени здание датского парламента — Фолькетинга.

Уильям Джон «Билли» Бремнер (William John «Billy» Bremner, 1942–1997) — шотландский футболист и тренер. Признан величайшим игроком в истории команды «Лидс», включен в Зал славы английского и шотландского футбола.

Вперед, Лидс! (*англ.*) — футбольный клуб «Лидс Юнайтед», трехкратный чемпион Англии.

Регистр идентификационных номеров подданных Датского королевства.

Люминол — органическое соединение. Люминол используется судебными экспертами для выявления следов крови, так как реагирует с железом, содержащимся в гемоглобине, и испускает синее свечение.

Хорошо (*англ.*).

Смекаешь? (*англ.*, сленг.)

41

Можете говорить (*англ.*).

Что ж, миледи? *(англ.)*

Дюпон и Дюпонн (*фр.* Dupond et Dupont) — пара усатых детективов в комиксе «Приключения Тинтина». Почти неотличимы друг от друга, лишь слегка отличаются формой усов.

Сначала стреляй, потом спрашивай (*англ.*).

Милый, милый. Детка, не покидай меня. Пожалуйста, не покидай. Все в одиночку (англ.).

Микадо — настольная игра родом из Японии, направленная на развитие мелкой моторики. Аналог бирюлек. Состоит из набора раскрашенных бамбуковых палочек.

Эквивалентно русскому «Береженого Бог бережет» (*англ.*).

«Еще один свалился замертво» (*англ.*) — название песни английской рок-группы «Queen».

«Где Волли?» — серия иллюстрированных детских книг британского художника Мартина Хендфорда. В них нужно найти героя, Волли, на картинках, кишущих людьми.

О пропавшем ребенке? *(англ.)*

Убей или будь убитым (англ.).

«Врачи без границ» — международная независимая некоммерческая организация, которая оказывает медицинскую помощь людям, пострадавшим в результате военных действий, голода, эпидемий и прочих чрезвычайных ситуаций.

Лисель — дополнительный парус, поднимаемый при слабом ветре для увеличения площади прямых парусов.

По крайней мере, не сейчас (*англ.*).

«Представьте себе» (*англ.*) — песня Джона Леннона из одноименного альбома, в которой автор описывает идеальный мир, о котором мечтает.

Срочные новости (*англ.*).

Будь там! (*англ.*)

«Cohiba» — марка кубинских сигар.

Будь как дома (*исп.*).

Мать всех неудач (*англ.*).

Микала намекает на песню канадской певицы Шанайи Твейн «You're Still the One» («Ты по-прежнему единственный», *англ.*). Номинирована на премию «Грэмми» в четырех номинациях.

Ей-богу! (араб.)

Литературный персонаж, главный герой серии книг шведской писательницы Астрид Линдгрен.

Новое здание Королевской библиотеки Дании, построено в 1999 году.

Вот и я о том (*англ.*, идиом.).

Да брось (*англ.*).